

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Современные исследования

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Булдаков В.П.
доктор ист. наук

Вишневский А.Г.
доктор эконом. наук

Горшков М.К.
академик РАН, председатель

Давыдов А.П.
доктор культурологии,
зам. председателя

Иванов А.Е.
доктор ист. наук

Туманова А.С.
доктор ист. наук,
доктор юр. наук

Федотова В.Г.
доктор филос. наук

Яковенко И.Г.
доктор филос. наук

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

СБОРНИК СТАТЕЙ

ОТВ. РЕДАКТОР ПРОФ., Д. И. Н.

Н.А. ПРОСКУРЯКОВА

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2013

УДК 316.344.32(47+57)(091)»185/191»
ББК 63.3(2)52)-283.2
Г75

исследовательский грант РГНФ № 10-01-00436
издательский грант РГНФ № 13-01-16045

Г75   Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX — начале XX вв. М.: Новый Хронограф, 2013. — 296 с.: ISBN 978-5-94881- 229-8

Книга посвящена исследованию социальной истории России второй половины XIX — начала XX в. В книге представлен обзор современных теорий идентичности, гражданства и гражданского общества, а также эмпирические исследования социальных представлений, социальных практик, коллективных и персональных идентичностей представителей интеллектуальных профессий, а также участников феминистского движения. Исследуемые идентичности, практики и представления анализируются как с точки зрения соответствия идеальным моделям гражданства и гражданского общества, так и на основании тех смыслов, которые вкладывались в них самими историческими акторами.

Работа адресована специалистам в области социальной истории Российской империи второй половины XIX — начала XX в, а также аспирантам и студентам-историкам.

Агентство СІР РГБ

© Проскурякова Н.А., 2013
© Благодетелева Е.Д., 2013
ISBN 978-5-94881- 229-8   © Издательство «Новый Хронограф», 2013

ПРОСКУРЯКОВА
Наталья Ардалионовна
(24 октября 1946 — 7 ноября 2012)

В процессе подготовки рукописи к печати не стало научного руководителя и идейного вдохновителя проекта — доктора исторических наук, профессора Натальи Ардалионовны Проскуряковой. Ученики Натальи Ардалионовны — авторы монографии — выражают глубокую скорбь в связи с невосполнимой утратой.

Быть учеником Натальи Ардалионовны — большая честь, большая ответственность и большое счастье. Встретить в жизни Учителя удается не каждому. Нам повезло.

Наталья Ардалионовна учила при любых обстоятельствах оставаться собой и относиться к себе, как к произведению искусства. Больше всего она ценила в каждом индивидуальность. Уважала и подчеркивала ее. Наталья Ардалионовна показала и убедила нас в том, что мир открыт и свободен. Широтой мышления, грандиозностью планов, бесконечной верой в нас она разрушила в нашем сознании не только дисциплинарные, но и языковые и пространственные границы, научив не бояться нового. Она всегда поощряла наши поиски, создавала для них идеальные условия, оберегая и отстраняя нас от формальных требований, сроков, рамок. Больше всего Наталья Ардалионовна хотела, чтобы мы получали удовольствие от наших исследований, от занятия интеллектуальным трудом в целом.

Среди всех перечисленных качеств Натальи Ардалионовны, превративших наше общение в бесценный жизненный

опыт, выделяется ее особое умение вселять в человека веру в себя и в собственные силы, заставлять расти в собственных глазах. Нам так хотелось быть рядом с ней, что мы старались быть (или хотя бы казаться) чуточку способнее, сообразительнее, умнее, красноречивее. Подготовка к минутному разговору занимала недели, но одобрение, полученное в ответ, дарило ни с чем не сравнимое чувство самоудовлетворения и гордости, за проделанную работу.

Наталья Ардалионовна воспитывала в нас чувство собственного достоинства. Как никто другой она была способна повысить нашу самооценку: прежде всего, абсолютным доверием. Она удостоила нас счастьем познать красоту и роскошь человеческого общения, основанного на взаимном уважении.

ВВЕДЕНИЕ

Представленная книга является результатом работы коллектива авторов, обратившихся к изучению социальной истории Российской империи рубежа XIX–XX вв. сквозь призму современных версий теории модернизации. Последние определяют модернизацию как «сложный эндогенно-экзогенно-направлено-циклический процесс взаимодействия структур и деятельности, традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу»¹. Скорость, вектор и другие параметры протекания данного процесса находятся в непосредственной взаимосвязи с социокультурным контекстом, роль которого может изменяться в зависимости от конкретно-исторических условий.

В Российской империи второй половины XIX — начала XX в. в качестве определяющих социокультурных факторов выступали национальные духовные традиции, а также характер и темпы европеизацией отечественной культуры, варьировавшиеся в рамках различных социальных групп. Особую роль в этой ситуации играли отношения отдельных слоев российского общества и государственной власти, выступавшей основным агентом модернизации и испытывавшей давление как внутренних, так и внешних факторов (необходимость участвовать в конкурентной борьбе «великих держав» за влияние в колониальном мире). Сложные, зачастую конфликтные и обусловленные не только стратегическими, но и ситуативными целями сторон, эти взаимоотношения составляли тот гетерогенный и динамично изменяющийся контекст, в котором

---

¹ *Побережников И.В.* Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации / Автореф. дисс. док. ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 27–28.

развивались основные процессы социальной модернизации: профессионализация, возникновение новых, базирующихся на достижительных механизмах, социальных групп и, в конечном итоге, становление гражданского общества.

Формирование гражданского общества в недрах имперского социума представляло собой процесс поиска индивидами и группами нового типа социальных связей и средств самовыражения, собственного статуса и языка, выходящего за рамки существующего государственного или сословного дискурса. Институциональной основой развивающегося гражданского общества являлись «добровольные ассоциации, пресса, профессиональные организации, университеты, сети патронатных связей, культурные организации и другие социальные структуры, формирующие промежуточные между семьей и государством идентичности»². Данные идентичности отсылали к специфической и, в определенной степени, неоднородной системе ценностей, которую современные исследователи характеризуют, опираясь на идеальный тип или «код гражданственности»³.

Процесс формирования и функционирования специфических идентичностей в сфере гражданского общества является еще малоизученной областью исторической реальности. Причиной тому размытость самих понятий идентичности и гражданства, неодинаково трактуемых в рамках различных дисциплин и теорий. Так, понятие идентичности, прочно вошедшее с 1960-х гг. в концептуальный словарь современного гуманитарного и общественно-научного знания, используется исследователями, «чтобы подчеркнуть неинструментальный характер действия; чтобы привлечь внимание к самопониманию в противовес личному интересу; чтобы определить сходство между людьми или периодами; постигнуть... базисные аспекты «я»; подвергнуть сомнению существование этих аспектов; подчеркнуть интерактивность процесса выработки солидарности

---

² *Kassow S., West J., Clowes E. Introduction // Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / E. Clowes, S. Kassow, J. West (Eds.). Princeton, 1991. P. 6.*

³ Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века / Отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007. С. 23.

и коллективного самопонимания, а также выявить раздробленность современного ощущения «себя», показать, как «я», наспех собранное из клочков дискурса, по-разному активизируется в зависимости от обстоятельств и контекста»⁴.

Не менее проблематично понятие гражданства, восходящее к двум различным традициям социально-политической мысли. Западноевропейское понятие гражданства, базирующееся на историческом опыте современных обществ Великобритании, Франции и США, тесно связано с идеей статуса и членства в локальном (прежде всего, городском) сообществе (англоязычный и франкоязычный термин «гражданство» — “citizenship”, “citoyenneté” — происходит от слова «город» — “city”, “cité”). Центральное-европейский вариант, сформировавшийся в процессе развития германоязычных регионов Европы, — отсылает к понятию гражданского общества (die burgerliche Gesellschaft), то есть к преодолению индивидом границ семейной сферы и вступлению на публичную арену⁵.

На основании западноевропейской традиции оформилось классическое определение гражданства, предложенное в работе Т.Х. Маршалла⁶. Согласно Маршаллу, гражданство как статус подразумевает закрепленную на уровне правовых норм совокупность гражданских, политических и социальных прав индивида в его отношении к государству⁷. Наметившийся в политических и социальных науках 1980-1990-х гг. культурный поворот дополнил это определение, введя в него дестабилизирующий фактор идентичности: гражданство стало интерпретироваться как наиболее рефлексивная или доминирующая идентичность, конституирующаяся «не в отношении других человеческих существ, но в отношении к абстрактной идее государства»⁸.

---

⁴ Брубейкер Р., Кунер Ф. За пределами идентичности // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 76.

⁵ Turner B.S. Contemporary Problems in the Theory of Citizenship // *Citizenship and social theory* / Ed. by Bryan S. Turner. London, 1993. P. 9.

⁶ Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс // Капустин Б. Гражданство и гражданское общество. М., 2011.

⁷ Там же. С. 214 и далее.

⁸ Heater D. *Citizenship: The Civic Ideal in World History Politics and Education*. London, 1990. P. 182.

В свою очередь, традиция интерпретации гражданства в контексте идеи гражданского общества нашла свое выражения в теории Ю. Хабермасса и его последователей Дж. Коэна и Э. Арато, рассматривающих гражданскую идентичность как результат процесса рациональной коммуникации в пространстве публичной сферы, которая представляется независимой от государства и рыночных отношений⁹. Основой гражданской идентичности, по мнению авторов, выступает приверженность всех участников коммуникации определенным дискурсивным правилам и признание самоценности рационального консенсуса, благодаря которому и существует гражданское общество как сфера свободной коммуникации¹⁰.

Таким образом, понятие гражданской идентичности отсылает, как минимум, к двум несводимым к друг другу идентификациям — идентификации субъекта в качестве члена политического сообщества, наделенного на этом основании определенным объемом прав и обязанностей (западноевропейская традиция), и идентификации в качестве участника свободной — не опосредованной государством и рынком — коммуникации в публичной сфере, то есть члена эгалитарного коммуникативного сообщества (германоязычная традиция). Оба варианта интерпретации открывают для российских историков новые теоретические перспективы, в первом случае — в контексте изучения политических практик и политической культуры имперского социума¹¹, во втором — в контексте исследования процессов социальной модернизации и становления новых форм общественных связей.

До настоящего момента исследованиями гражданской идентичности как движущей силы формирования гражданского общества в Российской империи занимались, в основном, зарубежные историки. Большой вклад в развитие данного направления внесли работы Дж. Брэдли, коллективная моно-

---

⁹ Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 479.

¹⁰ Там же. С. 482.

¹¹ Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. От редакции // *Ab Imperio*. 2006. № 4: Антология языков самоописания нации и империи. С. 12.

графия «Между царем и народом», выпущенная ведущими западными историками в начале 1990-х гг., и первый совместный с российскими исследователями проект, увенчавшийся изданием тематического сборника статей «Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи»¹². Основное внимание в этих работах уделено исследованию институтов гражданского общества (прежде всего, общественных организаций), в рамках которых, по мнению исследователей, формировались не только гражданские, но и классовые идентичности¹³.

В свою очередь, авторы представленных здесь работ обратились к изучению гражданской идентичности в контексте формирования профессиональных групп российской интеллигенции второй половины XIX — начала XX века. Причем, понятие «интеллигенция» рассматривалось исследователями в его узком социологическом значении, то есть как группы специалистов, обладающих экспертным знанием, которое подтверждено аттестатами о среднем специальном или высшем образовании¹⁴. Авторы придерживались германоязычной интерпретации гражданской идентичности, однако в своих исследованиях концентрировались на различных аспектах ее проявления в исторической действительности: ценностном, символическом или коммуникативном. Все исследования проведены с привлечением широкого круга исторических источников (документов личного происхождения, публицистики, научных и литературных произведений), часть которых впервые вводиться в научный оборот. Результатом выявления

---

¹² Between Tsar and People...; Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи...; *Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia* // *American Historical Review*. 2002. № 107 (October): 1094—1123 / Internet: <http://www.historycooperative.org/journals/ahr/107.4/ah0402001094.html> [Посещение: 18.01.2012].

¹³ *Bradley J.* Op. cit. / Internet: <http://www.historycooperative.org/journals/ahr/107.4/ah0402001094.html> [Посещение: 18.01.2012].

¹⁴ *Мансуров В.А.* Вместо введения. Исследование профессиональных групп российской интеллигенции: ситуация, методология и методика // *Профессиональные группы интеллигенции* / Отв. ред. В.А.Мансуров. М., 2003. С. 19.

и систематизации его-источников стало создание информационных метаисточников (информационных баз данных) по отдельным группам интеллигенции.

В работе Н.Н. Никс «К вопросу о формировании гражданской идентичности московской профессуры второй половины XIX — начала XX в.» были рассмотрены вопросы особенностей формирования гражданской идентичности отечественной профессуры. Среди отечественной интеллигенции профессура одной из первых сумела заявить о себе как самоорганизованной и самоидентифицированной корпорации. Это была единая социальная группа, объединенная рядом общих признаков (происхождение, социально-правовой статус, материальное положение) и выполняемой ею общественной функцией — производством и трансляцией в общество новых знаний, ценностей, поведенческих моделей. В качестве основополагающей ценностной доминанты профессорской корпорации выступала этика гражданственности, базирующаяся на принципах свободного развития личности, толерантности, плюрализме. Обретение профессурой собственной идентичности происходило посредством осуществления ею своей социальной роли в повседневных практиках научной и педагогической деятельности, составлявших важнейшую смысловую ценность профессуры. Широкая интеллектуальная образованность и пытливость ума направляли поведение их личности на поиск истины как одной из смысловых универсалий человеческой жизни, а занятия наукой рассматривались многими профессорами как одна из форм общественного служения.

Гражданская идентичность профессоров представляла собой устойчивое образование. С одной стороны, она опиралась на традиции, корпоративные ценности и значимые практики, которые тщательно поддерживались, а с другой — являлась посттрадиционной, критически настроенной по отношению к традициям инстанций. Научно-исследовательская деятельность профессоров формировала их картину мира, “образ-Я”, где центральное место занимало эмоционально-ценностное осознание своей принадлежности к профессорской корпорации.

В поздней имперской России появился принципиально новый тип человека интеллектуального труда: “кабинетный”

ученый, занимающийся наукой “ради нее самой” и преобладавший еще в середине XIX столетия, уступил место профессору-практику и активному общественному деятелю. Общественно-культурная деятельность профессуры существенно меняла вектор развития общественного сознания. Если до середины XIX в. общественное сознание развивалось преимущественно в форме литературных споров, то во второй половине столетия стали набирать силу такие формы и способы общения, как полемика на страницах научно-популярных и общественных журналов, часто создававшихся по инициативе профессоров, публичные лекции и выступления, собиравшие огромные аудитории из числа самых разнообразных слушателей. Помимо публичных лекций профессора принимали активное участие в организации библиотек для домашнего чтения, экскурсий, выставок, разработке школьных программ и составлении учебников. Огромной заслугой московской профессуры в вопросах распространения высшего образования и просвещения было создание под руководством В.И. Герье Московских высших женских курсов — первого в России университета для женщин.

Через научно-педагогическую деятельность, широкий спектр культурно-просветительских начинаний, через ассоциации — научные общества, съезды и политические партии — профессора продвигали те ценности и проекты, которых недоставало в позднеимперской России. Ими широко пропагандировались личная свобода и индивидуальная инициатива, автономия, самосовершенствование, трудолюбие, вера в науку и прогресс. Направленная вовне деятельность профессуры имела целью формирование, создание (от англ. *building* — создание, созидание, творение) нового типа эмоционально зрелой, внутренне свободной и ответственной за судьбу страны личности — гражданина. Профессура в дореволюционной России была профессиональной группой, которая принадлежала к просвещенному верхнему слою общества, характеризовалась профессиональным этосом, служила важной экспертной группой и являлась в канун революции 1917 г. зрелым элементом гражданского общества.

Исследованию места и роли системы гражданских ценностей в процессе формирования социальной идентичности

учителей начальной школы посвящена работа И.В. Зубкова «Формирование гражданской идентичности народных учителей». На рубеже XIX–XX вв. учителя начальной школы — одна из наиболее массовых групп российской интеллигенции — включились в формирование гражданской культуры, становились частью общественности, мыслявшей категориями общественного блага и прогресса. Учителя вступили на поприще публицистики, создали свои представительные организации, осознали свои общие нужды и заявили о них, сформировали этический кодекс народного учителя, наконец, вступили в общественно-политическую борьбу, примыкая главным образом к революционно-демократическому лагерю. Всё это привело к тому, что общество признало в них интеллигентов, хотя их образование, казалось бы, не давало им на то полного права, а выстраданные учителями лозунги перемен вошли в повестку дня оппозиционного и революционного движений.

В 1880-е гг., спустя полтора десятилетия после зарождения профессиональной группы, учителя начинают выступать в периодической печати. Транслируемая в большинстве печатных выступлений идеология умеренного народничества (самоуправление, равенство, долг интеллигенции перед народом, кооперация, теория «малых дел» и т. п.) стала стержнем профессиональных ценностей новой группы и как нельзя лучше отвечала условиям работы учителей сельских школ. Главные признаки народного учителя в публицистике последней трети XIX в. — подвижничество, бескорыстие, самоотверженное служение народу, терпение. Образ «идеального» учителя оказывал вполне реальное воздействие на формирование корпоративных ценностей и поведение многих педагогов и заставлял идти на работу в сельскую школу молодёжь, искавшую поприща для деятельности на благо народа.

Губернские, уездные и городские общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших были почти повсеместно созданы в 1890–1900-х гг., буквально за несколько лет они стали одними из наиболее массовых по общему числу членов (свыше 20 тыс. чел. в начале 1900-х гг.). Общества взаимного вспомоществования в жизни учительства стали не только и не столько организациями взаимопомощи, сколько школой гражданственности и коллективного действия — не

всегда осознанного и планомерного, но тем не менее преодолевавшего свойственную учителям того времени разобщенность и замкнутость. Становлению учительских организаций много способствовали близко стоявший к учителям «третий элемент», более опытный в общественных делах. Невероятный социальный оптимизм (еще бы, ведь на их глазах и при их участии деревня преображалась), вера в возможности неясно понимаемого прогресса, убежденность в неизбежном рациональном переустройстве всех человеческих отношений, — таковы основные черты учительской общественной активности на рубеже XIX—XX веков. Однако уровень образования учителей начальной школы, их сравнительно узкий кругозор, полуничтоженское, в сущности, существование приводили к тому, что среди других интеллигентных профессий учителя оставались на положении «младших братьев». И их организации создавались, развивались и даже распадались при участии «старших» товарищей, преимущественно из земской среды.

Характерно, что общества взаимопомощи учащим и учившим, особенно на первом этапе своего существования, не могли действовать как чисто профессиональные организации, без посторонней поддержки: они пользовались деловым и идейным сотрудничеством деятелей местного самоуправления, «третьего элемента». Созданию полноценных педагогических профсоюзов препятствовали уровень образования и общего развития учителей сельской школы, а также условия их жизни. Такое положение, с одной стороны, сближало учительство с более развитыми и лучше образованными земскими деятелями, с другой — приводило к тому, что профессиональные организации подчас увлекались политическими задачами, чуждыми своим непосредственным интересам.

Коллективная идентичность учителей начальной школы ввиду сильной распыленности профессионального сообщества и его диффузии не только с «третьим элементом» (персоналом земств), но и непосредственно с сельским населением, в значительной мере оставалась не артикулированной и фрагментарной. Однако базовые элементы, лежавшие в основе идентификации сельского учителя или учительницы, — подвижническое служение «общественному благу», ориентация на сотрудничество с местным самоуправлением, — представляли

собой необходимые предпосылки для интеграции учительства в локальное гражданское сообщество.

В работе «Гражданская и профессиональная идентичность российской адвокатуры второй половины XIX — начала XX в.» Е.Д. Благодетелева обращается к исследованию процессуальных аспектов социальной идентичности, то есть к механизмам идентификации, классификации и исключения, направленным на формирование и сплочение профессиональной группы адвокатов (присяжных поверенных). Автором рассматриваются заложенные в профессиональном проекте адвокатуры стратегии возведения институциональных и символических границ на основании критериев обладания абстрактным теоретическим знанием, автономии и альтруизма. Данные стратегии были ориентированы не только на повышение социального статуса адвокатской корпорации путем отмежевания от полупрофессиональных групп, осуществлявших в рамках судебной системы те же функции, что и присяжные поверенные, но и на формирование специфического самопонимания в среде присяжной адвокатуры.

Характерными особенностями данного типа самопонимания являлись идентификация с эгалитарным профессиональным сообществом, осознание права и обязанности участия в корпоративном самоуправлении, профессиональная деятельность на основании этического кода, ориентированного на идеал общественного служения. Идентификация и самоидентификация индивидов с эгалитарным профессиональным сообществом, достигавшаяся путем институционального и символического исключения значимых «Других» (подпольной адвокатуры, не обладавших самоуправлением частных поверенных, адвокатов-стажеров), служила фундаментом корпоративной солидарности, которая, в свою очередь, была призвана обеспечить свободу каждого члена корпорации в его непосредственных профессиональных занятиях. Таким образом, обретению права на свободу профессиональной деятельности предшествовало получение доступа в профессиональное сообщество и права членства в нем, что, во многом, соответствовало британской модели достижения гражданских прав и свобод через обретение членства в том

или ином локальном сообществе¹⁵.

Значимым элементом самоидентификации профессионала на всем протяжении существования дореволюционной адвокатуры оставалось право (зачастую также интерпретируемое как обязанность) участия в корпоративном самоуправлении. Право и реальная возможность регулировать условия своей основной деятельности (к большому неудовольствию присяжной адвокатуры, это право не распространялось на такой важный для профессии фактор, как установление рыночной монополии) создавали предпосылки возникновения в рядах присяжных поверенных политической культуры участия и политического активизма.

Третьим неотъемлемым элементом самоидентификации адвоката выступал этос общественного служения, характеризовавший многие профессиональные группы интеллигенции, но приобретший у присяжной адвокатуры некоторые специфические черты. Право самоуправляющейся корпорации регулировать доступ в свои ряды, а также внутренняя солидарность членов «сословия» предполагали установление особого корпоративного режима ответственности за действия отдельных лиц. Корпорация, принимая в ряды присяжных поверенных, гарантировала качество предоставляемых ими услуг, не только с точки зрения соответствия этих услуг уровню специально-научного знания, но и с точки зрения моральной чистоплотности последних. Таким образом, моральное чувство и достоинство локализовалось не в сознании индивидов, а в символическом «теле» корпорации, что позволяло ей претендовать на то, чтобы нести ответственность перед всем образованным обществом за такой существенный аспект развития России, как обеспечение законности¹⁶.

Изучение механизмов формирования коллективной идентичности присяжных поверенных позволяет на эмпирическом материале проследить механизмы становления эгалитарных

---

¹⁵ *Somers M.* Rights, Relationality, and Membership // *Law and Social Enquiry*. 1994. Vol. 19. № 1. P. 79.

¹⁶ *Balzer H.D.* Introduction // *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History* / Ed. by H.D. Balzer. Armonk, NY, 1996. P. 16.

социальных связей, не опосредованных отношениями в приватной сфере или отношениями с государственной властью, возникновение элементов активистской культуры участия и обретение индивидами чувства свободы и ответственности через принадлежность к корпоративному единству. С точки зрения автора, данные процессы позволяют интерпретировать корпорацию присяжных поверенных как структурный элемент формирующегося в России гражданского общества, а специфическую идентичность, сложившуюся в рамках данной группы, рассматривать как содержащую в себе явные черты «гражданственности».

О.Е. Рафалюк в работе «Гражданские практики русских писателей-модернистов рубежа XIX–XX вв.» анализирует различные формы репрезентации идентичности творческой интеллигенции с целью соотнесения их с идеальным типом или «кодом гражданственности»¹⁷. Актуальность изучения гражданских практик писательской интеллигенции начала XX в. автор видит, прежде всего, в том, что интеллигенция рассматривается в данном случае как важнейший элемент в системе субъектно-объектных отношений в культуре, фактор, оказывающий существенное влияние на формирование системы ценностей как у отдельных людей, так и целых социальных групп, так как «формирование картины мира является для интеллигенции функцией имманентно ей присущей, ее системообразующим признаком»¹⁸. Более того, автор подчеркивает, что писательская интеллигенция рубежа XIX–XX вв. обладала особой «духовной чувствительностью», раньше других социальных групп улавливала и формулировала изменения в социокультурной ситуации.

Актуализация в дискуссиях творческой элиты начала XX столетия проблемы свободы личности, ее взаимоотношений с властью и обществом автор рассматривает как симптом

---

¹⁷ Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи... С. 23.

¹⁸ *Сабурова Т.А.* Интеллигенция и формирование картины мира в России на рубеже XIX–XX вв. (проблема кризиса личности и культуры) // История в XXI веке: Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества / Под ред. В.В. Керова. М., 2001. С. 87.

становления гражданского общества, поскольку именно эта система социальных отношений предполагает «появление человека, осознающего себя независимой и активной личностью, наделенной определенными правами и свободами, возможностью самостоятельно и ответственно участвовать в той или иной форме в жизни общества и государства»¹⁹. Получив первые импульсы в итальянском Возрождении, пройдя череду сложных превращений от XVII в. до эпохи Просвещения и романтиков, идея свободы и самоценности человеческой личности приобрела особое звучание в России в конце XIX — начале XX в., она нашла отражение в различных сферах культуры и получила религиозно-философское и художественно-литературное осмысление.

Перед русской культурной элитой начала XX в. стояли задачи, во многом схожие с задачами гуманистов эпохи Возрождения: утверждения свободы личности и основ гуманизма. Основной акцент писатели-модернисты делали не на «гражданское», а «человеческое» самоопределение личности. Для модернистов было характерно неприятие как левого, так и правого радикализма, стремление быть выразителем общенациональных, общечеловеческих ценностей, что тесно сопряжено с понятиями социальной и экзистенциальной ответственности. Основным инструментом влияния писателей-модернистов на власть и общество, мироощущение и сознание людей была творческая самореализация, направленная на утверждение принципов гуманизма и свободы личности.

Работа С.В. Крадецкой «Гражданская идентичность феминисток в России в начале XX в.» посвящена проблеме формирования гражданской идентичности и гражданских ценностей в среде российских феминисток начала XX века. Автор считает, что процесс становления гражданского общества и гражданской идентичности можно изучать не только на примере групп, складывавшихся по профессиональному признаку, но любых объединений, ориентированных на поиск и установление горизонтальных связей в обход вертикальных социальных иерархий традиционного общества. Рассматри-

---

¹⁹ Орлова О.В. Право и самореализация личности в гражданском обществе: Автореф. дисс. докт. юрид. наук. М., 2009. С. 3.

ваемая автором группа была объединена на основе гендерной идеологии, ее члены — женщины, лидеры и активистки феминистского движения — стремились сформировать надполитическое и внесловное женское сообщество, базирующееся на общем для всех женщин угнетенном и неравноправном положении. «Ищи опоры у подобных себе по положению», писали феминистки²⁰.

В качестве основы для этого объединения представительницы Русского Женского Взаимно-Благотворительного общества, Союза Равноправия Женщин, Женской Прогрессивной партии предложили российским женщинам новую систему ценностей, новые идеологические и культурные ориентиры, стимулирующие участие женщин в общественной жизни и публичной политике. В феминистских журналах «Женский Вестник» и «Союз Женщин» читательницам был предложен идеальный образ женщины-гражданки, борющейся за свои права и за права своих «сестер», реализующей новые жизненные стратегии.

Идеальная женщина должна была быть свободной, сознательной, активной гражданкой, обладающей всей полнотой политических и гражданских прав и со всей ответственностью относящейся к своим общественным обязанностям. Она должна была быть свободна и от общественных предрассудков, и от подчинения семье и конкретному мужчине — мужу. Основными путями достижения этой свободы феминистки считали образование, труд и завоевание политических прав. Женщина должна была выйти из тесных рамок частной сферы жизни на широкую арену жизни общественной, а затем изменить и нормы, регулирующие ее повседневность.

Характер этих ценностей говорит о том, что у данной группы были определенные представления о гражданственности, о гражданских ценностях, составлявших основу их идентичности. Попытки феминисток объединить всех женщин, независимо от их социального происхождения, говорят о стремлении сформировать специфический — гендерно окрашенный — вариант гражданской идентичности.

Изучение коллективной идентичности профессиональ-

---

²⁰ *Иванова. Женщина-работница // Женский Вестник. СПб., 1911. № 2. С. 49.*

ных и активистских групп, сформировавшихся в России во второй половине XIX — начале XX в., с точки зрения авторов, позволяет по-новому интерпретировать перспективы развития гражданского общества в Российской империи, отстранившись от ставших классическими дискуссий об отсутствии социальной базы и «потерянном среднем классе». Кропотливая работа с конкретно-историческим материалом обнаруживает тесную связь генезиса гражданского общества и становления интеллектуальных профессий и легального активизма. Как показали проделанные исследования, эта связь выражалась в общности базовых нормативных принципов, лежащих в основе рассматриваемых феноменов: как и становящееся гражданское общество, формирующийся мир профессий и легальный активизм были ориентированы на публичность, эгалитарность, достижительность, идеалы самоуправления и «общественного блага», самоценность и индивидуальную ответственность личности. Закрепленные в профессиональном и политическом (феминистском) дискурсе, данные принципы выполняли ряд значимых функций в процессе возникновения как профессионального, так и гражданского типа групповой идентичности.

Глава 1.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Задачей данной главы является обзор методологических и историографических подходов к проблемам изучения гражданства, гражданского общества и идентичности. Представленная работа, не претендуя на всесторонний анализ существующих теорий и концепций, отражает стремление авторов найти ответ на методологический вопрос, зачем исследователю прошлой социальной реальности понятие «идентичность», и насколько продуктивным может быть его использование в связке с понятиями «гражданство» и «гражданское общество».

Идентичность как объект социогуманитарного знания

Понятие «идентичность» в равной мере принадлежит научному и философскому дискурсу. В современной ситуации активных междисциплинарных взаимодействий (синтеза/интервенций) происходит стирание граней между философствованием и научным теоретизированием, что позволяет очертить общие контуры и линии развития междисциплинарного поля исследований идентичности, не заостряя внимание на проблеме размежевания теоретических построений по принципу принадлежности философскому или научному дискурсу¹.

---

¹ В настоящий момент существует значительное число работ, принадлежащих перу российских специалистов в области философии, социологии и психологии, очерчивающих общие тенденции развития междисциплинарного поля исследований идентичности. В ходе дальнейшего изложения авторы, в основном, опираются на интерпретации развития теорий идентичности, которые были предложены в следующих работах: Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в западной психологии

В рамках европейской философской традиции «идентичность» в качестве онтологической категории в одно и то же время отсылает к проблеме тождества/различия (континуальности/дискретности) и проблеме «самости» (личности в ее противопоставленности «другому»)². Референциальную двойственность категории хорошо иллюстрирует двойная этимология, восходящая к латинским местоимениям «idem» («тот же самый») и «ipse» («сам собой», «сам по себе»). Как отмечает П. Рикер, комментируя «семантическую двусмысленность» понятия «идентичный», «idem» «заключает в себе некую форму неизменности во времени» и составляет антонимичный ряд со словами «различный», «изменяющийся»; «ipse» указывает на тождественность индивида самому себе («самость» — «ipseite») и противопоставляется понятиям «другой», «иной»³.

В середине — второй половине XX в. онтологическая категория личности находилась в «эпицентре» складывания научного поля междисциплинарных исследований идентичности. Психологические, антропологические и социологические интерпретации понятия «идентичность», оформившиеся в этот период рамках интеракционистской антропологии

// Вопросы психологии. 1996. № 1; Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2 / Internet: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm> [Посещение: 01.09.2012]; Миненков Г. Концепт идентичности: перспективы определения. Ч. 1-2. // Belintellectuals: Интеллектуальная супольнасць Беларусі / Internet: <http://belintellectuals.eu/publications/174/>; <http://belintellectuals.eu/publications/169/> [Посещение: 01.09.2012]; Хомяков М.Б. Идентичность толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Под ред. В.С. Магун, Л.М. Дробижевой, И.М. Кузнецова. М., 2006; Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3; Филиппова Е.И. Территория идентичности в современной Франции. М., 2010.

² Подробнее о значениях и роли понятия «идентичность» в европейской философской традиции Нового времени см.: Малахов В.С. Указ. соч. / Internet: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm> [Посещение: 01.09.2012]; Миненков Г. Концепт идентичности: перспективы определения. Ч. 1 / Internet: <http://belintellectuals.eu/publications/174/> [Посещение: 01.09.2012]; Филиппова Е.И. Указ. соч. С. 17-21.

³ Рикер П. Повествовательная идентичность // Рикер П. Герменевтика, этика, политика. М., 1995. С. 19.

(Дж. Г. Мид) и психоаналитических исследований (Э. Эриксон), отсылают к проблематике интерактивной (рождающейся во взаимодействии с «другим») и рефлексивной природы личности.

Введение понятия «идентичность» в широкий междисциплинарный контекст большинством современных исследователей связывается с работами американского психолога, родоначальника психоистории Э. Эриксона (Детство и общество, 1950; Молодой Лютер: психоаналитическое историческое исследование, 1958; Идентичность: юность и кризис, 1968)⁴. Идентичность, согласно Эриксону, проявляется как «субъективное вдохновенное ощущение целостности и преемственности» в развитии личности⁵, при этом формирование идентичности представляется процессом, «посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие... оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии...»⁶.

Параллельно с разрабатываемой в трудах Э. Эриксона психоаналитической концепцией идентичности достаточно широкое распространение во второй половине столетия получила интеракционистская интерпретация, восходящая к идеям Дж. Г. Мида (Разум, самость и общество, 1934). В своих работах Мид не употреблял термин «идентичность», оперируя понятием «самости» («Self»), обозначающим «способность видеть себя как объект... быть одновременно субъектом и объектом»⁷. «Самость», согласно Миду, является результатом синтеза «реактивного» («Me») и «активного» («I») аспектов личности, первый из которых представляет собой комплекс социальных ролей и ожиданий, характерный для представителя той или иной социальной группы, второй — «активную инстанцию, благодаря которой индивид может не только идентифицироваться с интернализированными ролями, но

---

⁴ Малахов В.С. Указ. соч. / Internet: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm> [Посещение: 01.09.2012].

⁵ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. С. 28.

⁶ Там же. С. 32.

⁷ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 252.

и дистанцироваться от них»⁸.

Способность индивида посредством самонаблюдения и рефлексии дистанцироваться от фиксированных наборов социальных ролей также рассматривалась И. Гофманом как одна из форм проявления идентичности субъекта (Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью, 1963). Гофман выделял социальную идентичность («допустимую комбинацию социальных качеств», приписываемых индивиду на основании соотнесения с определенной социальной группой), персональную идентичность (совокупность уникальных маркеров — имя, физический облик — и социальных фактов, составляющих биографию индивида) и Я-идентичность. Последняя представляется как рефлексивная способность индивида определять специфику своей жизненной ситуации, формировать и удерживать «дистанцию» между личностью и исполняемыми социальными ролями⁹.

Все перечисленные концепции опираются на «сильное» определение идентичности, основанное на представлении о ее субстанциональной природе (идентичность как элемент человеческой психики — Эриксон), относительной стабильности и объективности (обязательности для каждого индивида). Концептуализируя идентичность в качестве стабильной объективной сущности, субстанциональные концепции сосредоточивают свое внимание на проблемах поддержания тождественности личности самой себе в диахронной перспективе и соотнесения (категоризации) индивида с определенной группой посредством системы социальных ролей, социальных ожиданий, моделей поведения и внешних, «видимых» (И. Гофман) маркеров общности¹⁰.

---

⁸ Малахов В.С. Указ. соч. / Internet: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm> [Посещение: 01.09.2012].

⁹ Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1–2 / Пер. М.С. Добряковой / Internet: http://ecsocman.hse.ru/data/425/175/1218/goffman_final.doc [Посещение: 01.09.2012]; Подробнее см.: Антонова Н.В. Указ. соч. С. 138; Симонова О.А. Указ. соч. С. 51.

¹⁰ Ф. Глисон в своем исследовании исторических изменений семантики понятия «идентичность» акцентирует внимание на различиях между психоаналитической теорией Э. Эриксона и интеракционистскими трактовками идентичности. По мнению исследователя, социологические интерпретации в большей степени сконцентрированы на интерактивном

В 1980-х — первой половине 1990-х гг. в условиях лингвистического поворота и постмодернистского вызова субстанциональные концепции идентичности были подвергнуты массивной критике. В результате современное определение идентичности, обозначаемое исследователями как «слабое»¹¹, характеризуется ярко выраженным конструктивизмом, делающим акцент на нестабильности, многомерности, неоднородности и фрагментированности конкретной идентичности, а также на конституирующей роли различия в процессе возникновения и «удержания» идентичностей.

Классическим, с точки зрения постмодернистской социальной теории, представляется определение идентичности, сформулированное С. Холлом: «Я использую понятие “идентичность”, — пишет исследователь, — для обозначения точки встречи или «шва» (point of suture), соединяющей дискурсы и практики, которые обращены к нам как к социальным субъектам,... и процессы становления субъективности, которая может быть выражена. Идентичности — точки временного прикрепления к дискурсивно-сконструированным субъективным позициям»¹². Общность, внутренняя однородность, которая в терминах идентичности считается базовой, по мнению Холла, не является естественной или само собой разумеющейся, но представляется формой закрытия; в таком случае идентичности могут функционировать в качестве центров идентификации и привязанности лишь потому, что способны к исключению и конструированию «других»¹³.

Ключевое для современных теорий положение о социально сконструированном характере идентичности вызвало значительный рост исследовательского интереса к непосредственным

и ситуативным аспектам формирования идентичности, что не позволяло классифицировать данные подходы как субстанционалистские. Подробнее см.: Gleason P. Identifying Identity: A Semantic History // The Journal of American History. Vol. 69 (1983). No. 4. P. 918.

¹¹ Брубейкер Р., Кунер Ф. За пределами идентичности // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 80; Филиппова Е.И. Указ. соч. С. 45.

¹² Hall S. Who Needs Identity // Identity: A reader/ Ed. by P. du Gay, J. Evans, P. Redman. SAGE Pub., 2000. P. 19.

¹³ Ibid. P. 17–18.

механизмам создания/возникновения, поддержания/удержания и разрушения идентичностей. В 1990-х гг. был сформулирован ряд концепций, ориентированных на построение теоретических моделей процесса конструирования идентичностей. В данной работе мы остановимся на концепциях П. Рикера и М. Соммерс, связывающих процесс возникновения идентичностей с понятием нарратива, и исследовательских проектах Ч. Тилли и А. Меллучи, рассматривающих проблематику идентичности в контексте становления социальных групп и движений.

Ориентированный на традицию французского персонализма (Э. Мунье)¹⁴, философский проект Поля Рикера сконцентрирован на проблеме личной идентичности и возможности морального действия. Личная идентичность в рассуждениях Рикера предстает в качестве диалектического процесса взаимодействия «тождества» (*idem*) и «самости» (*ipse*) как двух форм бытования идентичности. С одной стороны, «тождество» и «самость» тяготеют к полному слиянию в том полюсе психофизического континуума личности, который Рикер дескриптивно и символически обозначает как «характер», или «совокупность отличительных признаков, позволяющих повторно идентифицировать индивида как самотождественного»¹⁵. С другой стороны, «самость» постоянно стремится «избавиться» от тождественности, в результате чего возникает второй «основополагающей экзистенциальный» полюс (С. 150), или вторая «модель постоянства личности», определяемая автором как модель «сдерживаемого слова» (С. 148). Сохранение «Я» в обещании (сдержанном слове), данном перед лицом Другого, является «вызовом, брошенным времени, отрицанием изменения: как бы не изменялось мое желание, как бы я не менял мнения и склонности, “я сохраняюсь”» (С. 154).

Ретроспективность характера и проспективность обещания, по мнению Рикера, оставляют между собой темпоральный и смысловой промежуток, который заполняется посредством нарративной (повествовательной) идентичности:

---

¹⁴ Вдовина И.С. Книга П. Рикера «Я-сам как другой». К первой публикации на русском языке // *Рикер П. Я-сам как другой*. М., 2008. С. 5.

¹⁵ *Рикер П. Я-сам как другой*. С. 148. Далее ссылки на данное издание указаны в тексте в круглых скобках.

нарратив «связывает индивида с самим собой, включает в память и проецирует вперед»¹⁶. Повествование, как параллельное развитие интриги и персонажа, создает бесконечное множество «воображаемых вариаций» диалектического взаимодействия *idem* и *ipse* в рамках экзистенциальной полярности характера и сдержанного обещания (С. 181). Подобные «мысленные опыты, которые мы проводим в великой лаборатории воображения», — пишет Рикер, — являются не только попытками конструирования личной идентичности, но «также опытами, проводимыми в царстве добра и зла» (С. 199). Утверждение о том, что ценностные импликации заложены в любом типе повествования (нарратив «никогда не бывает этически нейтральным», — С. 172), позволяет автору совершить переход от дескриптивной функции самоописания к формированию на основе определенного типа идентичности не-инструментальных моделей действия, ориентированных на существование «с Другим» и «для Другого».

Созданная П. Рикером нарративная концепция личной идентичности, очевидно, служит отправной точкой обсуждения возможности и оснований социального действия и, в конечном итоге, представляет собой фундамент этической философии действия. Тесная связь проблематики социального действия и конструирования идентичностей, в обыденном (и политическом) языке стремящихся к превращению в стабильные категориальные сущности, исследуется Маргарет Сомерс в контексте критики широко распространенных политик идентичности, утверждающих в качестве своего основного тезиса представление о том, что «я поступаю так, потому что я тот, кто я есть»¹⁷.

Основную задачу своей работы Сомерс видит в изменении теоретического фокуса исследования идентично-

---

¹⁶ *Mongin O.* Face à l' eclipse de Récit // *Esprit*. 1986. No 8/9. P. 225. Цит. по: *Вдовина И.С.* Указ. соч. С. 6.

¹⁷ *Somers M.* The Narrative Constitution of Identity: A Relational and Network Approach // *Theory and Society*. 1994. No 23(5). P. 608. Далее ссылки на данное издание указаны в тексте в круглых скобках. Также о вкладе М. Сомерс в развитие теорий идентичности и нарративности см.: *Брубейкер Р., Кунер Ф.* За пределами «идентичности» // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. М. 2012. С. 145–146.

стей посредством историзации и привнесения в изучение данной проблематики таких дестабилизирующих переменных, как фактор времени, пространства и относительности (relationality) (Р. 606). В качестве источника продуктивной дестабилизации понятия идентичности исследовательница рассматривает онтологическую концепцию нарратива, позволяющую объяснить, как люди наполняют смыслом проживаемую ими жизнь посредством ее нарративизации, то есть включения в интерсубъективные нарративы и метанарративы (Р. 618).

Отталкиваясь от понимания нарративности как одной из онтологических предпосылок разворачивания социальной жизни, Сомерс выдвигает предположение о том, что «люди, конструируя свои идентичности, которые всегда множественны и изменчивы, помещают себя или помещаются кем-то другим внутри репертуара историй с заданными интригами», человеческий опыт, социальные ожидания и планирование действий реализуются в контексте «ограниченного репертуара доступных социальных, политических и культурных нарративов» (Р. 614). При этом наиболее важные нарративы «опосредованы обширным спектром социальных и политических институтов и практик» (Р. 625).

Утверждение нарративного характера процесса конструирования идентичностей в работе М. Сомерс является необходимой предпосылкой пересмотра аналитических моделей социального действия. По мнению исследовательницы, традиционное понимание социального действия, основанное на «приписывании (вменении) интересов», являющихся производными от позиций акторов в социально-экономической структуре, представляется менее продуктивным по сравнению с интерпретацией действий посредством «локализации индивидов в рамках постепенно изменяющейся и последовательной системы отношений и жизненных эпизодов» (Р. 624). «В то время как концепция интереса предполагает, что человек действует на основании рационального расчета или интернализированной системы ценностей, — пишет Сомерс, — концепция нарративной идентичности полагает, что люди поступают определенным образом, потому что не поступить так противоречило бы смыслу их жизни в конкретной ситуации

действия. В другое время и в другой ситуации, или в контексте другого набора превалирующих нарративов, смысл жизни может кардинально измениться...», соответственно, изменятся и действия данных индивидов (Ibid.).

Коммуникативная (в терминах М. Сомерс – относительная), культурная и стратегическая природа идентичности рассматривается Чарлзом Тилли в программной вступительной статье к сборнику «Гражданство, идентичность и социальная история» (1996). Ч. Тилли подчеркивает, что идентичность локализуется не в головах индивидов или населения в целом, а в процессе коммуникации; она базируется на разделяемых всеми участниками коммуникативного процесса понимании и репрезентациях и является стратегическим взаимодействием, результаты которого не предопределены и напрямую не обусловлены социальными атрибутами действующих лиц¹⁸.

Аналитическая ценность понятия идентичности, по мнению Ч. Тилли, определяется его способностью на микроуровне (уровне индивида) описывать и объяснять взаимодействие таких определяющих социальное действие и социальную структуру концептов, как «категория», «связь», «роль», «сеть», «группа» и «организация». Во взаимосвязанной системе понятий, выстраиваемой Тилли,

«категория» представляется «совокупностью индивидов, обладающих общим (простым или комплексным) признаком»;

«связь» – «продолжающейся серией взаимодействий, участники которых разделяют общее понимание, память и прогнозы относительно исхода взаимодействия, имеют определенные права и обязанности в контексте данного взаимодействия»;

«роль» – «набор связей, включающих конкретного индивида»;

«сеть» – «более или менее гомогенный набор связей, объединяющих трех и более индивидов»;

---

¹⁸ Tilly Ch. *Citizenship, Identity and Social History* // *Citizenship, Identity and Social History* / Ch. Tilly (ed.). Cambridge, 1996. P. 5–6. Далее ссылки на данное издание указаны в тексте в круглых скобках.

«группа» — «совпадение категории и сети»;

«организация» — «группа, в которой хотя бы один индивид имеет право выражать мнение всей группы»;

«идентичность» венчает всю концептуальную конструкцию и интерпретируется как «индивидуальный опыт ощущения категории, связи, роли, сети, группы или организации, сопровождаемый публичной репрезентацией этого ощущения, зачастую имеющей форму общего повествования, нарратива». Нарратив в данном случае является формой репрезентации, призванной подчеркнуть взаимосвязь социальных отношений и личностных черт: «мы являемся X-ми в силу того опыта, который разделяем с другими X-ми в отношении «других» (сильно отличающихся от нас) Y-ов» (Р. 7).

Несмотря на то, что подобная интерпретация идентичности остается достаточно расплывчатой, Ч. Тилли указывает на ряд причин, по которым это понятие является необходимым для политического анализа и социальной истории: 1) прежде всего, концептуализация социальной реальности в терминах идентичности необходима в силу общественной и коммуникативной природы данного феномена; 2) «идентичность» охватывает всю концептуальную систему социального анализа, начиная с понятия «категории» и кончая «организацией»; и наконец, 3) изучение того, каким образом в ситуации множественности идентичностей в коммуникативном взаимодействии выделяется одна доминирующая идентичность (расовая, национальная, гендерная, классовая, общечеловеческая), открывает новые возможности интерпретации социального действия (Ibid.).

Интерпретация коллективного социального действия (социальных движений) на основании аналитического инструментария теорий идентичности занимает центральное место в исследовательском проекте А. Мелуччи. В понятии «идентичность» Мелуччи так же, как и большинство его коллег, привлекает возможность преодоления классической дихотомии структуры и действия, «не позволяющей ответить на вопрос о сути современных социальных движений, о том, как люди образуют и поддерживают общности и признают себя их частью; какой смысл имеет коллективное действие для его участников; как из мотивов

индивидуальных акторов вырастает смысл коллективного действия»¹⁹.

В поисках ответов на поставленные вопросы А. Мелуччи предлагает использовать понятие «коллективная идентичность» в качестве аналитического инструмента, описывающего «интерактивный и совместный процесс определения, осуществляемый некоторым количеством индивидов (или групп на более сложном уровне) и связанный с ориентацией их действий и полем возможностей и ограничений, в котором эти действия происходят» (Р. 70). В рамках предложенной интерпретации коллективная идентичность включает когнитивные определения, возникающие в коммуникативном процессе и связанные с целями, средствами и полем действия; коллективная идентичность отсылает к сети активных отношений между индивидами, которые взаимодействуют, влияют друг на друга, договариваются и принимают решения; коллективная идентичность предполагает эмоциональный вклад (*emotional investment*) со стороны индивидов, ее нельзя свести к рациональным переговорам о выгодах и издержках, она всегда мобилизует человеческие эмоции (Р. 70–71).

Понятие «коллективная идентичность», согласно А. Мелуччи, призвано подчеркнуть коммуникативный, нестабильный и противоречивый характер конструируемого социального «мы», эмпирическая реальность которого зависит от решений и действий конкретных индивидов²⁰, проявляется лишь в

---

¹⁹ *Melucci A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge University Press, 1996. P. 69.* Далее ссылки на данное издание указаны в тексте в круглых скобках. Также о работах А. Мелуччи см.: *Миненков Г. Концепт идентичности: перспективы определения. Ч. 2 // Belintellectuals: Интеллектуальная супольнасць Беларусі / Internet: <http://belintellectuals.eu/publications/169/> [Посещение: 01.09.2012].*

²⁰ Ср. рассуждения Я. Ассмана: «Коллективная, или мы-идентичность, не существует вне индивидуумов, которые образуют и воплощают это «мы». <...> Фиктивность, или же метафоричность выражения «коллективная идентичность» состоит, во-первых, в исключительно символической реальности подразумеваемого им членства, а во-вторых, в том, что в ней отсутствует элемент неизбежности. От коллективной идентичности можно отказаться... Коллективная идентичность может оказаться бессодержательной — и жизнь продолжается, в отличие от я-идентичности, соответствующее выхолащивание... которой имеет патологические по-

своей противопоставленности более широкому социальному контексту и требует интересубъективного признания не только со стороны инсайдеров, но и социальных «других» (Р. 73). Воспользовавшись афористичным выражением Г. Миненкова, можно сказать, что коллективная идентичность в данной интерпретации представляет собой «коммуникативный конструкт», обозначающий «общность, которая еще должна конкретно проявиться в практическом отношении к себе и миру»²¹.

Завершая краткий обзор конструктивистских концепций идентичности, следует отметить, что все перечисленные авторы сходятся во мнении, что, несмотря на перепроизводство и размывание научного дискурса в области исследований идентичности и постоянную угрозу «сползания» исследовательских интерпретаций в эссенциализм, понятие «идентичность» не только сохраняет свою эвристическую и аналитическую ценность, но без него «невозможно помыслить»²² ключевые вопросы социальной теории.

Противоположной точки зрения придерживаются Р. Брубейкер и Ф. Купер – авторы знаковой для рубежа 1990–2000-х гг. статьи «За пределами “идентичности”» (опубликована в журнале «Theory and Society» в 2000 г.)²³. В полемическом стиле исследователи заявляют о своих сомнениях в теоретической состоятельности концепта «идентичность» и утверждают, что он «может значить либо слишком много (если термин употребляется в его “сильном” значении), либо слишком мало (в “слабом” значении), либо совсем ничего (в силу неопределенности понятия)» (С. 131). В подобной ситуации оптимальным

следствия», — *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 140, 142–143.

²¹ *Миненков Г.* Концепт идентичности: перспективы определения. Ч. 2 // Belintellectuals: Інтэлектуальная супольнасць Беларусі / Internet: <http://belintellectuals.eu/publications/169/> [Посещение: 01.09.2012].

²² *Hall S.* Op. cit. P. 19.

²³ Первый русский перевод: *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами «идентичности» // *Ab Imperio.* 2002. № 3. Второй перевод: *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами «идентичности» // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М. 2012. Далее ссылки на второй русский перевод указаны в тексте в круглых скобках.

решением представляется отказ от использования термина и его замена другими, «менее двусмысленными и не обремененными опредмечивающими коннотациями» понятиями (С. 132).

«Разматывая тугой клубок значений», накопившихся вокруг концепта «идентичность», Р. Брубейкер и Ф. Купер предлагают три кластера понятий, способных выполнить ту же теоретическую работу без «путаницы и противоречий», сопутствующих категории идентичности (С. 149). Первый кластер охватывает понятия «идентификации» и «категоризации», представляющие собой «форму маркирования себя и других», в том числе позиционирование индивида по отношению к определенным людям, локализацию в нарративе или соотнесение с категорией социального порядка; все эти процессы являются «фундаментально ситуационными и контекстуальными», предполагают аналитическое вычленение «агентов-идентификаторов» (С. 149–150, 152).

Второй кластер образуется вокруг концепта «самопонимания», описывающего индивидуальное чувство социальной принадлежности и, как производную, готовность к неинструментальной (не обусловленной рациональными интересами) деятельности (С. 153). При этом термин «самопонимание» не подразумевает классической унитарной модели личности, напротив, предполагает множественность ситуаций и социальных связей, требующих когнитивного определения индивидом собственной позиции в коммуникативном пространстве.

В третий кластер вошли термины, призванные заменить «эмоционально нагруженное понятие принадлежности к обособленной и четко определенной группе», которое включает в себя интенсивно ощущаемые внутреннюю солидарность и внешние различия (С. 156). Вслед за Ч. Тилли авторы предлагают различать «общность» (commonality) как форму «объединения людей каким-нибудь атрибутом», «связность» (connectedness) — совокупность отношений, связывающих людей между собой, и «группность» (groupness), выражающую чувство принадлежности к особой, солидарной группе. По мнению исследователей, возникновение «группности» как сильного аффективного чувства принадлежности возможно в определенных (далеко не во всех) ситуациях взаимодействия факторов «общности» и «связности» (Там же).

Сформулированное Р. Брубейкером и Ф. Купером обоснование теоретической несостоятельности «идентичности» в качестве категории социального анализа вновь актуализирует проблему внутренней гетерогенности, многофункциональности и, в конечном счете, применимости данного понятия в рамках научного исследования конкретного эмпирического материала. Не прибегая к предложенному авторами радикальному отказу от «идентичности», следует признать, что предварительная методологическая рефлексия и прояснение общих теоретических предпосылок операционализации данного понятия в конкретном эмпирическом контексте становится неперенным условием любого исследования в междисциплинарном пространстве изучения идентичностей. «Идентичность» превращается из эмпирической «данности» в «задачу»²⁴ — задачу конструирования аналитического инструментария, адекватного исследуемому объекту и текущей познавательной ситуации.

Понятия «гражданство» и «гражданское общество» в науках социогуманитарного цикла

«История понятия «гражданство» в нашей стране как-то не задалась. Это слово едва вошло в общественное употребление в эпоху реформ Александра II и начало набирать вес после Октябрьского манифеста 1905 г., как случилась катастрофа. При большевиках граждан вытеснили «товарищи». <...> Столь же незавидная участь ждала при коммунистах понятие «гражданское общество». Ситуация вокруг этого выражения в русскоязычном культурном ареале может быть описана как блистательное отсутствие»²⁵. Незавидная судьба понятий «гражданство» и «гражданское общество», афористично описанная В.С. Малаховым как «блистательное отсутствие» в отечественной интеллектуальной традиции, предопределила то маргинальное положение, которое до начала 2000-х гг. занимали конкретно-эмпирические иссле-

---

²⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. С. 181.

²⁵ Малахов В.С. Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М., 2011. С. 49.

дования, обращенные к осмыслению исторического процесса в терминах становления и развития гражданства и гражданского общества. Постепенный рост исследовательского интереса к данной исторической проблематике в конце 1990-х — начале 2000-х гг. поставил на повестку дня задачу освоения богатого и разнородного теоретического багажа, который был накоплен западными специалистами в области гуманитарных и социальных наук на протяжении второй половины XX в.

Обращаясь к западным теоретико-методологическим разработкам в области изучения гражданства и гражданского общества, следует отметить устоявшееся разграничение данных исследовательских областей как восходящих к различным интеллектуальным традициям. Проблематика исследований гражданства, тесно связанная с историей западноевропейских городов²⁶ и революционной борьбой за обретение политических прав и свобод²⁷, вращается вокруг понятий статуса и членства в политическом сообществе, а также сопутствующих им прав и обязанностей. Представления о гражданстве, выработанные в ходе развития германоязычных регионов Европы, в большей степени соотносятся с идеями становления гражданского общества (*die bürgerliche Gesellschaft*), которое рассматривается как процесс преодоления индивидом границ семейной сферы и вступления на публичную арену. Провал в Германии радикальной буржуазной революции 1840-х гг. и последовавшее в эпоху О. Бисмарка развитие капитализма «сверху», по мнению современных исследователей, предопределило формирование концепции гражданства, делающий акцент на взаимоотношениях гражданского общества, представляющего собой сферу свободного действия множества индивидов, и государства как рационального актора, выражающего «народное единство» (*Volksgemeinschaft*)²⁸.

²⁶ Английский термин «citizenship», в равной мере, как и французский «citoyenneté», этимологически отсылает к слову «город» — «city», «cité».

²⁷ Прежде всего, имеются в виду Американская и Великая Французская революции XVIII столетия. Подробнее см.: *Turner B.S. Outline of a Theory of Citizenship // Sociology. 1990. № 24. P. 203, 208–209; Idem. Contemporary Problems in the Theory of Citizenship // Citizenship and Social Theory / Ed. by Bryan S. Turner. London, 1993. P. 9.*

²⁸ *Turner B.S. Outline of a Theory of Citizenship. P. 204, 206; Idem. Contemporary Problems in the Theory of Citizenship. P. 9.*

Столь явное различие в традициях концептуализации понятия «гражданство» привело к формированию независимых и практически не пересекающихся исследовательских областей. Становление проблематики исследований гражданства как социального статуса было связано с именем британского исследователя Томаса Х. Маршалла²⁹, начало активного изучения гражданского общества и публичной сферы — с развитием традиций франкфуртской школы (Юрген Хабермас)³⁰. Оба направления за последние пятьдесят лет не раз подвергались основательной ревизии, в результате которой возникали разветвленные сети расходящихся теоретических перспектив.

Определение гражданства, предложенное Т.Х. Маршаллом в середине XX столетия и ставшее в настоящий момент классическим, гласило: «Гражданство — это статус, который дается полноценным членам данного [политического] сообщества. Все, кто обладает таким статусом, равны с точки зрения прав и обязанностей, которые связаны с ним»³¹. Гражданство как правовой статус включает в себя гражданско-правовой, политический и социальный элементы, каждый из которых поддерживается специальными общественными институтами³². Правовой статус гражданина, оформляющий его связь с государством-нацией, во многом противостоит контрактным отношениям, присущим капиталистической экономике, и означает частичное «подчинение рыночной цены социальной справедливости, замещение свободного торга декларацией прав»³³.

Помимо исторически фиксированного объема прав, гражданство, по мнению Т.Х. Маршалла, предполагает и даже требует «непосредственного чувства принадлежности к со-

---

²⁹ *Marshall T.H. Citizenship and Social Class // Marshall T.H. Citizenship and Social Class and Other Essays. Cambridge: University of Cambridge Press, 1950. Русский перевод: Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс [Прил.] // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М., 2011.*

³⁰ *Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt am Main, 1962.*

³¹ *Маршалл Т.Х. Указ. соч. С. 170.*

³² Там же. С. 154.

³³ Там же. С. 208. Подробный разбор концепции Т.Х. Маршалла см.: *Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. С. 59–64.*

обществу, основанного на лояльности к цивилизации, которая является общим достоянием»³⁴. Очевидно, что расширение гражданства, представляющее собой процесс наделения все большего числа социальных групп полным объемом гражданских, политических и социальных прав, выступает в теории Маршалла в качестве «орудия нациестроительства, нацеленного отчасти на то, чтобы сконструировать и консолидировать чувство общей национальной идентичности и культуры»³⁵.

Впоследствии сформулированная Т. Х. Маршаллом теория гражданства неоднократно подвергалась острой и разносторонней критике. Критиковался «клиентелистский подтекст» идеи социальных прав как составной части гражданства, предлагалось «дополнить (или заменить) пассивное принятие гражданских прав активным проявлением гражданской ответственности и добродетелей, включая опору на свои силы в экономической сфере, политическое участие и “взаимное доверие”»³⁶. Универсалистская сущность понятия «гражданство» пересматривалась с точки зрения идей культурного плюрализма и мультикультурализма.

Результатом ревизии базовых положений теории Маршалла явилось оформление либеральной, республиканской, коммунитаристской, мультикультуралистской и радикально-демократической концепции гражданства, каждая из которых предполагает особую модель социального актора и, следовательно, особую модель гражданской идентичности. Либеральная и республиканская версии основываются на представлении об автономном, рационально действующем субъекте, чей гражданский статус является производным от субъективной позиции в политическом пространстве. При этом либеральная концепция акцентирует внимание на частноправовом аспекте гражданства, «частных добродетелях» (*private virtues*), индивидуальной свободе как основной социальной ценности; республиканская модель, напротив, рассматривает в качестве основного содержания понятия «гражданство» активное по-

---

³⁴ Там же. С. 182.

³⁵ Кимлика У. Современная политическая философия: Введение. М., 2010. С. 415.

³⁶ Там же. С. 367.

литическое участие и «гражданские добродетели» (public or civic virtues)³⁷.

В рамках либеральной и республиканской концепции гражданская идентичность конституируется путем «абстрагирования определения гражданина... от целого ряда партикулярных определенностей человека, обусловленных его принадлежностью к социальным группам»³⁸, то есть она определяется «не в отношении других человеческих существ, но в отношении к абстрактной идее государства»³⁹. С этой точки зрения гражданская идентичность представляется выражением «родовой сущности»⁴⁰ человека и в то же время наиболее развитой и рефлексивной формой идентичности, отличающейся высоким уровнем морального сознания (моральной зрелостью), обладающей потенциалом смягчать конфликт других идентичностей: гендерной, религиозной, расовой, классовой, национальной⁴¹. В республиканизме гражданская идентичность предполагает не только идентификацию с политическим сообществом, но и нормативную, «верную модель поведения, подразумевающую посильный вклад в преуспевание сообщества»⁴², «публичный долг поступать в соответствии с представлениями об общественном благе»⁴³.

В отличие от либерализма и республиканизма, основывающихся на идее универсального социального актора, коммунитаристская и мультикультуралистская концепции гражданства делают акцент на сконструированном характере

---

³⁷ *Siim B.* Citizenship // The Cambridge Dictionary of Sociology / Ed. by B.S. Turner. Cambridge, 2006. P. 66; *Schuck P.H.* Liberal Citizenship // Handbook of Citizenship Studies/ Ed. by E.F. Isin, B.S. Turner. London, 2002. P. 131–132; *Dagger R.* Civic virtues: Rights, Citizenship, and Republican Liberalism. N.Y. —Oxford, 1997. P. 194.

³⁸ *Капустин Б.Г.* Указ. соч. С. 67–68.

³⁹ *Heater D.* Citizenship: The Civic Ideal in World History Politics and Education. London, 1990. P. 2.

⁴⁰ *Хомяков М.Б.* Указ. соч. С. 40.

⁴¹ *Heater D.* Op. cit. P. 182, 184.

⁴² *Smith R.M.* Modern Citizenship // Handbook of Citizenship Studies. P. 105.

⁴³ *Dagger R.* Op. cit. P. 195.

субъективности, ее «укорененности» в культурном и социальном контексте, традициях, ценностях и нарративах. Идентичность коммунитаристского субъекта является стабильной, практически неизменной, производной от сети социальных связей и традиций⁴⁴. Подобная идентичность манифестируется чувством сообщества и разделяемой всеми представителями этого сообщества концепцией «блага, которой следует совместно способствовать, даже если это ограничивает возможности индивидов пересматривать свои цели», ценности и образ жизни⁴⁵.

Мультикультуралистская концепция гражданства ставит под сомнение коммунитаристский тезис о неизменности социального актора и образовании масштабных политических солидарностей на основании представлений об общем благе в условиях современных мультикультурных сообществ. Коммунитаристской «укорененности» и неизменности субъекта в мультикультурализме противопоставлена идея возможности многократного выбора индивидом своих жизненных целей и пересмотра сложившихся лояльностей и идентификаций⁴⁶; политической солидарности, образующейся из разделяемых членами сообщества представлений о благе, — солидарность, возникающая в условиях уважения к различию, а также группам и культурам, которые это различие представляют⁴⁷. Отказ от принципа субординации идентичностей в пользу принципа их согласования в рамках политического сообщества, по мнению мультикультуралистов, ведет к установлению специфической системы «дифференцированного гражданства». Последнее предполагает инкорпорацию людей в политическое сообщество не только в качестве отдельных индивидов, но и как предста-

---

⁴⁴ О концепции социальной «укорененности» М. Сандела см.: *Кимлика У.* Указ. соч. С. 288, 292; о «социальном тезисе» Ч. Тейлора см.: Там же. С. 320, далее.

⁴⁵ Там же. С. 347. Акцент на принадлежности сообществу, которое на локальном или национальном уровне может рассматриваться в качестве политического субъекта, сближает коммунитаризм с республиканской версией концепции гражданства, об этом: *Siim B.* Op. cit. P. 66

⁴⁶ *Kymlicka W.* Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford, 1995. P. 91–92.

⁴⁷ Ibid. P. 189, 191.

вителей групп, чьи права и обязанности зависят от членства в конкретной группе (непосредственным выражением групповых прав является представительство на уровне общенациональных политических институтов и автономия)⁴⁸.

Радикально-демократическая концепция гражданства коренным образом отличается от либерализма, республиканизма, коммунитаризма и мультикультурализма, с точки зрения подхода к определению социального актора. В основе радикально-демократических представлений о гражданстве лежит постмодернистская интерпретация субъективности как «дискурсивно конструируемого и подверженного постоянным изменениям набора субъективных позиций»⁴⁹. Соответственно, гражданство представляется цепью эквивалентных артикуляций «мы», которые постоянно влияют на субъективные позиции социального актора, допуская при этом плюрализм самоидентификаций и уважение к индивидуальной свободе⁵⁰.

Рассматривая гражданство как принцип артикуляции коллективного «мы», радикально-демократическая теория стирает грань между понятиями «гражданство» и «коллективная идентичность». Восстановление утраченных понятийных границ в рамках последующих исследований гражданства происходит за счет признания факта частичного несовпадения феноменов гражданства, в конечном счете, предполагающего наличие формального статуса с присущими ему правами и обязанностями, и коллективной идентичности, становящейся политическим субъектом независимо от наличия юридической и правовой основы⁵¹. Концептуальные отношения «гражданства» и «идентичности» в этом случае устанавливаются при помощи понятия «практика», описывающего то, каким образом индивиды и группы утверждают новые или расширяют

⁴⁸ Ibid. P. 174.

⁴⁹ *Isin I.F., Wood P.K. Citizenship and Identity. London, 1999. P. 10.* Также см. классическую работу по радикально-демократической политической теории: *Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London, 1985;* и комментарии к ней: *Smith A-M. Laclau and Mouffe: The Radical Democratic Imaginary. London, 1998. Ch. 4. Self-determination, Community and Citizenship.*

⁵⁰ *Isin I.F., Wood P.K. Op. cit. P. 11–12.*

⁵¹ Ibid. P. 19.

существующие формальные права на основании артикуляции своей коллективной идентичности⁵².

Завершая краткий обзор исследований гражданства, следует остановиться на двух моделях, ориентированных на конкретно-историческое изучение данного феномена. Одна из них была предложена Ч. Тилли во вступительной статье к сборнику «Гражданство, идентичность и социальная история» (1996), вторая — Дж. Эли и Я. Пальмовски во введении к коллективному труду «Гражданство и национальная идентичность в Германии XX в.» (2008).

Ч. Тилли, акцентируя идею гражданства как статуса, возникающего в процессе взаимодействия с государством, утверждает, что гражданством следует считать такую социальную «связь, которая наделяет индивида институционально закрепленными правами и обязанностями на основании его категориальной принадлежности и отношения к государству»⁵³. Принадлежность к категории «граждан» очерчивает ограниченную совокупность индивидов, отличающихся своим привилегированным положением по отношению к конкретному государству. Институционально закрепленные отношения индивида и государства (гражданство как социальная связь) предопределяют конфигурацию всех остальных возможных социальных связей и отношений, в которые может вступать индивид (гражданство как социальная роль). В свою очередь, субъективное переживание и публичная репрезентация подобной категории, связи и роли, в соответствии с концептуальной системой Ч. Тилли, должны рассматриваться как проявления гражданской идентичности⁵⁴.

Дж. Эли и Я. Пальмовски, солидаризуясь с предложенной Ч. Тилли интерпретацией гражданства как социального статуса («связи» — в терминологии Тилли) и социальной роли, подчеркивают, что гражданство представляет собой аналитический инструмент анализа того, как различные со-

---

⁵² Ibid. Р. 4. Концепцию гражданства как политической практики в рамках конфликтологической теории развивает Б. Тернер, подробнее см.: *Turner B.S. Contemporary Problems in the Theory of Citizenship*. Р. 2.

⁵³ *Tilly Ch. Op. cit.* Р. 8.

⁵⁴ Ibid.

циальные группы определяют и оспаривают свои идентичности, сформированные в отношении к государству и другим социальным группам⁵⁵. В этом смысле гражданство обладает тремя измерениями: оно является формой принадлежности индивида к государству, обозначает объективный набор прав и обязанностей и субъективные практики использования и истолкования прав⁵⁶. Предполагая самоопределение группы людей, прежде всего, в качестве национальной общности, гражданство отсылает к идентичности как форме саморепрезентации и идентификации с политическим сообществом⁵⁷.

* * *

Современные исследования гражданского общества опираются на две различные теоретические традиции: на традицию, восходящую к концепции неполитического гражданского общества А. Токвиля, и традицию немецкой философской мысли, охватывающую идеи И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса. В традиции, апеллирующей к Токвилю, гражданское общество представляется сетью эгалитарных связей и добровольных ассоциаций, не опосредованных вмешательством государственных структур. Характерной чертой данного направления является противопоставление выстроенных по «вертикали» властных отношений индивид-государство и «горизонтальных» связей, спонтанно и добровольно возникающих между людьми в сфере гражданского общества⁵⁸.

Ассоциированная деятельность в рамках гражданского общества представляется областью пересечения всего множества отношений и ролей, которые реализует индивид в своей деятельности (гражданин, работник, потребитель, семьянин), таким образом, гражданское общество выступает в качестве сферы универсальной солидарности, «связи связей, куда все

---

⁵⁵ Eley G., Palmowski J. *Citizenship and National Identity in Twentieth-Century Germany* // *Citizenship and National Identity in Twentieth-Century Germany* / Ed. by G. Eley, J. Palmowski. Stanford, 2008. P. 5.

⁵⁶ Ibid. P. 18–19.

⁵⁷ Ibid. P. 7, 22.

⁵⁸ Капустин Б.Г. Указ. соч. С. 83–84.

включено, но ничему не может быть отдано предпочтение»⁵⁹. Безразличное к эмпирическому содержанию, гражданское общество, однако, не безразлично к форме включенных в него связей (добровольность, эгалитарность, ориентация на общее благо), что позволяет ему выступать в качестве механизма воспроизводства «цивильности» или «цивилизованности» в данном социуме⁶⁰.

Гегельянско-марксистская традиция опирается на аналитическое разграничение политической (государство), публичной (гражданское буржуазное общество) и частной (семья) сфер социальной жизни. Политическая сфера, как ориентированная на достижение общего блага, в этой концептуальной системе противостоит публичной сфере, базирующейся на приоритете частных (групповых или индивидуальных) интересов. Противоречие политического и публичного начал социальной жизни в рамках гегелевской диалектики «снимается» за счет исторически обусловленного процесса превращения «буржуа» в «гражданина». Переход от состояния «буржуа» к состоянию «гражданина» представляется как «колоссальный образовательный процесс... благодаря которому индивид обретает способность желать достижения своих частных целей, в то же время имея цели всеобщие в качестве предмета своей воли»⁶¹.

Гегельянскому «снятию» и растворению буржуазности в политическом гражданстве противостоит марксистская интерпретация диалектики государства и гражданского общества как исторического процесса «обобществления» государства и политики, интервенции и заполнения сферы политических структур отношениями, сформировавшимися в ходе классовой борьбы внутри гражданского общества⁶².

⁵⁹ *Walzer M. The Concept of Civil Society // Toward a Global Civil Society. Providence, 1998. P. 16.*

⁶⁰ *Ibid. P. 8, 24. Критику концепции гражданского общества как механизма воспроизводства «цивильности» см.: Капустин Б.Г. Указ. соч. С. 93–100.*

⁶¹ *Капустин Б.Г. Указ. соч. С. 121.*

⁶² *Кравченко И.И. Концепция гражданского общества в философском развитии // Полис. 1991. № 5. С. 8 [по электронному изданию] / Internet: http://www.civisbook.ru/files/File/Kravchenko_1991_5.pdf [Посещение: 01.09.2012].*

Аннигиляция политики, характерная для классической марксистской теории, была преодолена в работах А. Грамши, рассматривавшего государство и гражданское общество как две формы неэкономического господства. В интерпретации Грамши гражданское общество представлялось сферой образования политической и культурной гегемонии, при помощи которой одна социальная группа может осуществлять власть по отношению ко всему обществу⁶³.

Многие элементы гегельянско-марксистской традиции были усвоены и переработаны в рамках критической теории Франкфуртской школы. Наиболее сильное влияние на дальнейшее развитие проблематики гражданского общества в русле данного направления оказали исторические и теоретические работы Ю. Хабермаса, предпринявшего ревизию гегельянско-марксистской традиции с точки зрения философского наследия И. Канта⁶⁴. Центральной идеей Хабермаса, возникшей в его ранней работе «Структурная трансформация публичной сферы» (1962) и впоследствии развившейся в теорию коммуникативной этики, является концепция разворачивания социальной жизни в форме рационального не принудительного дискурса, ориентированного на достижение общественного консенсуса и отделенного от сфер политической и экономической рациональности⁶⁵.

Рациональный публичный дискурс имеет два измерения: первое включает в себя условия становления легитимного рационального консенсуса, второе описывает содержательную сторону достигаемого согласия⁶⁶. В качестве неперемennого условия рационального консенсуса у Хабермаса выступает «идеальная коммуникативная ситуация», то есть ситуация, когда согласие возникает в публичном коммуникативном

⁶³ Ку А. Парадокс — гражданское общество без гражданства // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 13.

⁶⁴ Calhoun C. Introduction: Habermas and the Public Sphere // Habermas and the Public Sphere / Ed. by C. Calhoun. Massachusetts, 1992. P. 1–2.

⁶⁵ Фливерберг Б. Хабермас и Фуко — теоретики гражданского общества // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 128.

⁶⁶ Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 459. Далее ссылки на данное издание указаны в тексте в круглых скобках.

процессе, где каждый участник имеет равное право на высказывание, и ни один из них не испытывает давление со стороны экономических или политических сил. При этом идея рационального консенсуса подразумевает, что устанавливаемые в результате общественной дискуссии нормы имеют «когнитивные претензии на истинность» (С. 462). Содержательная сторона рационального консенсуса выражается понятием «обобщаемого интереса», подразумевающим соответствие принятой в рамках общественной дискуссии нормы следующему условию: «Каждая заинтересованная сторона в состоянии принять все последствия и побочные эффекты, которые можно предвидеть в качестве результата общего соблюдения этой нормы, ради удовлетворения интересов каждого (и последствия эти предпочтительнее последствий альтернативных возможностей регулирования)» (Там же).

Развивая идеи Хабермаса, американские теоретики гражданского общества Дж. Коэн и Э. Арато предлагают заменить содержащий авторитарные коннотации термин «обобщаемый интерес» более удачным понятием «коллективной идентичности». Коллективная гражданская идентичность, согласно Коэну и Арато, возникает в процессе рациональной коммуникации, поскольку именно в коммуникативном процессе «мы подтверждаем и частично определяем по-новому, кто мы такие и по каким правилам мы хотим жить вместе, отвлекаясь от наших личных или особенных идентичностей и различий, то есть устанавливаем нашу коллективную идентичность как членов единого гражданского общества» (С. 479). Гражданская идентичность (и ее элемент — коллективная солидарность), с одной стороны, опирается на «традиции, ресурсы коллективной памяти, существовавшие некогда стандарты совместной жизни, устоявшиеся ценности и значимые практики (жизненный мир)», с другой — представляет собой посттрадиционную, критически настроенную по отношению к традиции, инстанцию. «Таким образом, — заключают Коэн и Арато, — хотя любая коллективная идентичность по определению носит обособляющий характер, те, кто способны на критическое отношение к своим собственным традициям, могут создавать содержание, совместимое с принципами дискурсивного разрешения конфликтов. Кем бы мы ни были, мы как члены современных гражданских обществ

участвуем ныне в такой политической культуре, которая основана на принципе, обязывающем нас решать конфликты путем обсуждения. Свободный публичный дискурс, укрепляющий нашу идентичность, сам содержит в себе традицию, придающую этой идентичности прочность во времени» (С. 482).

Несмотря на все видимые различия в области изучения гражданства и гражданского общества, и в том, и в другом случае очевиден свершившийся в последнее десятилетие XX в. поворот от исследований социальных структур (формальных статусов и институтов) к анализу социальных практик и идентичностей. Выступая в качестве опосредующей аналитической конструкции, понятия «практики» и «идентичности» открыли новые возможности для создания гибких аналитических моделей, позволяющих интерпретировать гражданство и гражданское общество как взаимосвязанные феномены. Даже если нельзя считать гражданское общество непосредственным источником гражданских и политических прав⁶⁷, его вполне можно рассматривать как область автономного формирования новых идентичностей, обладающих потенциалом политического действия и борьбы за изменения существующих режимов гражданства.

**«Гражданство», «гражданское общество»
и «гражданская идентичность»
в исторических исследованиях Российской империи
середины XIX — начала XX в.**

В исторической литературе, посвященной изучению Российской империи середины XIX — начала XX в., можно выделить, по крайней мере, четыре направления, использующие элементы различных теорий гражданства и гражданского общества в процессе интерпретации конкретно-исторического материала, среди них:

— исследования режимов подданства и гражданства как форм принадлежности имперскому социуму⁶⁸;

⁶⁷ Janoski T. Citizenship and Civil Society: A Framework of Rights and Obligations in Liberal, Traditional, and Social Democratic Regimes. Cambridge, 1998. P. 17.

⁶⁸ Данное направление исследований интегрировано в междисциплинарную область изучения империй. Анализ теоретической составляющей проблемы соотношения феноменов подданства и гражданства

— анализ судебной системы Российской империи с точки зрения социальной инклюзии различных социальных групп⁶⁹;

— исследования общественной самоорганизации, институтов и практик, возникающих в рамках гражданского общества;

— изучение истории понятий «гражданство», «гражданское общество», «общественность», их функций в лексиконе людей XIX — начала XX столетия.

Далее мы подробно остановимся на двух последних направлениях, как наиболее близких к проблематике, рассматриваемой авторами представленного сборника. Изучение форм общественной самоорганизации является наиболее развитым направлением исследований Российской империи в контексте теорий

см.: Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. От редакции // *Ab Imperio*. 2006. № 4: Антология языков самоописания нации и империи. С. 11–14. Эмпирические исследования, затрагивающие проблемы гражданства и подданства на материале российского XVIII в.: *Каменский А.Б.* Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: К постановке проблемы // *Ab Imperio*. 2006. № 4. С. 59–99; *Он же.* Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы: [Препринт]. М., 2007; *Марасинова Е.Н.* Власть и личность (Очерки русской истории XVIII века). М., 2008. Очерк IV. Власть и личность. Обсуждение вопросов, касающихся имперского подданства и гражданства в XIX в. см., напр.: *Российская империя в сравнительной перспективе*. М., 2004; *Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет*. М., 2005; *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. М., 2012.

⁶⁹ Направление представлено работами американской исследовательницы Дж. Бербанк, рассматривающей имперскую систему «правового плюрализма» (система интеграции местных — национальных и крестьянских — судов в государственную судебную систему) в качестве источника становления гражданского самосознания. См., напр.: *Джейн Бербанк.* Местные суды, имперское право и гражданство в России // *Российская империя в сравнительной перспективе*. М., 2004. Идеи Дж. Бербанк, во многом, опираются на проделанный М. Сомерс анализ английской правовой революции XII–XIV вв., в ходе которого исследовательница продемонстрировала тесную взаимосвязь между практиками применения прецедентного права и формированием группового, а затем индивидуального гражданства. Подробнее см.: *Somers M.* Rights, Relationality, and Membership // *Law and Social Inquiry*. 1994. Vol. 19. № 1. P. 73.

гражданства и гражданского общества. В большинстве случаев интерпретация эмпирического материала в рамках данного направления основывается на идеях Ю. Хабермаса о становлении современной публичной сферы, очерчивающей пространство добровольного рационально-критического дискурса, отделенного от недискурсивных политических и экономических институтов.

Впервые проблема изучения социальных структур и отношений, не опосредованных государственными или традиционными (общинными) институтами, была поставлена американскими исследователями в связи с анализом специфики социальной стратификации Российской империи и проблемой «потерянного среднего класса»⁷⁰. Авторы указывали на наличие в России рубежа XIX-XX вв. публичной сферы, отвечающей западным представлениям о гражданском обществе и включающей «необходимую массу образованных людей, добровольных ассоциаций, журнальных изданий, профессиональных организаций, университетов и патронатных сетей, в рамках которых образовывались промежуточные между семьей и государством идентичности»⁷¹.

Впоследствии идея о конституирующей роли добровольных ассоциаций в процессе образования современных коллективных идентичностей получила развитие в трудах американского исследователя дореволюционных общественных организаций Дж. Брэдли. Обсуждая в своих работах проблему «слабости буржуазии» и отсутствия среднего класса в России, Брэдли указывает на необходимость смены аналитической оптики, ухода от нормативной интерпретации гражданских институтов как непосредственного выражения буржуазных ценностей. Исследователь предлагает рассматривать организационные и культурные сети гражданского общества не в качестве результата, но как источник формирования коллективной идентичности буржуазных слоев⁷².

---

⁷⁰ *Kassow S., West J., Clowes E.* Introduction // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / E. Clowes, S. Kassow, J. West (eds.). Princeton, 1991. P. 6.

⁷¹ Ibid.

⁷² *Bradley J.* Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // *American Historical Review*. 2002. № 107 / Internet: <http://www.historycooperative.org/journals/ahr/107.4/ah0402001094.html> [Посещение: 01.09.2012].

Несмотря на успешный «дебют» концептуальной пары «гражданское общество — коллективная идентичность», судьба понятия «гражданская идентичность» в исследовательских практиках историков 2000-х гг. оказалась противоречивой. Два крупных исследовательских проекта, реализованные за последние несколько лет, продемонстрировали диаметрально противоположные позиции по отношению к этому понятию. Если первый проект (сборник статей международного коллектива авторов «Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: вторая половина XIX — начало XX в.», 2007 г.) был сконцентрирован на интерпретациях практик гражданского общества, с точки зрения становления нового типа идентичности, то второй (сборник статей «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в.», 2011 г.) продемонстрировал практически полный отказ от концептуализации исторической реальности в терминах теорий идентичности и идентификации.

Поскольку в настоящий момент совместный труд российских и западных исследователей «Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности» представляет собой единственное русскоязычное издание, в котором проблема формирования гражданского общества в Российской империи непосредственно поставлена в контекст изучения социальных идентичностей, на содержании представленных в сборнике статей стоит остановиться подробнее. В предисловии ответственные редакторы издания, Б. Пиетров-Эннкер и Г.Н. Ульянова, следующим образом формулируют «рабочее определение» гражданской идентичности: «Гражданская идентичность является симптомом и в то же время движущей силой зарождающегося гражданского общества; указывает на систему ценностей, которой отмечена культура новых общественных сил, олицетворяющих гражданское общество»⁷³. К ценностям, характеризующим зарождающуюся культуру новых социальных слоев, авторы относят «представление о

⁷³ Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века / Отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007. С. 22. Далее ссылки на данное издание указаны в тексте в круглых скобках.

всеобщем благе», «самоорганизацию», «солидарность», «терпимость», «добровольное принятие на себя ответственности», «гражданское мужество» (С. 16).

Дж. Брэдли в статье «Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций: опыт России в европейском контексте» развивает концепцию ведущей роли добровольных ассоциаций в становлении феномена гражданского общества и гражданской идентичности. Эффективность общественных организаций в процессе налаживания горизонтальных общественных связей, генезисе гражданских практик, воспитании чувства гражданственности и формировании партнерских отношений между образованным обществом и властными структурами, по мнению исследователя, обусловила высокий социальный потенциал этих объединений в условиях самодержавного режима (С. 97). Обладая столь значительным потенциалом, добровольные ассоциации претендовали на право выражать «интересы нации», скрыто легитимизируя собственную политическую оппозиционность и, таким образом, повышая «уязвимость» не только государственных, но и собственно гражданских структур перед лицом революционной угрозы (С. 98).

Соотношение категорий «буржуазного общества», «среднего класса» и «гражданского общества» рассматривается в статьях Ю. Петрова, Дж. Уэста и Р. Линднера, сконцентрировавших свое внимание на процессах формирования социальной идентичности представителей российского предпринимательства. Исходным пунктом рассуждений исследователей является тезис о высокой общественной и политической активности представителей предпринимательства на рубеже XIX–XX вв. (С. 32). Отталкиваясь от данного тезиса, Ю. Петров формулирует в своей статье «Московское предпринимательство в контексте экономической и политической истории России: вторая половина XIX–XX вв.» модель внутренней структуры и стратегии социального действия московских предпринимателей. Особое внимание автор уделяет межреволюционному периоду, когда общественная и социальная активность данной группы достигла своего пика. На том же периоде концентрируется при изложении собственной точки зрения и Дж. Уэст (Уэст Дж. Предпринимательский дискурс

и гражданская идентичность в позднеимперской России: представления о буржуазии). Согласно мнению западного исследователя, на протяжении 1905–1917 гг. до того момента маргинальные и «молчаливые» предпринимательские слои обнаруживают «жесткое стремление к конструированию своей классовой идентичности» (С. 171–172). Используя аналитические категории «класса» и «дискурса», Дж. Уэст раскрывает феномен самоидентификации и связанной с ней последующей социальной активности российской буржуазии.

Исследованию процессов формирования предпринимательской идентичности в процессе социальной интеракции в городском обществе, общественных ассоциациях и пространстве частной жизни на микроуровне посвящена статья Р. Линдера (Линдер Р. «...Центр культуры и гражданственности...» — коммуникация и гражданская идентичность в Екатеринославе. 1860–1914 гг.). Спецификой его концепции является рассмотрение данных процессов в контексте проблематики «локального общества», располагающегося в социальном пространстве между государством и семьей и предоставляющего индивиду относительно свободную область самореализации (С. 188). На примере Екатеринослава автор исследует структуру общественной коммуникации, включающую прессу, театр, общественные ассоциации, формы городского досуга, и прослеживает тенденции социальной интеграции и генезиса структуры гражданского общества (С. 214–215).

В нетрадиционном для отечественной историографии ракурсе в последней части монографии рассматривается проблематика гражданских практик. В статье К. Руан «Одежда и идентичность в имперской России» объектом исследования выступает одежда как элемент конструирования социальной идентичности и инструмент социальной политики (С. 221–222). Реинтерпретации феномена студенческих движений и студенческого протеста посвящена работа Г. Хаусамана (Хаусаман Г. Гражданское общество как социальное движение: пример студенческого движения в Новороссийском университете г. Одессы, 1905–1914). По мнению исследователя, студенческая среда представляла собой своеобразный «полигон» апробации тех форм межличностного взаимодействия и социальной практики, которые в перспективе могли бы

стать фундаментом российского гражданского общества (С. 261). Специфическая форма гражданской активности — организация добровольной пожарной охраны — рассмотрена в статье Н. Рааба «Формирование гражданской идентичности в общественных организациях России (на примере Вольно-пожарных обществ). 1880—1905 гг.». Исследуемая социальная практика, по мнению автора, несмотря на свою консервативную общественно-политическую ориентацию, являлась проявлением активной гражданской позиции представителей локального сообщества (С. 293—294).

Исследовательский проект, представленный публикацией сборника статей «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в.», задает иную концептуальную рамку анализа гражданского общества. Авторы представленных в сборнике работ (А.С. Туманова, В.Я. Гросул, А.Д. Степанский, А.Е. Иванов, И.С. Розенталь и др.) сосредотачивают свое внимание на правовых основах и институциональных формах самоорганизации российской общественности. Во вводной статье ответственный редактор сборника А.С. Туманова формулирует основные критерии анализа уровня общественной самоорганизации и развития гражданского общества в России, среди них: 1) «наличие институционального каркаса в виде оформившейся системы добровольных ассоциаций, отражавших разнообразие интересов и потребностей групп российского общества, сформированные ими ценности»; 2) «складывание правовой основы для самоорганизации... рождение доверия к праву как к регулятору взаимоотношений между властью и обществом»; 3) «бытование в обществе идеологии, признававшей значимость объединения людей как важного фактора развития социума, способа разрешения назревших проблем населения, реализации его прав и свобод»; 4) практические успехи в достижении декларируемых общественными организациями задач⁷⁴.

Монографические исследования А.С. Тумановой также концентрируются на проблемах «изучения опыта самоорганизации

---

⁷⁴ Туманова А.С. Введение // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / Отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011. С. 12.

российского общества», выражавшегося в различных формах и типах «общественных институций», их влияния на социокультурную среду и возникновение феномена «общественности»⁷⁵. На основе солидного корпуса исторических источников исследовательница анализирует представления верховной власти, центральной и местной бюрократии, а также самих участников общественных организаций о месте и роли данных институций в социальной и политической системе имперского социума. Факт образования общественных организаций расценивается Тумановой в качестве признания государством прав различных общественно-профессиональных групп на юридический статус и узаконенную сферу свободной деятельности⁷⁶.

В результате развития общественных организаций к началу XX столетия, по мнению А.С. Тумановой, сложились предпосылки для преодоления характерного для России отчуждения власти и общественности и установления сотрудничества между ними. Препятствия к продуктивному диалогу, считает исследовательница, лежали не в институциональной, а в личностной сфере, поскольку «ценности гражданских свобод не были укоренены в сознании правящей элиты, в особенности, бюрократии «среднего звена», в чью компетенцию входило осуществление взаимодействия с общественными организациями»⁷⁷.

Немного в стороне от мейнстрима в области исследований гражданского общества в России находится позиция Л. Хэфнера. По мнению немецкого ученого, заимствование категориального аппарата, описывающего опыт западно-европейских стран, для исследования социальных реалий Российской империи является достаточно сложной операцией, предполагающей поиск «адекватных категорий для описания общественных перемен и социальной стратификации в российском обществе, теряющем сословную организацию»⁷⁸.

---

⁷⁵ Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 8.

⁷⁶ Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России: 1905–1917. Тамбов, 2002. С. 28.

⁷⁷ Там же. С. 321.

⁷⁸ Хэфнер Л. В поисках гражданского общества в самодержавной России. 1861–1914 гг. Результаты международного исследования и методо-

Наиболее адекватным поставленной задаче исследователю представляется концепт «локальное общество», который позволяет избежать нормативных коннотаций своего предшественника. При этом, отмечает Хэфнер, «локальное общество» не должно расцениваться как «реальный коллектив», «как априорно существующая социальная формация», но скорее как аналитический инструмент, который «обозначает систему интерпретации и коммуникации гетерогенных социальных групп, различных дискуссионных пространств и ценностных сообществ»⁷⁹.

Поставленная Л. Хэфнером проблема интерпретации развития локальных сообществ в сторону институтов и практик, типологически схожих с западноевропейской моделью гражданского общества, на уровне конкретно-исторического исследования рассматривается в работе А.И. Куприянова «Городская культура русской провинции. Конец XVIII — первая половина XIX в.»⁸⁰. Российский ученый сосредотачивает свое внимание на механизмах рецепции провинциальной социокультурной средой программ и моделей, создаваемых в рамках столичной высокой культуры. Фокус исследования направлен не на традиционное изучение институционального аспекта функционирования культуры, но на ее антропологическое измерение: на представления горожан о «себе» и «других», на представления о государственной власти и местном самоуправлении, локальном сообществе и базовых ценностях. Конкретные практики самоидентификации, представляющие собой «фундамент» новой групповой — в данном случае, локальной, — идентичности, исследуются А.И. Куприяновым на основании не только различных текстов, призванных репрезентировать их авторов перед лицом государственной власти или местного сообщества, но и на основании элементов внешнего облика и городского костюма. Весьма значимым

логические подходы // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности... С. 47.

⁷⁹ Хэфнер Л. Civic Society, Burgentum и «местное общество»: В поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднейимперской России // *Ab imperio*. 2002. № 3. С. 199-200.

⁸⁰ Куприянов А.И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII — первая половина XIX века. М., 2007.

представляется наблюдение исследователя относительно тесной связи процессов поиска новой групповой идентичности и практик местного самоуправления.

Изучение истории понятий, «отражающих практики публичной коммуникации и общественной самодеятельности»⁸¹, является достаточно новым направлением исторических исследований. Впервые проблема отсутствия в российском лексиконе аутентичных терминов, описывающих отношения и практики гражданского общества, была поставлена в сборнике работ американских исследователей «Между царем и народом...», где проводилась параллель между западноевропейским понятием «гражданское общество» и русскоязычным термином «общественность»⁸². В дальнейшем данная проблема получила свою разработку в трудах российских обществоведов В.В. Волкова и О.Ю. Малиновой⁸³.

Термин «общественность», по мнению В. Волкова, охватывает «специфически российское понятие гражданства и общественной (публичной) сферы» и существует в двух основных формах: «либо как дискурсивный референт, указывающий на носителя общественного мнения; либо как воображаемый коллективный агент конкретного социального действия или деятельности, причем в том случае, если это действие является добровольным и выходит за пределы профессиональных обязанностей участников»⁸⁴. Таким образом, «общественность» не имеет объективных параметров, а принадлежность к ней

---

⁸¹ Малинова О.Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX — начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М., 2012. С. 428.

⁸² Kassow S., West J., Clowes E. Introduction // Between Tsar and People... P. 3—4.

⁸³ Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. 1997. Т. 1. № 4; Он же. Общественность: российский вариант концепции гражданского общества: [электронная публикация] / Internet: http://www.cisr.ru/files/publ/wp3/wp3_Volkov.pdf [Посещение 01.09.2012]; Малинова О.Ю. Указ. соч.

⁸⁴ Волков В. Общественность: российский вариант концепции гражданского общества. С. 5.

не является формальной (оформленной через определенный статус), но скорее дискурсивной, выраженной через мнение, или практической, представленной конкретным действием⁸⁵.

О.Ю. Малинова, основываясь на широком круге нарративных источников, относящихся к периоду 1830—1917 гг., опровергает предложенную В. Волковым интерпретацию «общественности» как понятийного эквивалента «гражданского общества». «Термин общественность, — отмечает исследовательница, — действительно, фигурировал [в общественных дискуссиях середины XIX в.], но преимущественно в качестве абстрактного понятия, указывающего на социальность как специфическое качество, формирующееся у людей, составляющих общество»⁸⁶. В большей степени с кругом читающих людей, представлявшимися носителем общественного мнения, ассоциировалось понятие «публика», указывающее не только на коммуникацию посредством печатной продукции, но и на непосредственные каналы социального общения (салоны, публичные лекции)⁸⁷. Наиболее многофункциональным являлось понятие «общество», обладавшее широким спектром смыслов, но к началу XX в. прочно соотносившееся с субъектом коллективных действий⁸⁸. В результате проделанной работы исследовательница приходит к выводу о том, что «русское общество середины XIX — начала XX века постепенно формировало язык для описания, анализа и критики своих коммуникативных и самодеятельных практик, однако этот язык был столь же неспецифическим и слабо оформленным, как и сами практики»⁸⁹.

* * *

Возвращаясь к поставленному в начале работы вопросу: *зачем исследователю истории России XVIII — начала XX в. понятие «гражданская идентичность»*, — следует отметить, что использование данного понятия применительно к изучению таких

---

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Малинова О.Ю. Указ. соч. С. 442.

⁸⁷ Там же. С. 446.

⁸⁸ Там же. С. 448, 461.

⁸⁹ Там же. С. 463.

слабо институционализированных и фрагментированных социальных сред, как публичная сфера Российской империи, представляет собой значимый теоретический ресурс. Предполагаемая этим понятием исследовательская оптика позволяет построить достаточно непротиворечивую интерпретационную модель, ориентированную на объяснение того, как в условиях институционального дефицита реализуются механизмы по поддержанию онтологической преемственности на уровне индивидуального и коллективного социального актора, как эти механизмы связываются и переплетаются со стратегиями по отношению к социальным «другим» и ориентациями социального действия, не находящего себе удовлетворительной интерпретации с точки зрения рациональной калькуляции затрат и прибылей или трансцендентной системы ценностей.

Глава 2.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОСКОВСКОЙ ПРОФЕССУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Изучение гражданской идентичности отечественной профессуры представляется актуальным по ряду причин. Во-первых, неослабевающий интерес научного сообщества к изучению культурно-исторических вопросов и модернизационных процессов в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. в русле новой исторической парадигмы – так называемом «повороте к культуре» (cultural turn). Особую значимость исследование различных аспектов российской модернизации приобретает в контексте формирования гражданского общества и правового государства – открытых систем, которые являются совокупным результатом антропосоциокультурогенеза, в процессе которого происходит становление гражданского типа личности. По мнению ряда современных исследователей¹, в ходе формирования гражданского общества актуализируются гражданские качества человека, а персонафицированным выражением пространства социальной свободы становится гражданская личность.

Во-вторых, обращение к теории идентичности в контексте исследования генезиса гражданского общества раскрывает перед историком новые исследовательские перспективы в плане изучения индивидуального опыта личности в изменяющемся мире. И хотя само понятие «идентичность» сравнительно новое и для нашей публичной сферы, и для

---

¹ См.: Гражданское общество: теория, история, современность. М., 1999; Гражданское общество России: перспективы XXI века. СПб., 2000; Гражданское общество: Истоки и современность / Под ред. И.И. Кального и И.Н. Логушанского. СПб., 2002; Модели общественного переустройства России. XX век / Под ред. В.В. Шелохоева. М., 2004 и др.

русской научной литературы, тем не менее, за последние годы оно прочно вошло в научный обществоведческий словарь. К идентичности как к междисциплинарному феномену существенно возрос интерес в связи с изучением различных его аспектов: проблемой идентичности занимаются социологи, культурологи, психологи, историки. Следует отметить, что серьезным исследованиям подвергаются преимущественно вопросы современного состояния идентичностей (этнической, гражданской, социальной), в то время как работ по изучению данного феномена на историческом материале недостаточно.

И, наконец, в-третьих, отечественная профессура во второй половине XIX в. оформилась в целостную и сплоченную социальную общность, стала ощутимой культурной и общественной силой, а благодаря творческому характеру научного труда она стала не только самым «информационно заряженным», но и наиболее активным слоем образованного класса². В связи с этим изучение вопросов поиска идентичностей данной социальной группой в условиях модернизационного перехода является чрезвычайно важным.

В современном обществознании выработано несколько подходов к определению гражданской идентичности, которые были использованы в настоящей статье. Социологический подход рассматривает гражданскую идентичность как осознание человеком своей принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющие для индивида значимый смысл, а также как феномен надындивидуального сознания, качество гражданской общности, характеризующее ее как коллективного субъекта³. В рамках данного подхода в структуре гражданской идентичности выделяются три основных элемента: когнитивный — знание о принадлежности к данной социальной общности, ценностный — наличие позитивного или негативного отношения к факту принадлежности и эмоциональный — принятие или непринятие гражданской общности в качестве группы членства, как результат действия двух первых⁴.

---

² Бастаркова М.С., Павлова Г.Е. Наука: «ученые средства» и «ученые силы» // Очерки русской культуры XIX в. Т. 3. М., 2001. С. 286.

³ Энциклопедия социологии. М., 2003.

⁴ Там же.

Социокультурный подход основной гражданской идентичности определяет систему ценностей и понимает ее как «область диффузии» личности, культуры и социальной системы. Ценности являются ключевым ориентиром при выборе способа деятельности, они отбирают идеалы, выстраивают цели и содержат способы достижения этих целей. Иными словами, ценности выступают в качестве важнейших структурообразующих компонентов личности, являются основой бытия и создают культурное пространство, в котором происходит процесс самореализации человека. Ценностный подход к изучению сознания общественных групп позволяет поставить в центр исследований человека как «часть живого и развивающегося общественного сознания»⁵. Поэтому можно говорить о том, что гражданская идентичность указывает на систему ценностей периода модернизации, которой отмечена культура новых общественных сил начавшего формироваться в России во второй половине XIX в. гражданского общества.

Изучение субъективной реальности, какой являются социокультурные и социально-психологические явления и феномены, возможно главным образом на основе субъективных источников. В связи с этим особое значение приобретают источники личного происхождения (дневники, частная переписка (эпистолярные источники), мемуары-автобиографии, мемуары — «современные истории», эссеистика, исповеди), освещающие психологию личности «изнутри» и потому наиболее адекватные предмету и задачам исследования.

В современном гуманитарном знании биографические тексты, жизненно-исторические свидетельства людей являются признанным источником социального знания. Обращение к этим документам, аккумулирующим опыт жизни и социальные представления людей, позволяет рассмотреть социально-историческую и культурную динамику в антропологическом ключе, уловить культурно-историческую специфику социальных процессов прошлого и настоящего. В связи с этим важнейшей функцией источников личного

---

⁵ Соколов А.К. Социальная история: проблемы методологии и источниковедения // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти И.Д. Ковальченко. М., 2000. С. 85.

происхождения является установление межличностной коммуникации в эволюционном (осознание хода исторического времени, своей связи с предыдущими и последующими поколениями) и коэкзистенциальном (осознание своей связи с эпохой, современниками, конкретной социальной группой и т. п.) целом и автокоммуникации⁶. Они наиболее последовательно воплощают процесс самоосознания личности и становление межличностных коммуникаций.

Данный вид источников позволяет исследовать не только отдельные факты, но и ситуацию, в которой они происходили, понять контекст событий. Они играют первостепенную роль в воссоздании «живого образа человека» в его неповторимой индивидуальности, дают возможность восстановить атмосферу эпохи, психологический фон событий, без которых немислимо само их понимание. Именно эти источники позволяют приоткрыть внутренний мир своих создателей, сделать изучение событий прошлого живым, эмоциональным.

Документы личного происхождения можно классифицировать по нескольким направлениям: автокоммуникативные (дневники) и источники межличностной коммуникации⁷. Вторую группу, в свою очередь, можно разделить на источники с фиксированным адресатом (эпистолярные источники, отчасти мемуары-автобиографии, адресованные собственным потомкам мемуариста) и с неопределенным адресатом (мемуары — «современные истории», эссеистика, исповеди).

Основным информационным ресурсом изучения гражданской идентичности профессуры являются мемуары, которые представляют собой, в первую очередь, результат становления самосознания личности и одновременно являются одним из способов осознания ее взаимоотношений с социальными группами различных масштабов⁸. Этот момент представляется чрезвычайно важным в контексте данной работы, поскольку профессорская

---

⁶ Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Источники российской истории. М., 2000. С. 320.

⁷ См. работы Дмитриева С.С., Тартаковского А.Г., Варшавчика М.А., Минц С.С.

⁸ Минц С.С. Мемуары и российское дворянство. СПб., 1998. С. 84.

интеллигенция в силу общности образования, рода занятий, образа жизни, мировоззренческих ориентиров как никакая другая группа российского общества осознавала себя принадлежащей к международному братству людей науки, быть членом которого одновременно и большой почет и огромная ответственность.

Мемуаристика — по мнению одного из наиболее авторитетных исследователей А.Г. Тартаковского — является одним из показателей уровня цивилизованности общества, его сознательного отношения к своему прошлому. В мемуарной литературе находят отражение переломные этапы развития самосознания личности, понимание ею себя в постоянно меняющемся мире⁹. Тем самым мемуары выступают наглядной формой репрезентации процессов становления различных уровней идентичностей: личной, социально-профессиональной, гражданской. В связи с этим можно сказать: чем более «современным» оказывается человек, чем ближе его мысли и чувства к целям и задачам, поставленным эпохой, чем масштабнее он мыслит, — тем более полным и точным будет характер его восприятия и описания тех событий, свидетелем и участником которых он являлся.

Однако мемуары нельзя считать продуктом исключительно личного происхождения. Они неизбежно несут на себе печать своего времени. Искренность мемуариста, полнота и достоверность его впечатлений зависят от той эпохи, в которой, во-первых, писались и, во-вторых, публиковались мемуары. Немаловажное значение имеет и объект воспоминаний: событие или личность, о которых пишет мемуарист.

Корпус мемуаров профессорской интеллигенции имеет свои особенности. Во-первых, профессию отличает высокий оценочный уровень, в анализе событий прошлого доминируют, как правило, не эмоции, а обдуманые, взвешенные подходы, диапазон описываемых событий, явлений, размышлений очень широк. Во-вторых, профессура отличалась обостренным чувством долга по отношению к потомкам, что побуждало мемуаристов к критическому осмыслению прошлого, стремлению максимально объективно отобразить

---

⁹ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX вв. М., 1991. С. 3.

события своей жизни, избегая субъективизма. В-третьих, степень подробности, эмоциональная насыщенность описываемых событий напрямую зависели от профессиональной специализации автора — был ли он ученым-естественником или гуманитарием. Анализ источников показал, что большую часть как опубликованных, так и неопубликованных мемуаров оставили после себя профессора истории, правоведы, филологи, то есть представители гуманитарных наук. В гораздо меньшей степени созданием мемуаров занимались математики, химики, физики, геологи, астрономы. Во многом это объясняется природной склонностью гуманитариев к литературному творчеству. Кроме того, широкий круг гражданских практик, в частности большая востребованность многих профессоров в качестве публичных лекторов, организаторов музеев и выставок, школьных педагогов, руководителей лабораторий, создателей и редакторов научных журналов и пр. зачастую не оставлял времени на литературное творчество.

Давая характеристику источников профессорской корпорации, нельзя обойти вниманием такой важный, с точки зрения осмысления самосознания личности, вопрос, как цель создания мемуаров. Для одних на первый план выходила их публичная деятельность, и поэтому мемуары писались изначально с «прицелом» на публикацию, а свою задачу авторы видели, прежде всего, в наиболее полном и достоверном освещении тех событий, которые имели большой общественный резонанс, и оценку собственной личности давали преимущественно с позиций инкорпорированности в общественную жизнь¹⁰. К мемуарам — «современным историям» относятся, например, воспоминания Б.Н. Чичерина, С.М. Соловьева, В.В. Марковникова, И.И. Янжула, А.А. Кизеветтера и других¹¹. В них в наибольшей степени затронуты вопросы поиска иден-

---

¹⁰ Соколов А.К. Там же.

¹¹ См.: Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. Вернадский В.И. Автобиография. М., 2001. С. 127.; Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881—1914. М., 1997. Марковников В.В. Воспоминания. М., 1910; Снегирев И.М. Дневник и воспоминания. М., 1905. Т. 2.; Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пг., 1915.; Чичерин Б.Н. Воспоминания. (Москва 1840-х годов.). М., 1991.; Чичерин Б.Н. Путешествие за границу. М., 1932.

тичностей, осознание своего места в профессорской среде, постановки и реализации жизненных задач.

Другие авторы предпочитали создавать мемуары-автобиографии, которые предназначались непосредственным потомкам и не имели публицистической направленности. Так, например, В.И. Вернадский писал: «Воспоминания... интересны потому, что с помощью их можно глубже проникнуть в тот чудный механизм, какой называют душу человека; они интересны потому, что сознание человека, личность человека, не есть что-нибудь резко определенное, а вечно меняется». Вместе с тем при детальном прочтении данные источники дают возможность проследить конкретную «событийную» историю, дают исчерпывающее представление о личности автора, глубоких внутренних эмоциях и переживаниях в процессе развития его самосознания.

К работе привлечены документы личного происхождения о 70 профессорах, работавших в московских учебных заведениях с середины XIX в. до 1917 г. Общее количество использованных в работе источников составляет 110 единиц текста, не считая многочисленных статей в сборниках, посвященных памяти того или иного профессора. Из всего документального материала собственно авторских воспоминаний — 25, большая часть которых опубликована. Исключение составили рукописные мемуары В.И. Герье, Н.И. Стороженко, А.И. Кирпичникова, Б.Н. Чичерина. Рукописные источники хранятся в отделе рукописей РГБ, ЦИАМ, а также незначительная часть в РГАЛИ и ОПИ ГИМ.

Мемуары разнообразны по объему: от многостраничных фундаментальных историй жизни (Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев, Ф.И. Буслаев, В.И. Герье, А.Ф. Фортунатов, А.И. Чупров и другие) до небольших, двух-трехстраничных автобиографических очерков и заметок. Тематика источников также разнопланова: от краткого изложения основных событий своей жизни, при отсутствии эмоционального компонента, до внушительных и серьезных сочинений некоторых профессоров, содержащих подробнейшую информацию о детстве автора, университетской жизни, научных интересах, начале собственной научной деятельности. В таких мемуарах почти полностью отсутствует эмоционально-личностный компонент,

авторы не передают своих переживаний, настроений и чувств, в них также мало глубокого анализа общественных событий и явлений. В ряде случаев этот пробел помогают восполнить дневниковые записи и эпистолярные источники, написанные под непосредственным влиянием текущего момента и потому обладающие большей эмоциональностью. Тем не менее, отрицать информативную ценность небольших по объему автобиографических очерков нельзя, поскольку в них, как правило, отражены, осмысленные автором, концептуальные моменты его жизни.

Благодатный материал для исследования социокультурных характеристик профессорской интеллигенции дали внушительные и серьезные сочинения некоторых профессоров. Такие мемуары — «современные истории» — содержат подробнейшую информацию о детстве автора, его воспитании, отношениях с родителями и друзьями, увлечениях, годах обучения в университете и университетской жизни, научных интересах, в них даются интересные характеристики профессоров университета. Почти всеми без исключения авторами огромное внимание уделяется подготовке и защите диссертаций и связанных с этим заграничных поездок и приглашением занять профессорскую кафедру. Очень подробно большинство мемуаристов освещают события научной и общественной жизни Москвы, рассказывают о деятельности различных научных обществ и кружков, членами которых многие из них являлись. В данных мемуарах наиболее полно представлена именно гражданская позиция авторов.

Среди других источников широко использовались так называемые «вторичные мемуары», то есть воспоминания о своих коллегах. Безусловно, данный вид источников гораздо меньше может претендовать на объективность изложения, поскольку в лице повествователей выступали, как правило, не просто коллеги, а друзья, на протяжении многих лет близко знавшие друг друга, поэтому их оценки вряд ли могли быть беспристрастными. Для получения максимально достоверных сведений о том или ином ученом приходилось использовать несколько «вторичных мемуаров», а также другие источники — главным образом некрологи и публицистические произведения.

Не менее интересный материал по исследованию профессуры содержится в дневниках и эпистолярных источниках. По сравнению с воспоминаниями, дневниковые записи представляют собой более непосредственную форму самовыражения личности — в идеале наедине с собой (автокоммуникация). Поверяя бумаге свои наблюдения, чувства, мысли, автор дневника обычно не предполагает постороннего читателя.

Разновидностью дневников профессуры являются путевые дневники, которые велись в ходе различных путешествий, поездок, экспедиций ученых.

Беглые, но в то же время скрупулезные, ежедневные записи позволяют не только проследить дорожные впечатления, уникальность зафиксированных встреч в пути, но и уловить элементы «научного быта» ученого, познакомиться с культурой его полевой и лабораторной работы («лабораторный быт»). Они позволяют увидеть повседневную деятельность ученого, определяемую усвоенными навыками, привычками и научными традициями.

Путевые дневники велись, как правило, в дороге с целью запечатлеть то особенное, необычное, что встречалось в пути. Чаще всего они велись «для себя», для своей памяти и содержали «мысли вслух», рассуждения с самим собой. Написанные не для научных оппонентов, не для публики, они не были рассчитаны на какую-либо цензуру и поэтому лучше, чем любые другие источники, передают непосредственность и индивидуальность автора. Они также дают возможность проследить зарождение научных идей, мыслей, которые впоследствии вылились в важнейшие обобщения и научные труды.

Письма (эпистолярные источники) заслуживают специального внимания из-за содержащейся в них информации о таких явлениях и процессах общественной психологии, которые менее отчетливо и полно отражены в других источниках личного происхождения. Данные мемуаров, например, в значительной степени подвержены влиянию социальных ценностей и ориентаций периода их создания, а также деформированы особенностями человеческой памяти и авторским знанием конечного исхода событий. Несомненное достоинство писем состоит в том, что они написаны под влиянием настоящего момента и отражают личное отношение автора к

событиям без последующих наслоений, более точно отражают эмоциональное (часто обостренное) состояние автора, создают «эффект присутствия».

К эпистолярному наследию профессуры Москвы, в первую очередь, следует отнести более полутора тысяч писем В.И. Вернадского своей супруге Н.Е. Вернадской за 1886—1900 гг., письма В.И. Герье, В.О. Ковалевского, П.Н. Кудрявцева, А.Ф. Фортунатова, В.О. Ключевского, научную переписку П.Н. Лебедева (552 письма), Ф.Е. Корша (около четырехсот писем). Переписка некоторых профессоров (Вернадского, Корша, Лебедева) уникальна не только по объему содержащейся в ней информации и временному охвату. Она включает ценнейший материал для изучения биографий профессоров, их научных исканий, позволяет проникнуть в творческую лабораторию ученых, воссоздать дружеские, духовные связи, направления деятельности, социально-психологические настроения текущего момента, проследить эволюцию воззрений на многие фундаментальные проблемы жизни и творчества. Кроме того, переписка дает интересные сведения о научной, экономической и общественно-политической жизни России и Европы. Письма наравне с другими историческими источниками являются «продуктом целенаправленной человеческой деятельности»¹², поэтому к ним применимы основные положения науки об источниках и методах их исследования, позволяющие получить верифицированную, строго научную информацию для познания человека и общества.

К документам личного происхождения, как и к любым другим источникам, необходим критический подход. В источниковедении отработана «технология» критического анализа данного вида источников: от установления личности автора, времени и места действия описываемых событий, положения, занимаемого автором в происходивших событиях, установления источников осведомленности автора до сопоставления и фрагментарного использования информации. Однако иллюстративно-описательный подход к материалам источников не может реализовать всего богатства их информативных возможностей. Поэтому в последнее время в современ-

---

¹² Источниковедение: Теория. История. Метод. М., 1998. С. 128.

ном научном историческом знании наряду с традиционными методами анализа широко применяются методы смежных общественных наук: социологии, психологии, культурологии, антропологии, лингвистики — формализация, ретроспективное анкетирование, моделирование и т. д., что позволяет увеличить информативную отдачу источников.

Одним из основных методов, использовавшихся при работе со всеми документами личного происхождения, был метод ретроспективного анкетирования. Помимо документов личного происхождения, этот метод применим при анализе историко-публицистических произведений, периодической печати и т. д., то есть документов, позволяющих исследовать социокультурные явления той или иной эпохи: внутренний мир, взгляды людей, человеческие отношения, систему культурных взаимосвязей.

Мемуаристика и эпистолярное наследие отечественной профессуры вобрала в себя сложное своеобразие внутренней и социальной жизни авторов, в них запечатлелись практически все события жизни, данные в индивидуальном оценочном восприятии личности. Это позволило выявить ценностные приоритеты и предпочтения, проследить процесс становления самосознания личности, соотнесение собственной жизненной позиции с позицией своей социальной общности и с общенациональными интересами, проследить процесс формирования профессиональной и гражданской идентичностей.

Оформление отечественной профессуры в единую корпорацию началось в первой четверти XIX в., когда в соответствии с общероссийским законодательством и университетским уставом четко определялся ее правовой статус¹³. Еще со времени введения устава 1804 г. за каждым ученым закреплялся определенный класс в «Табели о рангах». Согласно этому документу, профессура занимала определенную нишу в общей чиновной иерархии: ректора вузов имели чин действительного статского советника, что соответствовало IV классу, ординарный и экстраординарный профессора — статского (V класс) и коллежского (VI класс) советников соответственно, которые

---

¹³ Вопрос о правовом положении российской профессуры подробно изучен в работах А.Е. Иванова, Р.Г. Эймонтовой, Г.И. Щетининой.

давали право на потомственное дворянство. Как отмечает ряд исследователей, «приравнивание ученого звания и степени к определенному чину по «Табели о рангах» фиксировало место представителей «ученого сословия» в государственной системе Российской империи, а предоставление профессору или доктору наук потомственного дворянства ставило высший слой этого сословия наравне с «первенствующим сословием». Однако реализация этого замысла потребовала совместных усилий нескольких поколений профессоров, и лишь к 1840-м гг. их авторитет в глазах общества вырос настолько, что профессорское звание стало почетным»¹⁴.

Во второй четверти XIX в. правительством были предприняты дополнительные меры по созданию системы подготовки профессорских кадров. Важной частью этой системы стали поездки молодых ученых в Европу. Именно с этого времени сообщество ученых окончательно оформляется в профессиональную группу, и одновременно начинается процесс возникновения соответствующей корпоративной этики, ставшей ощутимым культурным феноменом дореволюционной России.

Принятые во второй половине XIX столетия университетские уставы 1863 и 1884 гг. существенно не изменили правовое положение профессоров и по-прежнему сохраняли за каждым из них определенный чиновный статус. Главные изменения касались внутреннего устройства университетов, системы их управления, организации научного и учебного процесса. Устав 1863 г., признанный как самый либеральный за всю историю высшего образования дореволюционной России, дал университетам широкие права самоуправления, восстановил университетскую автономию, выборность ректора и деканов, права университетского Совета в том объеме, в котором они были определены уставом 1804 г. Кроме того, устав предусматривал создание большого числа лабораторий, кабинетов, музеев и клиник, что вело к важным изменениям по нескольким направлениям: к модернизации учебного процесса и научной работы самих ученых, а также к закреплению корпоративных

---

¹⁴ Петров Ф.А., Гутнов Д.А. Российские университеты // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. М., 2001. С. 136.

традиций в профессорской среде и оформлению основных социально-профессиональных и гражданских практик. В целом университетская реформа 1863 г. позволила заметно изменить к лучшему положение университетов, перестроить учебную и научную работу, что способствовало выходу отечественных ученых на мировой уровень и общественному признанию российской науки¹⁵.

Кроме того, во второй половине XIX столетия самим русским обществом все отчетливее стал осознаваться тот факт, что наука является необходимым элементом национальной культуры. В первую очередь это было связано с ростом национального самосознания российского общества, общим подъемом национальной культуры. Реформы в сфере образования и печати, способствовавшая «раскрепощению слова» цензурная реформа оказали заметное воздействие на формирование ценностей либеральной цивилизации. С этого времени наука и просвещение призваны были решать не только насущные (прежде всего технико-экономические) потребности государства, но и становились необходимым средством формирования свободной, творчески активной личности с выраженной гражданской позицией.

Иной характер носил устав 1884 г., основная идея которого состояла в том, чтобы придать университетам вид и атрибутику государственных учреждений, а всех членов университетской корпорации приравнять к категориям государственных чиновников. Над университетами и профессорами устанавливался жесткий контроль со стороны правительственных чиновников, отменялась выборность ректоров и деканов, которые отныне назначались соответственно министром народного просвещения и попечителем учебного округа на четыре года. Профессорские вакансии также замещались с ведома министра народного просвещения, а инициатива профессоров в организации научно-педагогического процесса была сильно урезана.

Однако, несмотря на многие трудности в развитии системы высшего образования, в пореформенную эпоху происходят глубокие трансформации в профессорской среде: наблюдается

---

¹⁵ Там же. С. 178.

не только абсолютный рост числа профессорских кадров, но и, что особенно значимо, возрастает авторитет отечественной науки в целом и профессоров в частности, составлявших наиболее активную часть интеллектуальной элиты страны и которых неформально именовали «ученым сословием».

Сообщество ученых, обладающее всеми признаками корпорации, способной к институциональной самоорганизации, социокультурной самопрезентации, идейной самоориентации сообразно назревшим экономическим, политическим, социальным и общекультурным вызовам России, оформилось в единую социальную общность в середине XIX в.

В численном отношении корпорация московских профессоров представляла собой небольшую группу. Основными источниками при подсчете численности московской профессуры послужили «Извлечения из всеподданнейшего отчета» министра народного просвещения, данные формулярных списков Московского университета¹⁶ и Лазаревского института восточных языков¹⁷, статистический ежегодник «Вся Москва», где содержалась информация обо всех учебных заведениях Москвы и полном (штатном и сверхштатном) преподавательском составе, а также данные переписи Москвы 1902 г. Так, на начало XX в. по переписи Москвы 1902 г., общее число жителей составило около 1,6 млн. человек, из них чуть более 20 тысяч составили лица интеллигентских профессий: педагоги, ученые, литераторы, люди искусства¹⁸. Среди последних число профессоров составило на 1902 г. 182 человека или 0,88% от всех групп московской интеллигенции¹⁹.

Анализ формулярных списков профессоров показал рост профессорских кадров в Москве: за исследуемый период их число возросло почти в 4 раза и к 1917 г. составило 203 человека. В первую очередь это было связано с появлением новых учебных заведений в последней трети XIX и в первое десяти-

---

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 486. № 276. Ч. 1–6.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 1. № 163. 202.

¹⁸ Перепись Москвы 1902 г. Часть 1. Население. Вып. 2. М., 1902. С. 6–7.

¹⁹ Список лиц, служащих по ведомству министерства народного просвещения на 1902 г. СПб., 1903.

летие XX вв. При этом в процентном отношении численность профессорских кадров в Москве заметно снизилась: если в середине XIX в. число московских профессоров составляло примерно 1/5 (21,3%) от общего показателя по шести университетам, то к началу XX в. снизилась в полтора раза (14,1%). Данный факт также можно объяснить общим ростом числа вузов, в том числе и открытием новых университетов, требовавших новых кадров.

Однако в целом, несмотря на увеличение численности, темпы роста преподавательского корпуса были значительно ниже, чем студенчества (80% против 300% за период с 1898 по 1913 гг.)²⁰, поскольку правительство не торопилось с финансированием новых штатных мест. Подавляющее большинство учебных заведений имело штаты, утвержденные еще в 80-90-х гг. XIX в.

В целом, несмотря на открытие новых высших учебных заведений и связанный с этим рост численности профессорской корпорации российская высшая школа во второй половине XIX — начале XX вв. остро нуждалась в преподавателях. По России количество мест, незамещенных в 1913/1914 учебном году, составляло примерно 34, 5%²¹. По Москве эта цифра была несколько ниже. Этому способствовало одно важное обстоятельство: с момента возникновения старейшего вуза страны — университета — Москва оказалась «пропитана» ученым духом, в ней сам ритм жизни был соразмерен научной деятельности²². Этого не было в столице и других университетских городах. Как регулярно отмечалось в отчетах Министерства народного просвещения, в Московском университете больше, чем в других российских университетах защищалось диссертаций и присваивалось докторских и магистерских степеней: в 1854 г. — 19, 4%, в 1874 — 24,7%, в 1898 — 32,7 %, в 1901 — 39,3% от общего числа присвоенных степеней по университетам.

В социальном плане профессура представляла неоднородный слой, в массе разночинный. Его представляли выходцы из разных сословий — от помещиков до крестьян, причем на

---

²⁰ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX в. М., 1990. С. 207–209.

²¹ Там же. С. 207.

²² *Хорошилова Л.Б., Пономарева В.В.* Университет для России. С. 17–20.

протяжении второй половины XIX в. четко прослеживается тенденция к демократизации преподавательского состава (Табл. 1)²³.

Таблица 1

Социальный состав профессоров московских высших учебных заведений

	1853		1902		1916	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Из дворян	18	34,6	53	42,2	44	34,4
Из духовного звания	14	27	13	10,4	10	7,8
Из почетных граждан и купцов	1	1,9	14	11,2	22	17,1
Из мещан	3	5,7	11	8,8	16	12,5
Дети чиновников	2	3,8	3	2,4	16	12,5
Обер-офицерские дети	5	9,6	21	16,8	8	6,2
Иностранцы	6	11,5	7	5,6	2	1,5
Прочие	3	5,7	3	2,4	10	7,8
Итого	52	99,8	125	99,8	128	99,8

Эта тенденция свидетельствовала о возрастании значения науки среди широких слоев населения, а также отражала общие процессы изменения и усложнения социальной структуры, характерные для модернизирующегося общества. При всех различиях в происхождении, имущественном положении, профессура составляла единую социальную группу, объединенную рядом общих признаков и выполняемой ею общественной функцией — производством и трансляцией в общество новых знаний, ценностей, поведенческих моделей. Не случайно современники воспринимали ее как особое, «ученое сословие», которое формировалось не по факту рождения, а в результате отбора и специальной подготовки.

Одной из центральных составляющих российской модернизации стал процесс формирования гражданского общества. Он строился на таких установках, как права человека, социальная справедливость как возможность и гарантия достижения каждым человеком своих целей на уровне нравственного закона и морального совершенствования, духовный суверенитет

²³ Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения за 1853 г. СПб., 1854; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения за 1902 г. СПб., 1903; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения за 1916 г. СПб., 1917.

личности, при котором нравственный образ жизни не навязывается извне, а определяется личным стремлением человека к свободе и оказывается итогом собственных нравственных исканий и морального выбора, плюрализм, толерантность, добровольное принятие на себя ответственности, активная гражданская позиция. Эти принципы составляли ценностную компоненту этики гражданственности и оказались чрезвычайно востребованы в профессорской среде, которая на протяжении второй половины XIX в. играла исключительно важную роль в формировании новой системы гражданских ценностей модернизирующегося российского общества.

Гражданская идентичность как вид социальной идентичности возникает только в гражданском обществе, когда у человека появляется возможность самоопределения и самоорганизации в категориях общественных групп и движений, существующих относительно независимо от государственной власти.

Процессы становления гражданского общества и гражданской идентичности взаимно поддерживают и стимулируют друг друга. Психологическая готовность, формирование определенных межличностных черт, например таких, как автономность и способность к межличностной и общественной кооперации на основе общих интересов и ценностей, является необходимым условием для становления структур гражданского общества. Для гражданской самоорганизации огромное значение имеет правовое сознание, которое появляется там, где общество реально подчиняется силе закона: отношения между обществом, подчиненным закону и параллельно формирующимся правовым сознанием граждан, поддерживают и развивают собственно гражданскую идентичность²⁴.

Все вышеперечисленное можно отнести к отечественной профессуре. К концу XIX в. в научной среде уже сложились корпоративные устои, которые тщательно поддерживались, профессоров отличала психологическая сплоченность и ценностно-ориентационное единство в решении вопросов

---

²⁴ См.: Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2007.

науки и преподавания, общность во взглядах наблюдалась также в этических вопросах профессиональной деятельности.

Обретение профессурой собственной идентичности происходило посредством осуществления ею своей социальной роли в повседневных практиках — научной и педагогической деятельности, которые составляли важнейшую смысловую жизненную ценность. Большая часть всей информации в источниках личного происхождения посвящена научной деятельности. Свое будущее большинство профессоров еще со времени учебы в университете видели только в научной и просветительской работе и категорически отвергали мысли о возможности карьеры чиновника. Основатель крупнейшей в Европе школы физиков, профессор П.Н. Лебедев, размышляя над своим будущим, так записал в дневнике: «Могильным холодом обдает меня при одной мысли о той карьере, к которой меня готовят, — неизвестное число лет сидеть в душной конторе на высоком табурете над раскрытыми фолиантами, механически переписывать буквы или цифры с одной бумаги на другую. И так всю жизнь... Убить в себе все таланты, все наклонности»²⁵.

Широкая интеллектуальная образованность и пытливость ума направляли поведение личности профессоров на поиск истины как одной из смысловых универсалий человеческой жизни, а занятия наукой рассматривались многими профессорами как священная миссия, как служение. занятия наукой рассматривались многими профессорами как священная миссия, как служение, ради которого многие из них готовы были «идти на всякие беды и лишения, лишь бы можно было заниматься любимым делом, ...любимой наукой»²⁶, готовы были «ехать на край света и употребить на это все свои усилия»²⁷. Для профессора церковной истории А.П. Лебедева наука была своего рода культом, требующим сосредоточения всех сил и

---

²⁵ Лебедев П.Н. Научная переписка П.Н. Лебедева. М., 1900. С. 7.

²⁶ Огнев С.И. Заслуженный профессор И.Ф. Огнев. (1855—1928). На основе рукописных записок И.Ф. Огнева и личных воспоминаний. М., 1944. С. 32.

²⁷ Воспоминания о Н.Е. Зернове. В кн.: Любимов Н.А. Мой вклад. М., 1887. Т. 2. С. 788.

помыслов. По свидетельству коллег, «его ежедневный труд стал священным обетом научного жреца. Он был научным подвижником, который всегда работал, ибо истина неизменно остается драгоценной для земного человеческого бытия»²⁸.

Научная деятельность не прекращалась ни при каких обстоятельствах, она продолжалась в любые, даже самые трудные периоды жизни. Это был ежедневный, ежечасный труд: над книгами, статьями, проведение опытов и работа в архивах, музеях и научных обществах. Профессор средневековой истории М.С. Корелин в конце каждого месяца подводил итоги своей деятельности с занесением в записную книжку количества часов и минут, отведенных на научную и педагогическую работу в день: «Январь: рабочих часов — 265, на день — 8 часов 33 мин.; февраль — 234, на день — 8 часов 04 мин.; март — 248, на день — 8 часов»²⁹, и очень сокрушался, если не удавалось работать более двух часов в день. Основатель отечественного воздухоплавания, профессор Императорского технического училища Н.Е. Жуковский, даже если поздно возвращался домой, хотя бы один час обязательно проводил за работой в кабинете. «...Все утро нездоровилось, но я усердно поправлял лекции, а вечером подготавливал к следующему дню лекцию... Опять с утра до вечера работал... Я опять целый день выправлял лекции... Вечером с усердием занимался до 12 часов...», — писал в своем дневнике А.И. Чупров³⁰. Почти хрестоматийным стал беспрецедентный научный и гражданский подвиг С.М. Соловьева, который ежедневно, на протяжении тридцати лет работал над «Историей России», выпуская каждый год по тому. Сам он оценивал эту работу как «труд всей жизни»³¹. Много лет спустя ученик С.М. Соловьева — Б.Н. Чичерин — писал, что «жизнь Соловьева — это жизнь, посвященная мысли, труду,

---

²⁸ Глубоковский Н.Н. Памяти покойного проф. А.П. Лебедева. СПб., 1908. С. 28.

²⁹ Корелин М.С. Записки за 1889–1892 гг. Запись от 31 мая 1892 г. ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. № 1. Л. 25.

³⁰ Чупров А.И. Дневники и записные книжки. Апрель 1886–1895. ЦИАМ. Ф. 2244. Оп. 1. № 450. Л. 4–5.

³¹ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пг., 1915. С. 141.

любимому университету, ...жизнь чистая, полная и ясная... Россия может им гордиться³².

По мнению профессоров, наука, являясь самодостаточной, безусловной ценностью, вместе с тем всегда тесно связана с общественными проблемами и запросами и призвана служить основой «правильной постановки» общественной деятельности. Профессора были твердо убеждены, что наука является одним из важнейших средств развития человека, поэтому собственное научное творчество они рассматривали как одну из форм общественного служения, а свой гражданский долг профессора видели во всемерном содействии развитию науки в России. Тот же Б.Н. Чичерин писал: "...Распространение в родной земле хотя бы неслышными и незаметными путями добытые человечеством умственные блага, сеять на тучной, но необработанной русской ниве возвращенные Европой семена мысли и свободы, такова была задача, которую я себе сразу поставил, такова была отныне цель моей деятельности. Европой я мог восхищаться, но жить и действовать я мог только в России"³³.

Научно-педагогическая деятельность многих профессоров, а также институционализация их профессиональной и гражданской идентичностей были неразрывно связаны с Московским университетом. Из всех учебных заведений страны именно университет обладал наибольшей известностью и притягательной силой. В стенах университета выросло несколько поколений выдающихся русских ученых, его роль в развитии национальной культуры огромна: на протяжении многих лет именно Московский университет был едва ли не единственным центром русского просвещения и свободомыслия. С момента своего создания университет выступал как центр кристаллизации московской культурной среды, среды интеллектуального общения. Поэтому неудивительно, что для абсолютного большинства представителей профессорской интеллигенции Москвы с университетом были связаны самые яркие моменты жизни, интересы университета и интересы науки всегда ставились выше личных, служение университету нередко составляло единственную цель в жизни.

---

³² Чичерин Б.Н. Воспоминания. (Москва 1840-х годов.). М., 1991. С. 133.

³³ Чичерин Б.Н. Путешествие за границу. М., 1932. С. 126—127.

“Московский университет — знаменитый рассадник науки”, — так говорил об этом учебном заведении профессор церковной истории А.П. Лебедев³⁴. “Московский университет представлялся мне какой-то святыней, и я вступал в него с благоговением...Это был яркий свет, распространявший свои лучи повсюду, на который были обращены все взоры”, — писал Б.Н. Чичерин³⁵. “К Университету обращаюсь с таким же чувством, с каким обращался к своей колыбели... Я смотрю на него без малого 60 лет, и всякий раз пробуждаются близкие моему сердцу воспоминания и чувствования: здесь были первые мои учителя и товарищи. Здесь развивались мои понятия, здесь душа моя принимала первые впечатления от окружавших меня, и они остались на всю жизнь”³⁶, — эти слова принадлежат профессору И.М. Снегиреву, известному в середине XIX в. этнографу и фольклористу.

А вот слова профессора-языковеда Ф.Е. Корша, сказанные по поводу избрания его почетным членом Императорского Московского университета. Они приведены почти полностью, с незначительными сокращениями, поскольку необычайно емко отражают тот широкий спектр чувств и эмоций, которые возбуждал университет в своих воспитанниках. “С Московским университетом я соединен нерасторжимыми духовными узами... Во все время моего школьного ученья мысль об университете была моей путеводной звездой, которая неослабно поддерживала во мне бодрость духа... В стены университета я вступил как во храм, и первые лекции, которые мне пришлось услышать, казались мне не речью таких же людей, как я, только более умных и ученых, а вдохновенным глаголом неких высших существ, вещающих никому неведомые и всецело добытые ими истины... Привязанность к Московскому университету как к учреждению, к воплощенной идее, к хранилищу возвышенных и благородных преданий, не вымирающих в нем даже в самые тяжкие годы его существования и всегда готовых ожить и вновь проявиться в полном блеске — эти

---

³⁴ *Глубоковский Н.Н.* Указ. соч. С. 2.

³⁵ *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. (Москва 1840-х годов.). М., 1991. С. 30—31.

³⁶ *Снегирев И.М.* Дневник и воспоминания. М., 1905. Т. 2. С. 275—276.

чувства целы и свежи в моей душе до сих пор и покинут ее только вместе с сознанием. А сознание непрестанно твердит мне, что по своему духовному складу, стремлениям и идеалам, понятиям — я дитя Московского университета”³⁷.

Действительно, влияние Московского университета на интеллектуальную и культурную жизнь России очень велико. Университет всегда был не только крупнейшим учебным и научным заведением, он был неотъемлемой составляющей культурной жизни московского общества. С Московским университетом связана история крупных общественных начинаний: создание политехнического, антропологического, этнографического, зоологического музеев, Музея изящных искусств, университетских коллекций, доступных для широкой публики. В гражданско-этическом отношении университет задавал вектор развития общественного сознания, в нем формировался особый “университетский дух”, где нравственность, честь и внутренняя человеческая независимость ценились не меньше профессиональных знаний³⁸. В стенах Московского университета укреплялись традиции профессорской корпорации, шло становление нового типа личности, новых отношений между людьми, вырабатывались новые ценности.

Почти с самого начала своего существования Московский университет являлся наднациональным, надсословным сообществом, благодаря которому Россия входила в просвещенный мир. В стенах университета решалась одна из важнейших культуротворческих задач — формирование интеллектуально и эмоционально зрелого, независимого и самодостаточного человека. В условиях господства принципа всепоглощающей государственности, здесь предпринималась попытка возвысить человеческую личность, утвердить равенство всех сословий. Образование воспринималось как самостоятельная ценность и одновременно как путь к нравственному совершенству. “Увлечение мыслью, — писал Б.Н. Чичерин, — одно

---

³⁷ *Корш Ф.Е.* Речь по поводу избрания его почетным членом Императорского Московского университета. В кн.: *Ф.Е. Корш.* Автобиография. М., 1913. С. 7.

³⁸ Университет для России. М., 2000. С. 7.

из самых высоких и благородных побуждений души человеческой... В Московском университете сложился у меня тот идеал умственного и нравственного достоинства, который остался драгоценнейшим сокровищем моей души”³⁹.

Московский университет на протяжении XIX в. оставался крупнейшим центром интеллектуального движения. В условиях тотальной несвободы и правового нигилизма, особенно в периоды усиления консервативных, а порой и откровенно реакционных настроений, именно вокруг университета и создаваемого им пространства шло формирование новой системы ценностей.

Для многих профессоров научная деятельность и шире — «ученость» — были делом нравственного долга и подчинялись этической сверхзадаче — гражданскому воспитанию и развитию личности. В таком широком контексте цель науки профессора видели не только в ее практической пользе, но главным образом рассматривали науку как необходимый инструмент в самопознании и понимании человеком своей роли в мире. Именно поэтому они были увлечены процессом поиска истины, быть может, даже в большей степени, нежели конечным результатом. В процессе исследовательской деятельности происходило становление их личностной и социальной идентичности через интеллектуальные и нравственные начала, происходил “поиск своего места в жизни” (Э. Эрикссон). Научно-исследовательская деятельность профессоров формировала их картину мира, “образ-Я”, где центральное место занимало эмоционально-ценностное осознание своей принадлежности к профессорской корпорации.

Многих московских профессоров с полным правом можно называть “пионерами науки”: они шли новыми путями, создавали свои собственные школы, закладывали основы научного преподавания многих дисциплин; их научные сочинения отличались всегда новой и оригинальной постановкой вопросов. Н.С. Тихонравов, Н.И. Стороженко, Д.Н. Анучин, А.Г. Столетов, В.О. Ключевский, К.А. Тимирязев, П.Н. Лебедев, Ф.И. Буслаев, Ф.А. Бредихин, М.М. Ковалевский, В.В. Марковников, Н.Ф. Филатов, Н.В. Склифосовский — вот

---

³⁹ Чичерин Б.Н. Москва 1840-х гг. С.11.

далеко не полный список профессоров-новаторов, чьи имена составили золотой фонд отечественной и мировой науки.

“...Он не любил идти по стезе, пробитой другими... Он чувствовал в себе силы... открывать неизвестное. Он избирал предметом своих исследований самые темные уголки русской литературы и освещал их при помощи им самим открытых памятников”, — писал о Н.С. Тихонравове Н.И. Стороженко⁴⁰. Эту черту его личности отмечали многие коллеги и ученики: “От его работ...веяло, даже под старость автора, добрым стремлением к деятельной борьбе с рутинной, желание пробивать новые пути, упрочивать основы будущего широкого и свободного научного движения”⁴¹. Вклад Н.С. Тихонравова в развитие отечественного литературоведения огромен. Он начал свою научную и преподавательскую деятельность в университете в 1859 г., когда истории литературы, как самостоятельной науки еще не было. Вместе с Ф.И. Буслаевым он создал ее и своим преемникам он “не только показал что делать, но и как выполнять работу”⁴².

Всю жизнь был неутомимым исследователем нового П.Я. Петров, уникальный ученый-ориенталист, прекрасный знаток многих древних языков. По воспоминаниям одного из близко знавших его учеников, Н.В. Берга, “он всю жизнь чего-то искал и все шел по своей дороге вперед, и все жаловался: ему все чего-то не доставало... Это был любопытный и честный служитель науки”⁴³. К сожалению, он не оказал сколько-нибудь значительного влияния на развитие сравнительного языкознания, у него было мало учеников, как наставник он не отличался удобной методикой преподавания, “был нетерпелив, рвался вперед, не заботясь о том, понятно или не понятно прочитанное слушателям”⁴⁴. П.Я. Петров представлял собой тип “кабинетного” ученого, он был целиком сосредоточен на домашних занятиях, избегая общения даже со специалистами и с трудом решаясь

---

⁴⁰ / Памяти Н.С. Тихонравова. М., 1894. С. 2.

⁴¹ Там же. С. 14.

⁴² Там же. С.15.

⁴³ *Берг Н.В.* П.Я. Петров — профессор-ориенталист // Русская Старина. 1876. № 10. С. 394.

⁴⁴ Там же. С. 399.

публиковать в печати результаты своих исследований. Он не создал собственной научной школы, но у него было несколько учеников, которые продолжили традиции развития языкознания в России. Среди наиболее талантливых из них следует назвать Ф.Е. Корша. Сколько знал Корш языков, точно не могли сказать ни его друзья, ни биографы. Он свободно владел как европейскими языками, некоторые из которых выучил самостоятельно, так и восточными языками и диалектами. Ф.Е. Корш был ведущим профессором Московского университета и Лазаревского института восточных языков, а также общепризнанным лидером научного востоковедения в России.

Неотъемлемым элементом и важнейшим условием формирования профессиональной и гражданской идентичностей профессорской интеллигенции была преподавательская деятельность. В процессе профессиональной межличностной коммуникации складывался тот общественный дискурс, в контексте которого выкристаллизовывались сущностные корпоративные черты данной социальной группы. По мнению известного исследователя психологии научного труда Л. де Бройля, склонность к исследованию и склонность к преподаванию почти всегда встречаются у одного и того же человека, исследование и преподавание в своей основе тесно связаны друг с другом. В ценностно-смысловом аспекте преподавательская деятельность ученого является если не необходимым, то довольно существенным компонентом его картины мира: преемственность в науке, передача накопленного опыта и знаний эффективнее всего реализуется от учителя к ученику. По мнению многих профессоров, педагогический труд как нельзя лучше стимулировал их собственную исследовательскую деятельность и составлял одну из важнейших ценностей как в общемировоззренческом, так и в нравственно-этическом отношениях. «...Велик и благороден труд профессора, поэтому он требует много умственной и нравственной силы... Профессор должен не только в умственном отношении, но и в нравственном высоко стоять над толпой...», — писал И.А. Каблуков⁴⁵. Преподавание было для многих из них неотъемлемой

---

⁴⁵ Каблуков И.А. Письмо Н.А. Каблукову. Цит. по кн.: И.А. Каблуков. М., 1957. С. 23.

частью жизни, а, может быть, и самим образом жизни. Один из самых увлеченных и эмоциональных профессоров — Н.Я. Грот — по этому поводу писал: «...Я был нравственно болен, ослабел и утратил бодрость духа, вследствие боязни, что моя ученая карьера будет разбита необходимостью бросить профессуру...»⁴⁶.

Преподавательская деятельность включала в себя два важных момента: официальный, то есть чтение лекций и практические занятия со студентами и неофициальный — общение на журфиксах, встречи у профессоров дома, участие в литературных и научных кружках. Оба эти момента представляются важными: в первом случае акцент делается на профессиональных качествах преподавателя, во втором — на тех личностных свойствах, которые во многом определяли характер взаимоотношений со студентами и внутри профессорской корпорации.

Важнейшей частью педагогической деятельности профессорской интеллигенции было чтение лекций. К ним готовились самым тщательным образом, стараясь донести до слушателей самые последние сведения в той или иной области научного знания. По этой причине многие профессора старались не читать дважды один и тот же курс, составляя на каждый учебный год новый. К лекциям готовились по-разному: кто-то писал полный текст, от слова до слова (С.М. Соловьев, П.Н. Кудрявцев, А.П. Богданов, К.А. Тимирязев, А.И. Чупров и др.), некоторые ограничивались небольшими планами. Так, например, Ф.Е. Корш никогда не писал своих лекций, но очень серьезно их продумывал, и поэтому его речь перед аудиторией всегда была четкой и логичной, но и не лишенной творческих экспромтов.

Помимо безусловного лекторского таланта⁴⁷, почти всех профессоров отличала широкая эрудиция, философское осмысление научных проблем в сочетании с глубиной анализа,

---

⁴⁶ *Грот Н.Я.* Н.Я. Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911. С. 45.

⁴⁷ Под лекторским талантом понимается вся совокупность приемов и средств по передаче и усвоению материала, а также эмоциональное восприятие выступления аудиторий.

которые они с успехом демонстрировали на лекциях. Многие профессора были разносторонне одаренными людьми, увлекались искусством, музыкой, фотографией, спортом, что также привлекало к ним молодежь. Не меньшее влияние оказывали манера поведения и отношение к слушателям. Большинство профессоров были очень тактичны и доброжелательны к студентам, грубость преподавателей встречалась крайне редко и становилась притчей во языцех. В частности, при выдающемся научном и педагогическом таланте, несдержанностью и грубостью отличался В.В. Марковников, что сделало его своеобразной «легендой» на физико-математическом факультете университета, а на юридическом факультете такой фигурой был С.И. Баршев. Но это было скорее исключение, которое лишь подтверждало правило: вежливость, учтивость, иногда даже «ласковость», искренняя заинтересованность в студентах определяли атмосферу учебных заведений. Все это в совокупности делало профессоров невероятно притягательными личностями, которых хотелось слушать, с которыми хотелось общаться, которым хотелось подражать.

Лекции таких профессоров нередко заканчивались аплодисментами, причем источники позволили проследить определенную зависимость: чем больше недоверия вызывал у властей профессор, чем больше притеснений он испытывал со стороны администрации, тем большей симпатией и любовью он пользовался у своих слушателей. Чрезвычайно напряженные отношения с министрами народного просвещения И.Д. Деляновым и Н.П. Боголеповым (бывшим профессором и ректором Московского университета) складывались у В.О. Ключевского, А.Г. Столетова, А.И. Чупрова, М.М. Ковалевского, который был уволен из университета, К.А. Тимирязева, И.И. Янжула, И.Ф. Огнева и некоторых других профессоров. Но именно эти профессора, как правило, не покидали кафедру без аплодисментов. В конце XIX в., в период действия устава 1884 г. и усиления консервативных настроений в обществе, это была своеобразная форма протеста со стороны студентов в защиту любимых преподавателей и свободы науки. Однако профессора, понимая, к каким последствиям, прежде всего для самих студентов, это может привести, старались не допускать слишком бурного проявления эмоций. После одной из таких шумных лекций, «любимец студентов» А.И. Чупров

вынужден был обратиться к слушателям со следующими словами: «Господа! Я очень благодарен вам за сочувственный прием, но... прошу вас на будущее время воздержаться от всяких оваций по моему адресу. Не нужно дразнить инспекцию, это невыгодно ни для вас, ни для меня... Лучше, господа, давайте вести себя корректно, чтобы не вызывать понапрасну ничьих подозрений и не чувствовать над собой нежелательного надзора со стороны профанов науки...»⁴⁸. Добросовестное исполнение своих обязанностей они считали нормой, не требовавшей бурного выражения чувств. Когда после одной из университетских лекций В.О. Ключевского начались аплодисменты, он их прервал со следующими словами: «Благодарю Вас за Ваше отношение к моим лекциям, но я могу ответить на Ваше приветствие словами великого Гете, перед которым я ничто: «Я рад иметь нравственную связь с аудиторией, но я никогда бы не желал, чтобы она выражалась подобным образом»⁴⁹.

Формирование гражданской идентичности личности тесно связано с процессом усвоения личностью различных элементов сознания, поведения, вкусов, привычек, оценок, языка, то есть с культурной идентичностью. В этой связи одним из важнейших каналов формирования гражданской идентичности было участие профессуры в научных обществах, журфиксах, в салонах известных людей. Во второй половине XIX в. подобные встречи были не только популярной формой социокультурной практики, но и одним из способов самоорганизации и самоидентификации профессуры. На этих собраниях читались исторические, философские и литературные произведения, дебатировалось и разрешалось множество отвлеченных и жизненных вопросов, зарождались новые общественные и культурные начинания. «За ужином о Бисмарке, о Дизраэли. Критиковали Валуева и вообще министров. Обсуждали университетский устав 1864, земские учреждения, суды», — вспоминал М.М. Ковалевский⁵⁰.

---

⁴⁸ Щетинин Б.А. Первые шаги // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 540.

⁴⁹ Пичета В.И. Воспоминания о Московском университете. Там же. С. 585.

⁵⁰ Ковалевский М.М. Московский университет в 70-80-х гг. Личные воспоминания // Вестник Европы. 1910. № 5. С. 215.

Такие встречи проходили не только в крупных городах, но и в провинции, они были своеобразной приметой времени.

Среди профессорской интеллигенции Москвы популярностью пользовался также салон Шереметьевских — учредителей коллективных уроков, временно заменивших закрытые женские курсы. Доброжелательная, непринужденная обстановка располагала к «оживленным приятельским беседам,... сопровождавшимся живыми остротами и... рассказами разных эпизодов из жизни профессорского мира»⁵¹. Вспоминались, и не раз, такие вечера в известных московских домах — гостинные графа А.М. Олсуфьева, Телешевские среды: «Тепло и уютно чувствовали себя все на «Телешевских средах»... И. Бунин спорит с Грузинским, отстаивая правильность какого-то выражения в своем переводе байронова «Каина». Поэт А.М. Федоров,... Л. Андреев,... Горький и Шаляпин... Если Шаляпин в ударе, он начнет петь романсы... Эти среды — светлая точка во мраке пережитого»⁵².

Огромной известностью среди творческой и интеллектуальной элиты Москвы пользовался кружок известного адвоката и общественного деятеля В.И. Танеева. В нем встречались крупнейшие ученые: К.А. Тимирязев, А.Г. Столетов, М.М. Ковалевский, В.В. Марковников, В.Ф. Лугинин, А.И. Чупров, С.А. Муромцев, И.А. Каблуков, П.Н. Лебедев, а также известные артисты и писатели — П.Д. Боборыкин, И.С. Тургенев и др. Этот кружок собирался один раз в месяц в ресторане «Эрмитаж» на обедах, которые назывались «академические» и где обсуждались не только исторические и философские вопросы, но и вопросы текущей политики. Подобный способ коммуникации способствовал привлечению в науку молодых сил и усвоению молодым поколением ученых корпоративных традиций, ценностей и моделей поведения.

Гражданская идентичность формируется на основе и в непосредственной связи с гражданской культурой, которая в современной общественной мысли понимается как «система установок человека на его взаимодействие с властью

---

⁵¹ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881—1914. М., 1997. С. 69—70.

⁵² Там же. С. 251—252.

и другими гражданами в решении общих проблем и тип поведения в таком взаимодействии»⁵³. Гражданские качества человека находят свое выражение в его гражданском бытии. Концепция «гражданственность» соединяет в себе черты общечеловеческой и национальной культуры. Гражданственность — это, прежде всего, органический сплав гражданских качеств человека, взятых в их идеальном воплощении и реальной сущности.

Гражданственность как способ бытования личности в гражданском обществе характеризуется следующими чертами:

Основные черты гражданственности человека	Базовые модальности социокультурного бытования личности и особенности их проявления в гражданском мире		
	Деятельность	Общение	Сознание
Конструктивная и творческая активность	Конструктивная сознательная деятельность, постоянное инициирование новых дел, предложений	Заинтересованное, творческое общение, ориентированное на позитивное содержание	Активная жизненная позиция, творческий динамизм, склонность к инициативе
Сознательность и целенаправленность	Рефлексивная и самопрограммированная активность	Избирательное и целенаправленное общение	Осознанное отношение к жизни, целеустремленность

⁵³ Савва М.В. Гражданская культура и управление в современной России. Интернет-ресурс <http://www.srrccs.ru/getBlobData.do?id=973>

Основные черты гражданственности человека	Базовые модальности социокультурного бытования личности и особенности их проявления в гражданском мире		
	Деятельность	Общение	Сознание
Свобода и ответственность	Свободная реализация творческих сил, добровольное участие в общих делах, ответственное исполнение избранной деятельности	Свободное общение с другими людьми, добросовестное выполнение обязательств перед другими	Стремление человека быть самим собой и реализовываться во всей полноте жизни, ответственное отношение к общим делам и другим людям
Солидарность	Практическое решение совместных проблем, участие в коллективных проектах и программах	Реальное сотрудничество и партнерство с другими ради достижения общих (родовых) целей	Готовность к коллективным действиям и сотрудничеству, солидарная ответственность
Гуманность	Бескорыстное служение людям, реальная забота о них	Добровольное и безвозмездное оказание помощи другим людям	Гуманизм и человечность, милосердие и сопереживание

Основные черты гражданственности человека	Базовые модальности социокультурного бытия личности и особенности их проявления в гражданском мире		
	Деятельность	Общение	Сознание
Духовность	В широком смысле: деятельность, направленная на постижение и создание духовных, трансцендентальных ценностей; в узком смысле: сознательный выход в экзистенциальное измерение жизни (самоанализ и пр.)	Духовное общение, основанное на общих верованиях или переживании трансцендентального и экзистенциального опыта, воспитание себя и других путем обращения к высшим ценностям бытия	Осознание человеком своего предназначения и творческой миссии в мире, «созерцание жизни» или экзистенциальное самоуглубление, ориентированное на поиск «высших смыслов» бытия
«Сверхнормативность»	Установление внутренних пределов собственной активности, вненормативная саморегуляция	Общение, в котором соединяются требовательность к себе с разумной требовательностью к другим	Способность к самоограничению во имя идеалов и ценностей, самодисциплина

Данный перечень гражданских качеств человека не является исчерпывающим. По мнению исследователей, на сегодняшний день их единство может рассматриваться лишь в идеальном плане. В тоже время, изучение личного наследия профессуры Москвы показывает, что большинство профессоров обладали всей совокупностью вышеуказанных качеств, что позволяет говорить о профессорах как о людях «высокой социальности» (Ю.М. Лотман). Личная доброта в сочетании с твердостью и готовностью отстаивать свои убеждения, толерантность по отношению к тем, кто имел иные убеждения и вместе с тем смелое и открытое неприятие того, что препятствовало свободному развитию науки и культуры, самоуважение и высокий уровень самосознания и рефлексии, глубокая привязанность к своей культуре и своему народу — все это выступало основополагающими свойствами личности

и факторами складывания гражданской идентичности подавляющего большинства московских профессоров.

Свою гражданскую позицию профессора выражали также через активную общественно-культурную и просветительскую деятельность, которую они рассматривали как наиболее доступный способ трансляции в общество не только новых знаний, но и новых культурно-мировоззренческих норм, ценностей, идеалов. Внутренней потребностью становилась актуализация в сознании населения научно-интеллектуального труда, повышение общественного интереса к научным и культурным проблемам, привлечение людей к занятиям наукой.

В позднеимперской России появляется принципиально новый тип человека интеллектуального труда: «кабинетный» ученый, занимающийся наукой «ради нее самой», преобладавший еще в середине XIX столетия, становится редкостью и уступает место профессору-практику и активному общественному деятелю. Общественно-культурная деятельность профессуры существенно меняла вектор развития общественного сознания. Если до середины XIX в. общественное сознание развивалось преимущественно в форме литературных споров, то во второй половине столетия стали набирать силу такие формы и способы общения, как полемика на страницах научно-популярных и общественных журналов, часто создававшихся по инициативе профессоров, публичные лекции и выступления, собиравшие огромные аудитории из числа самых разнообразных слушателей.

Выдающимися популяризаторами науки второй половины XIX — начала XX вв. были философ Н.Я. Грот, естествоиспытатель К.А. Тимирязев, профессор астрономии Ф.А. Бредихин, историки С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, В.И. Герье, профессор геологии Г.Е. Щуровский, физик А.Г. Столетов и др. Публичные лекции Тимирязева, Ключевского, Столетова, Богданова собирали тысячи слушателей, а многочисленные выставки (геологические, зоологические, физические), устраиваемые в Политехническом музее, на время их проведения становились центром интеллектуальной жизни Москвы. Некоторые профессора, как, например, Ф.А. Бредихин или В.О. Ключевский, были не менее известны, чем популярные артисты, а тексты публичных лекций С.М. Соловьева,

Н.И. Стороженко, К.А. Тимирязева и других неоднократно переиздавались и по сегодняшний день сохраняют познавательный и методический интерес.

Участие профессоров в общественно-культурной жизни Москвы не ограничивалось чтением публичных лекций. Профессора принимали активное участие в организации библиотек для домашнего чтения, экскурсий, выставок, разработке школьных программ и составлении учебников. Так, регулярно проводил экскурсии в окрестностях Москвы для всех интересующихся геологией Г.Е. Щуровский. Среди его слушателей были люди самого разного возраста и положения: школьники, студенты, представители творческой интеллигенции Москвы, рядовые жители. Эти экскурсии носили не только просветительский характер. Они предпринимались и с научной целью сбора ценного материала и составления общепонятных карт и руководств для проведения геологических исследований. В последние годы работы Г.Е. Щуровский выхлопотал у Московского университета поездку на Урал и в Сибирь для изучения пород земли в этом регионе и создания там геологических музеев.

Почти невыполнимую, по словам современников, задачу создания при университете Общества любителей естествознания смог решить А.П. Богданов. Еще в 1858 г., сразу же по возвращении из Парижа, который тогда считался центром естествознания, 24-летний ученый организовал при Императорском обществе сельского хозяйства особый комитет акклиматизации, на основе которого и было создано в 1864 г. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Несколько позднее Богданов открывает образцовый зоологический музей и лабораторию, что сняло необходимость в поездках за границу для получения инвестиции на звание профессора⁵⁴. На протяжении второй половины XIX века под эгидой ОЛЕАЭ регулярно проходили съезды естествоиспытателей и врачей, в работе которых принимали участие крупнейшие представители российской и европейской

---

⁵⁴ *Зограф Н.Ю.* Отрадная страница из истории русской науки. А.П. Богданов. // Журнал министерства народного просвещения. 1899. № 9(4). Ч. 325. № 10. С. 33.

науки. Это общество с первых шагов своей деятельности провозгласило своими научными и организационными принципами укрепление связей науки с жизнью, а сам А.П. Богданов неоднократно повторял и своим примером доказывал справедливость тезиса, что наука не должна сторониться общества. Только тот народ может считаться культурным, который, по его словам, любит науку, понимает ее, поддерживает научные учреждения и предприятия.

Колоссальной творческой энергией обладал Н.Я. Грот. По единодушному мнению его коллег и учеников, именно Гроту общество обязано правильной постановкой философского образования в Москве и в России в целом. Его стезей был организаторский, творческий труд, его деятельный ум постоянно выдвигал новые проблемы, он всегда был полон идей и замыслов. В.С. Соловьев, ученик Грота, называл своего учителя «многодум»⁵⁵. Благодаря Гроту в России были созданы Психологическое общество и журнал «Вопросы философии и психологии», на страницах которого впервые в России стал возможным свободный обмен мнениями по различным вопросам философского знания представителей самых разных направлений и взглядов. Сам Н.Я. Грот о создании журнала писал отцу следующее: «Я задумал журнал, чтобы отрезвить общество, направить его к высшим духовным идеалам, отвлечь его от пустой политической борьбы и повседневных дразг, помочь примирению интеллигенции с национальными началами жизни, возвратить его к родной религии и здоровым государственным идеалам...»⁵⁶. Это была задача огромной важности для страны, которая в течение долгого времени не имела открытой общественно-философской трибуны, где и философии, как науки, практически не было, поскольку власть видела в этом проявление вольнодумства и предпринимала немало усилий для ограничения распространения философских знаний.

Активную гражданскую позицию занимал и профессор гистологии И.Ф. Огнев. С 1886 г. он состоял действительным членом Московского общества испытателей природы, регу-

---

⁵⁵ Н.Я. Грот в очерках... С. 149.

⁵⁶ Там же. С. 332.

лярно участвовал в работе ОЛЕАЭ, почетным членом которого он был избран в 1913 г. Он был также одним из основателей Педагогического общества при Московском университете, а в 1893 г. по его инициативе был организован курс публичных лекций для врачей, на которых читал и другой известный профессор медицины А.А. Остроумов. Благодаря его энергии и организаторскому таланту в Москве была создана клиническая лаборатория, ставшая впоследствии знаменитой остроумовской терапевтической клиникой, вмещавшей в своих больших аудиториях не только студентов медицинского факультета, но и всех интересующихся медициной. Талантливый профессор, выдающийся ученый, основатель научной клинической терапии, активный участник общественно-научной жизни, А.А. Остроумов в течение 20 лет занимал пост председателя Медицинского общества.

Многие профессора (М.И. Коновалов, В.О. Ключевский, Н.С. Тихонравов и др.) принимали активное участие по организации домашнего чтения. Ими составлялись программы, подбиралась соответствующая литература. Как отмечал в одном из писем к М.С. Корелину В.О. Ключевский, это дело было «не только доброе, но и серьезное»⁵⁷. Сам профессор, наряду с научной, преподавательской и широкой просветительской деятельностью, принимал участие в художественной жизни Москвы. Он неоднократно помогал артистам в воссоздании исторических образов, в частности, много работал с Ф.И. Шаляпиным над образом Ивана Грозного в опере Н.А. Римского-Корсакова «Псковитянка». В течение долгого времени он преподавал в Училище живописи, ваяния и зодчества, где его лекции слушали не только студенты, но и известные художники: В.А. Серов, В.М. Васнецов, К.Д. Коровин.

Широкое общественно-культурное и интеллектуальное движение, развивавшееся по инициативе и активном участии московских профессоров, было невозможно без внимательного изучения народной жизни и быта с целью создания административных кадров для удовлетворения его потребностей. Возглавляли эту работу профессора университета А.И. Чупров, И.И. Янжул, С.А. Муромцев.

---

⁵⁷ ЦИАМ. Ф. 2202. Оп.1. № 125. Л. 1.

Выдающимся общественным деятелем Москвы второй половины XIX в. был профессор статистики А.И. Чупров. По словам его ученика, А.А. Кизеветтера, он «был излюбленным человеком всей Москвы (в Московской Руси *излюбить* значит *выбрать* (выд. автором, А.К.) на общественную должность)»⁵⁸. При выдающихся интеллектуальных способностях, он целиком был поглощен общественной деятельностью, практически не оставлявшей времени на научные занятия, о чем не без сожаления говорили его коллеги. Однако именно А.И. Чупровым в значительной степени была создана в России земская статистика, он также был одним из организаторов переписи Москвы 1882 г. «...работая с утра и до глубокой ночи без сна и отдыха с небывалым напряжением»⁵⁹, Александр Иванович с трудом находил время для университетских занятий. А для того, чтобы иметь несколько часов досуга, он вынужден был снять вторую квартиру и некоторое время скрывал свой адрес от знакомых.

Одновременно он занимал пост Председателя комитета грамотности и был неперенным участником всех просветительских начинаний и мероприятий. Тот же Кизеветтер называл его «добровольным братом милосердия» при московских общественных организациях⁶⁰. Популярность его была связана не только с глубокими и разносторонними знаниями, но и, в первую очередь, с высоким моральным авторитетом, умением разрешать конфликты, сдерживать самолюбивые стремления. Коллега по университету профессор статистики А.Ф. Фортунатов говорил, что А.И. Чупров был «воспитателем и умственным цементом для людей. Слово “Чупров” вызывало у всех прикасавшихся к московской интеллигенции представление о чем-то светлом, добром, мягком, неустанно мыслящем»⁶¹.

Другой активный участник общественной жизни Москвы — профессор экономики И.И. Янжул — был одним из первых ученых, обративших внимание на необходимость

---

⁵⁸ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 169.

⁵⁹ ЦИАМ. Ф. 2244. Оп. 1. № 446. Л. 7.

⁶⁰ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 170.

⁶¹ Фортунатов А.Ф. О восьми наставниках. / Вестник воспитания. 1917. № 8—9. С. 143, 146.

отмены некоторых косвенных налогов, в том числе налога на соль. Им также было начато серьезное изучение фабричного законодательства на Западе и подготовка первых российских законов, направленных на защиту женского и детского труда. Его труд был по достоинству оценен не только соотечественниками, но и зарубежными юристами, поскольку, при всей строгости политического режима, именно российское рабочее законодательство конца позапрошлого столетия более, чем в какой-либо другой стране, отвечало требованиям времени.

С.А. Муромцеву Москва обязана оживлением интереса к «Юридическому вестнику» и Юридическому обществу. Как профессор Московского университета он всеми силами содействовал развитию правового сознания общества. Его профессорская деятельность прекратилась в 1884 г., когда он был исключен из университета как наиболее активный противник нового Устава. После этого он полностью ушел в общественно-политическую жизнь: стал присяжным поверенным и гласным Московской городской думы, а впоследствии занял пост председателя 1-й Государственной думы. К преподавательской деятельности Муромцев вернулся незадолго до революции 1917 г.

Говоря о широкой общественно-культурной деятельности московской профессорской интеллигенции, нельзя обойти вниманием вопрос о развитии высшего женского образования в Москве. Идея активного вовлечения женщин в высшую школу была предметом обсуждения общественности на протяжении многих лет. В 1860-е гг., на фоне общей либерализации жизни и смягчения политического давления, реформы в области просвещения предоставили женщинам право на получение высшего образования. Естественно, что московские профессора не могли остаться в стороне от этого начинания. Так, В.В. Марковников первым открыл двери своей лаборатории для женщин. Но по-настоящему высшее женское образование берет свое начало от Московских высших женских курсов, созданных по инициативе В.И. Герье в 1872 г.

Как известно, любое новое полезное начинание в России встречает массу препятствий. Не были исключением и курсы.

В.И. Герье пришлось приложить немало усилий для того, чтобы учебное заведение, о котором мечтала вся образованная часть московской публики, открыло свои двери для десятков слушательниц. Несгибаемая воля, железная настойчивость и даже, по словам коллег, некоторое «занудство» позволили Герье переломить сопротивление чиновников Министерства народного просвещения и открыть курсы. Это учебное заведение сразу же завоевало симпатии в первую очередь из-за блестящего преподавательского состава. На курсах читали практически все профессора Московского университета, а также ряд преподавателей Московского сельскохозяйственного института. Под руководством опытных профессоров слушательницы имели возможность заниматься серьезным изучением наук, а по окончании курсов активно включались в общественную и научную жизнь.

Активное участие профессоров в интеллектуальном и общественно-культурном дискурсе определялось несколькими факторами. Во-первых, органической потребностью делиться своими знаниями с теми, кто стремился к расширению собственных умственных горизонтов, для кого увлечение мыслью являлось «одним из самых высоких и благородных побуждений души человека»⁶². Во-вторых, искренним патриотизмом, который они понимали, прежде всего, как служение интересам русской науки, образования и культуры. Вместе с тем, осознание общего социокультурного кризиса рубежа столетий и, в связи с этим, серьезная обеспокоенность судьбой страны выдвигали на первый план осмысление многих научных проблем с позиций общеисторической перспективы и гражданской ответственности. «Я не могу уйти в одну науку, — писал В.И. Вернадский. — Есть времена, когда без вреда для самого научного знания нельзя стоять в стороне от кипучих вопросов жизни. Особенно теперь, когда вопросы науки тесно связаны со всем мирозерцанием и даже с самой техникой жизни»⁶³. Эти слова великого ученого и гражданина выражают общие настроения в среде московской профессуры по отношению к научной и преподавательской деятельности

---

⁶² Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 11.

⁶³ Вернадский В.И. Письма... Т. 2. С. 42.

и во многом объясняют ее чрезвычайно высокую общественную активность, твердую и последовательно отстаиваемую гражданскую позицию.

На волне социально-политических трансформаций второй половины XIX столетия либерально ориентированная часть профессуры стала активным участником общественно-политического процесса. Заинтересованные в свободном, не стесненном правительственными препонами развитии науки и просвещения, интеллектуальной независимости профессора не могли оставаться в стороне от общего подъема социально-политической активности, и в первые десятилетия XX в. сообщество ученых громко заявило о себе на политической арене. По инициативе профессоров и преподавателей высшей школы в начале 1905 г. был создан «Академический союз» — первое оппозиционное самодержавию всероссийское объединение членов научного сообщества. Как отмечают исследователи, «образование союза свидетельствовало о значительном росте самосознания профессуры, участие в нем сделало более четкими ее политические идеалы, более организованными ее выступления. Академический союз был последним этапом на пути большинства профессуры в кадетскую и прочие партии либерального толка»⁶⁴. Главной целью союза было решение проблем университетской автономии и академической деятельности. Подчеркнутая сугубо профессиональная направленность организации сразу же привлекла в свои ряды большую часть профессорско-преподавательского состава. Ко времени своего 2-го съезда (август 1905 г.) Академический союз насчитывал в своих рядах примерно 70% всех преподавателей высшей школы⁶⁵.

Однако стремительное развитие революции сделало невозможным ограничение деятельности союза решением исключительно академических проблем. Социально-политическая ситуация требовала от деятелей науки определения своей политической позиции, что привело к разработке

---

⁶⁴ *Иванов А.Е.* В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // *Власть и наука, ученые и власть. 1880-е — начало 1920-х гг.* СПб., 2003. С. 204.

⁶⁵ Там же. С. 205.

политической декларации, в которой содержался призыв к правительству немедленно начать «коренную политическую реформу государственного строя во имя предотвращения анархии, грозящей неисчислимыми бедствиями стране»⁶⁶. После образования кадетской партии почти все участники союза вошли в ее состав: из 54 членов ЦК кадетской партии первого созыва 22 (41%) были деятелями высшей школы, из которых — П.Н. Милюков, В.И. Вернадский, А.А. Кизеветтер, Н.А. Каблуков, С.А. Муромцев, М.М. Котляревский — были профессорами и приват-доцентами Московского университета. В суммарном составе этого органа всех созывов до 1917 г. академической корпорации принадлежало 32 места из 115, или 28%, за что кадетскую партию негласно называли «профессорской». Идеино-политически партия кадетов продолжала традиции российского либерализма, заложенные несколькими десятилетиями ранее профессорами К.Д. Кавелиным и Б.Н. Чичериным.

* * *

Модернизация середины XIX в. открыла большие возможности формирования новой социальной структуры общества, основанной на принципе функциональной дифференциации и профессионализации как результата образовательной революции. Профессионализация предполагала формирование профессиональной идентичности как совокупности определённых ценностей, норм, способов мышления и моделей поведения. Важной характеристикой профессионализации являлась консолидация представителей отдельных профессий, цель которой заключалась в отстаивании профессиональных интересов. Рост рыночной экономики, урбанизация и успехи в области науки и образования сделали возможным возникновение целого ряда общественных явлений, способствовавших динамичному развитию городской среды. Новые профессиональные, предпринимательские элиты стремились к обретению собственной гражданской идентичности. Среди отечественной интеллигенции профессура одной из первых сумела заявить о себе как самоорганизованной и самоидентифицированной корпорации.

---

⁶⁶ Там же. С. 206.

Гражданская идентичность профессоров формировалась в коммуникативном процессе и с одной стороны, опиралась на традиции, устоявшиеся корпоративные ценности и значимые практики, а с другой — являлась посттрадиционной, критически настроенной по отношению к традициям инстанции. Через научно-педагогическую деятельность, широкий спектр культурно-просветительских начинаний, через ассоциации — научные общества, съезды и политические партии — профессора продвигали те ценности и проекты, которых недоставало в позднимперской России. Ими широко пропагандировались личная свобода и индивидуальная инициатива, автономия, самосовершенствование, трудолюбие, вера в науку и прогресс. Направленная вовне деятельность профессуры имела целью формирование, создание (от англ. *building* — создание, созидание, творение) нового типа эмоционально зрелой, внутренне свободной и ответственной за судьбу страны личности — гражданина.

Итак, попытка обретения сообществом ученых гражданской идентичности состоялась, несмотря на противодействие со стороны властных структур и гипертрофией государства в целом. В отличие от прочих социальных групп, например, предпринимателей, где обретение идентичности сопровождалось, скорее, конфликтами, чем согласованными действиями, позиция корпорации ученых-профессоров по ключевым вопросам профессиональной деятельности и общественных практик была едина. Одним из наиболее ярких примеров единства позиций профессуры по защите своих прав стали события в Московском университете в 1911 г. В ответ на попытку министра народного просвещения А.А. Кассо уволить руководство университета, протестовавшего против нарушения университетской автономии, более 130 профессоров подали в отставку (в том числе К.А. Тимирязев, П.Н. Лебедев, С.А. Чаплыгин, Н.Д. Зелинский, П.Н. Сакулин и др.).

Таким образом, можно говорить о том, что профессора являлись в дореволюционной России профессиональной группой, которая принадлежала к просвещенному верхнему слою общества, характеризовалась профессиональным этосом, служила важной экспертной группой и являлась в канун революции 1917 г. зрелым элементом гражданского общества.

Глава 3.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ

«Великие реформы» 1860–1870-х гг. вызвали возникновение новой профессии в России — сельского учителя, учителя начальной школы, которая вскоре стала одной из самых массовых среди интеллигентных профессий (свыше 69 тыс. человек в 1895 г., свыше 157 тыс. к концу 1915 г.¹). Появление в деревне новой фигуры — учителя-интеллигента — имело самые разнообразные последствия для крестьян и в значительной мере обеспечило кардинальные перемены в мировоззрении крестьянства, организации его досуга и хозяйства на рубеже XIX–XX вв. Сельские учителя стали главными проводниками новой культуры, рационального знания в деревне.

На рубеже XIX–XX вв. сформировалась социальная идентичность учителей начальной школы. Это выражалось в 1) развитии педагогической публицистики; 2) создании профессиональных организаций; 3) выдвижении коллективных требований; 4) складывании профессиональной этики; 5) политической и гражданской активности учителей и их вовлечении в демократическое и революционное движение. Особенности складывания общности учителей как одной из групп зарождавшегося гражданского общества были обусловлены условиями труда сельских педагогов, их социальным составом, правовым и материальным положением.

Для исследования данной темы наиболее ценными источниками представляются материалы личного происхождения — воспоминания, дневники и автобиографические очерки

---

¹ Начальное народное образование в России / Под ред. членов Совета бывшего С.-Петербургского комитета грамотности Г. Фальборка и Г. Чарнолуцкого. СПб., 1900. Т. 2: Статистические таблицы по губерниям и районам Империи. С. 288; Начальные училища ведомства б. Министерства народного просвещения в 1915 году. Пг., 1919. С. XX.

(их значительная часть опубликована). К этой группе по своим свойствам примыкают материалы педагогической публицистики. В них также запечатлены актуальный опыт учителей, их наблюдения над жизнью своих коллег, отношением населения к их работе, над деятельностью учебной администрации. Третью наиболее ценную группу источников составляют неопубликованные отчёты и заметки инспекторов народных училищ (хранятся в фондах дирекций народных училищ региональных архивов), которые по долгу службы уделяли внимание общественно-политическим настроениям учителей, мотивации их труда. Аналогичные, но более обобщенные аналитические материалы содержит фонд Департамента народного просвещения (Российский государственный исторический архив – РГИА). Деятели народного образования также пристально следили за ростом профессионального самосознания учителей. Документы о политических инициативах преподавателей начальной школы, отражающие их гражданскую позицию, представлены в фонде Департамента полиции МВД Государственного архива РФ (ГА РФ). Большим информативным потенциалом для характеристики профессионального самосознания учителей обладают опубликованные материалы региональных (преимущественно губернских) статистических обследований земских школ, которые производились путем анкетирования учителей земствами (с 1870-х гг.) и обществами взаимного вспомоществования учащихся и учивших (с конца 1890-х гг.). Самую разнообразную информацию содержат материалы съездов представителей обществ взаимного вспомоществования лицам учительского звания (1902–1903, 1913–1914 гг.), Общеземского съезда по народному образованию (1911 г.).

Наконец, огромным массивом источников, так или иначе затрагивающим положение и деятельность учителей, являются доклады и отчеты земских управ, которые готовились для рассмотрения гласными, а также протоколы земских собраний. Отметим, что наиболее ценными для данной темы представляются материалы уездных земств.

Педагоги начальной школы разделялись на несколько групп, главной из которых были учителя земской школы (находившейся в совместном управлении земств и органов Министерства народного просвещения), а также «министерских»

училищ (состоявших под управлением исключительно Учебного ведомства) и церковно-приходской школы. Большая часть учителей начальной школы были сельскими жителями. Они являлись своеобразной частью интеллигенции, которую современники часто относили к полуинтеллигентам. Их отличали крайне невысокий уровень образования (среди них была велика доля лиц с образованием ниже среднего, а лица с высшим образованием были редкостью), народнические настроения, маргинальное положение на рынке «интеллигентного» труда. Оклады сельских и даже городских педагогов начальной школы среди других интеллигентных профессий также были одними из самых низких. Вплоть до начала реализации государственного проекта введения всеобщего начального обучения (1908 г.) большинство учителей земской школы было лишено пенсионного обеспечения. С этим были связаны небольшая средняя продолжительность службы, стремление сменить работу при любой возможности. Так, наблюдался массовый отток учителей из школ при введении в сельской местности института полицейских урядников (конец 1870-х гг.) и казенной винной монополии (конец 1890-х — начало 1900-х гг.).

Положение учителей усугублялось их уязвимостью перед произволом начальства и крестьян. Об этом в сжатом виде высказалось Вятское губернское земское собрание в своем ходатайстве об улучшении правового положения преподавателей земских школ: «Учитель бессилен и бесправен. Никаких определенных ограждений на случай перемещения и увольнения он в законе не имеет, взгляды на этот предмет членов училищных советов могут быть различны и своеобразны; создается служебное положение чрезвычайно непрочное. Жизненные условия еще более усиливают эту непрочность юридическую... Лица, не имеющие значения в обществе, вынужденные терпеть нужду, лишенные взаимной поддержки, при всякой невзгоде чувствуют себя подавленными и фактически теряют возможность пользоваться даже такими скромными правами, которыми наделяет их закон. Такое состояние часто испытывает народный учитель. Над ним несметное количество начальства; он подведомствен дирекции и инспекции народных училищ, земству, училищному совету и отдельным членам его, попечителю школы, сельским властям... над его деятельностью и даже частной

жизнью надзирает не только местный священник, но и каждый крестьянин — богатый и небогатый, до сторожа включительно. Положение еще более отягощается, если общество несет какие-либо расходы по содержанию школы (поставку квартиры, дров, сторожа и т. п.). Унижение и бессилие учащего в таких случаях перед каждой сельской властью не имеют меры»².

Кроме этого, сельские учителя были одиноки и часто являлись единственными представителями интеллигенции в своих селениях. «Связи с местным населением нет: учитель в центре России, в коренной русской православной деревне чувствует себя совершенно одиноким, — писал современник. — Это и есть одна из первых причин к стремлению народных учителей к взаимному общению, к образованию какой-то особой учительской корпорации»³. Сельские учителя в большинстве своем не имели возможности регулярно читать книги, газеты и журналы, бывать в городе, общаться с коллегами. Председатель Рузского уездного училищного совета и деятель земского движения князь Павел Д. Долгоруков отмечал, что учителя разобщены и «часто даже не знают в лицо своих товарищей по уезду»⁴. При этом надо заметить, что большинство педагогов были совсем молодыми людьми (в 1911 г. моложе 25 лет были 45% учителей и 60% учительниц земской школы⁵), что усугубляло проблему одиночества.

Главным условием формирования гражданской идентичности учителей начальной школы стало появление и развитие отраслевой печати. Первым изданием, посвящённым начальной школе и народному учителю, явилось приложение к журналу «Семья и школа» — «Наша начальная школа» Ю. Семашко и С. Миропольского (издавался в 1873—1876 гг.). Журнал осудил «стремление некоторых педагогов, в том числе Корфа,

---

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 173. Д. 127. Л. 75—75 об.

³ *Исаков Д. А.* Народное образование в Тверской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 6. Отд. 3. С. 145.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 231. Д. 75. Л. 14.

⁵ Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 года. Пг., 1916. Вып. 16. С. 86.

низвести учителя на степень точного исполнителя предписаний руководителя-педагога»⁶, таким образом впервые признав за народными учителями право на личную инициативу и творчество. Впрочем, в этом журнале публиковались главным образом деятели народного образования. Голос самих учителей начальной школы впервые начинал звучать со страниц журнала «Русский начальный учитель» В.А. Латышева (1880—1911). Впоследствии вопросам начальной школы и положения их учителей уделяли главное внимание крупнейшие педагогические журналы «Вестник воспитания» и «Русская школа» (оба выходили в 1890—1917 годах) и многие другие издания, в том числе газеты (например, «Школа и жизнь», 1910—1917). На страницах педагогической печати велись содержательные дискуссии по вопросам профессиональной этики, взаимоотношений с крестьянством, материального и правового положения педагогов, с 1890-х гг. публиковались их воспоминания. В 1890-е гг. в основном сложилась группа ведущих публицистов по общественно-педагогическим вопросам начальной школы (А.И. Анастасиев, В.П. Вахтеров, Я.Г. Гуревич, Е.А. Звягинцев, В.А. Зеленко, В.И. Чарнолуский, Н.В. Чехов и др.), их взгляды напрямую влияли на характер складывавшейся учительской общности.

В последней трети XIX в. под влиянием идей народничества формировалось представление о высокой общественной значимости учительского труда для преобразования жизни народа на более разумных началах. В публицистике учитель стал рассматриваться не только как источник «света и истины», но и как универсальный общественный деятель, чьё влияние должно было распространяться далеко за пределы школы. Тип «идеального» учителя укладывался в рамки народнических представлений о должных взаимоотношениях между народом и интеллигенцией, обременённой долгом перед крестьянством, с той лишь разницей, что в случае с сельскими учителями мотив жертвенности звучал с особой силой, ибо из всех слоёв интеллигенции они, пожалуй, были наиболее

---

⁶ Аблов Н. Н. Педагогическая периодическая печать (1803—1916 гг.): Библиографический обзор / Под ред. проф. Е. Н. Медынского. М., 1937. С. 42.

близки к народной массе по своему уровню жизни и специфике деятельности (отсюда их распространённое наименование народными учителями). Главные признаки народного учителя в публицистике последней трети XIX в. — подвижничество, бескорыстие, самоотверженное служение народу, терпение.

Образ «идеального» учителя оказывал вполне реальное воздействие на формирование корпоративных ценностей и поведение многих педагогов и заставлял идти на работу в сельскую школу молодёжь, искавшую поприща для деятельности на благо народа. «Учительство в деревне, — писал Н.В. Чехов, — открывало простор для тех “малых дел”, в которых интеллигенция искала применение своему стремлению к общественно-полезной деятельности»⁷. Эта позиция по-разному выражалась самими преподавателями. Они рассматривали свою деятельность как «борьбу с темнотой деревни» и «беспросветной тьмой», как «тяжелую ответственную работу пробуждения народного самосознания, подготовки народа к участию в жизни общественной и государственной»⁸. Учителя были убеждены, что их призвание — заниматься «священным делом народного образования», нести «свет в глухие, затерянные в болотах деревни», нести «сокровища науки, религии и искусства... в народ и научить его пользоваться ими», «внести искру сознания и облегчить... жизнь» народа; просвещать «массы темного русского люда», «темный народ, научать... сознательной, разумной жизни... направить его на путь добра и правды, научить его сознательно относиться к религии, развить в нем правильное понятие о Боге»⁹. Молодая учительница

---

⁷ *Седельникова М. В.* Н. В. Чехов — видный деятель народного просвещения. М., 1960. С. 35.

⁸ *Филатова А. В.* Воспоминания учительницы. 1874—1907. М., 1929. С. 7, 12; Народный учитель — его значение и положение // Русская школа. 1907. № 7/8. С. 131.

⁹ *Рункошевская Е.* Современные парии. (Воспоминания учительницы народного училища). Кишинев, 1885; *Максимов Е. Д.* Школа жизни. (Из воспоминаний школьного учителя) // Наблюдатель. 1893. С. 75—76; *Барсов К.* Сельская школа и учитель. (Воспоминания и заметки) // Русская школа. 1896. № 5/6. С. 45; Мои первые шаги на поприще земской учительницы // Вестник Новгородского земства. 1905. № 12. С. 62; *Реморев Н.* На ниве народной. Воспоминания, наблюдения и заметки школь-

следующим образом описывала свои переживания на пути к месту первого служения (в Мудринскую земскую школу Олонецкой губернии): «Я уже издали любила эту деревню, заранее представляя ее себе тихим, прелестным, но спящим и темным царством. И я буду светить там, каждый день буду светить, хотя бы и маленьким фосфорическим светом. Этим желанием светить я горела и жадно глядела в окно вагона, туда, вперед, где уже мелькали избы различных деревушек»¹⁰.

Характерно напутствие, которое дал в 1886 г. в письме своим сестрам — учительницам земских школ писатель Н.Н. Златовратский, чрезвычайно популярный в среде сельской интеллигенции последней трети XIX в.: «В нашей жизни для интеллигенции из нашей среды я не нахожу лучшего и достойнейшего положения, [чем работа в народной школе. — *Авт.*]. Нет сомнений — этот путь... будет полон тяжкого, хлопотливого труда, мелочных забот и еще более мелочной и гнетущей борьбы с темными силами, но, по-моему, не только важно вперед знать, что это неизбежно... но что и высочайший наш идеал в данное время есть это интеллигентное подвижничество... Помните одно, что лучшее украшение нашей жизни в данный момент есть *только подвиг*, и иной жизни для нас быть не может: не рай устроить для себя должны мы иметь в виду (пока нет его для миллионов — не может быть и для нас), а *интеллигентный подвиг, борьбу с темными силами*»¹¹.

Лучшей части учительства противопоставлялись ремесленники, лишённые идей общественного служения. «В массе учительства, как и в других специальных группах, — писал деятель учительского движения начала XX в. Я.И. Душечкин, — надо различать два слоя людей: одни живут обыденной жизнью, служат ради заработка и равнодушно относятся к идеям и стремлениям бескорыстной интеллигенции, другие же не удовлетворяются такого рода существованием, их тянет

ного учителя. СПб., 1906. С. 7; Из жизни русского народного учителя // Русская школа. 1911. № 11. С. 58.

¹⁰ Две деревни. 1905 и 1913 гг. Из записок сельской учительницы // НИОР РГБ. Ф. 338. Картон 22. Д. 6. Л. 3 об.

¹¹ *Златовратская С.Н.* Из воспоминаний об отце // Златовратский Н.Н. Воспоминания. М., 1956. С. 361, 362–363.

к более красивой, более широкой и сознательной жизни, они входят в соприкосновение с интеллигенцией, заражаются ее интересами и становятся проводниками прогрессивных идей в народную среду»¹². Несколько иные группы среди учителей и учительниц выделяли инспектора и директора народных училищ. Например, Н.Н. Иорданский, будучи инспектором народных училищ Нижегородского уезда, считал, что по своему отношению к педагогической деятельности все преподаватели разделялись на три типа. Первый представляли собой «учителя-педагоги в собственном смысле этого слова», для которых «педагогика и методика школьного обучения» являлись «центром и завершением их служебной деятельности». Во вторую группу входили учителя, пытавшиеся «связать интересы учебного дела с интересами общественными», поскольку последние касались «школьного дела». И, наконец, третью группу составляли «учителя-рутинеры», рассматривавшие свои занятия как «ремесло»¹³.

Материальная необеспеченность, плохие, а иногда недопустимо плохие условия работы преподавателей формировали у части учителей мистическое ощущение принесения себя в жертву, выполнения своеобразного религиозного подвига¹⁴. «Материальные страдания еще больше возвышали мою душу и заставляли смотреть на свою должность, как на особый, святой подвиг», — писал учитель¹⁵. И.П. Белоконский один из своих мемуарных очерков посвятил учительнице (по отзыву члена земской управы, «лучшей учительнице в уезде»), которая отказалась от предложения работать в «прекрасной» школе, утверждая, что «в хорошую всякий пойдет, а в плохую хорошего учителя не найдешь». Несмотря на недопустимые санитарно-гигиенические условия классного помещения и «квартиры», от учительницы не поступило ни одной жа-

---

¹² НА РАО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 252. Л. 26.

¹³ НА РАО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11. Л. 22 об.

¹⁴ Материальное положение сельского учителя // Русская школа. 1909. № 11. С. 66; Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912. С. 111.

¹⁵ Реморов Н. На ниве народной: Воспоминания, наблюдения и заметки школьного учителя. СПб., 1906. С. 12.

лобы, однако под влиянием этих условий она заболела и умерла¹⁶. «Остаться верным учительскому долгу, не взирая на нужду и возможность поступить на более выгодную работу, считалось... делом чести, проявлением своеобразной профессиональной доблести», — отметил современный исследователь¹⁷. Характерно, что один из делегатов Всероссийского съезда обществ вспомоществования лицам учительского звания (Москва, конец 1902 — начало 1903 г.) выступил против предложения директора народных училищ Московской губернии увеличить учителям жалованье, мотивируя это, по словам сотрудника Московского охранного отделения, тем, что «учительские места тогда будут “тепленькими”», и на них сядут люди малополезные для народного образования¹⁸.

Конечно, такие крайние идеи исповедовала лишь небольшая часть педагогов, но она являлась тем ядром, вокруг которой формировалась гражданская идентичность учительства.

Особенности комплектования педагогических кадров сельской школы тормозили формирование корпоративного самосознания народного учительства. Слишком разные люди шли на работу в школу: совсем юные гимназистки и выпускницы епархиальных училищ; дети крестьян, окончившие учительскую семинарию или только начальное училище повышенного типа; «культурные одиночки» из образованного общества; наконец, так называемые (современниками) «случайные люди», среди которых были дети священников, ожидавшие рукоположения, недоучившиеся гимназисты и т. д., то есть все те, кто рассматривал учительство как временную работу в ожидании более выгодного занятия.

По общему отзыву инспекторов народных училищ, наиболее подготовленными к работе в сельских училищах были

¹⁶ Деревенская интеллигенция и народ // Белоконский И. П. Деревенские впечатления (Из записок земского статистика). СПб., 1900. С. 120—140.

¹⁷ Змеев М. В. Народное учительство в Пермской губернии рубежа XIX—XX веков: Профессиональная этика и повседневность // I Астафьевские чтения. Пермь, 2003. С. 114.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 75. Л. 8.

выпускники и выпускницы учительских семинарий и школ¹⁹. По словам Н.В. Чехова, «они одни имели некоторое понятие о педагогике и понимали смысл своей работы не как ремесло, а как важное и интересное дело»²⁰ (хотя, безусловно, это высказывание можно было отнести и другим группам земских учителей).

Происхождение большинства выпускников учительских семинарий из крестьян было важным преимуществом. Директор народных училищ Олонецкой губернии Д.П. Мартынов писал о таких учителях: «Из народной среды, с розовыми надеждами быть учителем, он поступает в учительскую семинарию, научается там любить учительское дело. Эту любовь юный учитель несет в школу и, ранее не вкусивши ничего более легкого и сладкого, навеки посвящает себя народной школе, ею живет и совершенно счастлив и доволен своим жребием, — иной так доволен, что, право, мог бы позавидовать ему любой вельможа или богач»²¹.

Выпускники духовных семинарий отличались также сравнительно высоким уровнем общеобразовательной подготовки, однако, как правило, работали в сельских школах в ожидании открытия вакансий священно- и церковнослужителей и рассматривали свою педагогическую деятельность как «переходное состояние», «неизбежный порог для дальнейшего устройства своей жизни». Поэтому срок их службы ограничивался тремя, реже пятью годами. Но и в это время, утверждали инспектора народных училищ, «забота о подыска-

---

¹⁹ Противоположный взгляд на выпускников учительских семинарий содержался лишь в отчете инспектора Владимирского и Судогодского уездов за 1908/09 учебный год. Инспектор, в частности, писал, что учителя, окончившие эти заведения, далеко не оправдывали «тех надежд, которые можно было бы возлагать на них, благодаря их специальной подготовке»: большинство из них, по мнению инспектора, отличались «недостаточным развитием вообще, слабой начитанностью, отсутствием служебного такта и излишним самомнением» (ГАВО. Ф. 449. Оп. 1. Д. 321. Л. 342).

²⁰ НА РАО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 484. Л. 8.

²¹ Цит. по: *Илюха О. П.* Сельский учитель в Олонецкой губернии: труд и социальный облик // Из истории русской интеллигенции. СПб., 2003. С. 432.

нии священнического места» отвлекала таких учителей от «надлежащей преданности делу и интересам школы», они слишком мало занимались школой, не имели «никакой связи с училищем», заботились лишь о том, чтобы «приготовить выпускных учеников к экзамену, мало обращая внимания на другие отделения, так как редкий из них доводит учеников с первого года до последнего, пробыв год или два в школе». В результате в их школах обыкновенно наблюдалась «большая запущенность учебного дела»²².

Видный общественный деятель, работавший учителем в одной из земских школ Суджанского уезда Курской губернии в 1879—1883 гг., утверждал, что учителя из семинаристов «...никуда не годны в своем деле, небрежничают и манкируют им, нисколько не стесняясь, притом, в своем поведении. В школе они несдержанны, драчливы и грубы, работают мало и нередко пропускают уроки... Положение сельского учителя они считают ниже своего достоинства, своих способностей и своего образования... В школе он [выпускник духовной семинарии. — *Авт.*] в лучших случаях бесполезен, а часто просто вреден своей грубостью, своей ленью и своим презрением к народу и к детям его»²³.

По мнению того же мемуариста, гораздо более усердно к своей службе относились учителя, учившиеся в духовных семинариях, но не окончившие их и поэтому не рассчитывавшие на получение места священника. Но, не имея педагогического призвания, они относились к делу формально, сосредоточиваясь на том, чтобы «предоставить к экзамену учеников не меньше, как и в других школах, и не с худшей подготовкой, да чтобы инспектору показать дело с лицевой стороны»²⁴.

Несмотря на то, что учителя из духовных семинарий в целом зарекомендовали себя с плохой стороны, земства и инспектора народных училищ были вынуждены обращаться к их услугам, поскольку те имели право преподавать Закон Божий.

²² ГАВО. Ф. 449. Оп. 1. Д. 321. Л. 52—53; Д. 382. Л. 59; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. 2980. Л. 66 об.; Д. 2989. Л. 82.

²³ *Максимов Е. Д.* Школа жизни. (Из воспоминаний школьного учителя) // Наблюдатель. 1893. № 10. С. 304, 306.

²⁴ Там же. С. 306.

Часть инспекторов и директоров народных училищ считала, что среди учительниц лучшими («по развитию вообще и по разумной постановке учебного дела», как писал инспектор народных училищ Владимирского уезда в 1906 г.²⁵) являлись выпускницы женских гимназий. Инспектор народных училищ Елецкого уезда Орловской губернии полагал, что среди учительниц, окончивших гимназии, чаще всего встречались лица, преподававшие «с любовью и энергично». В то же время он отмечал, что и в деятельности учительниц «из гимназисток» сказывался, особенно в первые годы службы, недостаток педагогической подготовки (1903 г.)²⁶. О том же свидетельствовали инспектора народных училищ Покровского и Шуйского уездов Владимирской губернии в 1915 г. Инспектор Шуйского уезда добавлял, что учительницы «из гимназисток» путем долгой практики приобретали опытность и достигали в деле обучения значительных успехов, а некоторые даже отдавались «своему делу с полным самоотвержением»²⁷.

Другие инспектора народных училищ отдавали предпочтение учительницам — воспитанницам епархиальных училищ, которые являлись почти исключительно дочерьми сельских священников и по педагогической подготовке и общему развитию уступали учительницам из гимназий. Вместе с тем, по свидетельству инспектора Богородского уезда Московской губернии и Суздальского уезда Владимирской губернии в 1913 г., они были хорошо знакомы с сельским бытом, крестьянской жизнью, не тяготились работой в деревенской глуши, «жизнью вдали от культурных центров», были «значительно выдержаннее вообще в поведении и непритязательнее в требованиях, в службе исполнительнее, проявляя, сверх того, и большую религиозную настроенность, столь ценную в учительской деятельности»²⁸. Н.В. Чехов считал скромность и трудолюбие отличительными чертами учительниц из епархиальных училищ.

---

²⁵ ГАВО. Ф. 449. Оп. 1. Д. 321. Л. 102.

²⁶ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. 2984. Л. 38 об.

²⁷ ГАВО. Ф. 449. Оп. 1. Д. 321. Л. 255.

²⁸ ГАВО. Ф. 449. Оп. 1. Д. 321. Л. 504; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. 6624. Л. 94—94 об.

Третье место в этой градации учительниц занимали выпускницы прогимназий и равных им по курсу учебных заведений. Они были выходцами из небогатых слоев сельского и городского населения и также отличались трудолюбием и терпением. Инспектор народных училищ Ростовского уезда Ярославской губернии писал в 1904 г., что «...большинство их отдается учительству на всю жизнь, и многие трудятся до забвения себя, до потери здоровья. Некоторые из таких учительниц, восполняя путем чтения недостатки общего образования, со временем, при упорной работе над собой и своим образованием, становятся прекрасными, образцовыми учительницами»²⁹.

Было распространено мнение, что если учительницы, окончившие епархиальные училища, вносили в начальную школу «дух церковности», а учительницы из гимназисток старались развивать в детях рациональное восприятие действительности, то учительницы из прогимназий были способны передать ученикам только твердые «механические» навыки³⁰.

Преподаватели, получившие лишь начальное образование (как правило, ими были дочери и сыновья крестьян и мещан), зачастую встречали непреодолимые препятствия в своей работе: они не обладали ни достаточным уровнем общего развития, ни какими-либо педагогическими знаниями. Однако некоторые из них предпринимали все усилия, чтобы, по выражению инспектора народных училищ Суздальского уезда Владимирской губернии, «сравняться с прочими учащими». Одни усердно трудились «из любви к делу», другие — боясь потерять место в условиях растущей конкуренции со стороны лиц со средним образованием. Поэтому нередко было так, что результаты их занятий оказывались продуктивнее, чем деятельность учителей со средним образованием³¹.

Народное учительство стало первой группой интеллигенции, в формировании которой участвовали как мужчины,

²⁹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. 2991. Л. 141 об.

³⁰ Анастасиев А. И. Народные учительницы (Улучшение условий их жизни и образовательной подготовки) // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 10. Отд. 3. С. 112.

³¹ ГАВО. Ф. 449. Оп. 1. Д. 321. Л. 355, 504 об.

так и женщины, и первой группой, в которой женщины заняли преобладающее значение. Этот перелом произошёл в 1890-е гг., к 1917 г. процесс феминизации данной группы был в основном завершён. Сложился примерно тот баланс в представительстве обоих полов в профессии, который сохраняется и в настоящее время.

Для женщин учительство в начальной школе было наиболее доступным поприщем для самостоятельной деятельности или, по выражению бывшего инспектора народных училищ, «единственным средством для добывания насущного куска хлеба путем благородного честного труда»³². Женский педагогический труд успешно конкурировал с мужским, прежде всего потому, что служба в начальной школе для мужчин, особенно со средним образованием, в материальном плане сильно уступала практически любым другим видам занятий. Сами педагоги отмечали, что учительницы легче умели «ограничивать свои потребности до минимума»³³, что было необходимо для человека, выбравшего службу народного учителя. Современники отмечали и то, что в начальной школе женщина приносила больше пользы, чем мужчина, и подчёркивали присущую женщинам «беззаветную преданность к делу»³⁴. «Учитель учителей» Н.Ф. Бунаков считал, что «...для начального обучения, особенно в нашей народной школе, где требуется от обучающего некоторое идеальное настроение, учительница гораздо пригоднее... при том — у нас в учительницы идут больше лучшие из женщин, самые даровитые, с наилучшими идеальными стремлениями, высоко настроенные, а в учителя (начальные) только плохенькие из мужчин, которым больше некуда деваться, — конечно, не без исключений»³⁵.

---

³² Синицын Н. А. Из воспоминаний бывшего инспектора народных училищ // Педагогический листок. 1907. Кн. 8. С. 528.

³³ Народный учитель — его значение и положение // Русская школа. 1907. № 7/8. С. 132.

³⁴ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. 3241. Л. 83 об.—84; Ф. 459. Оп. 4. Д. 2986. Л. 85 об.; Д. 4661. Л. 38; и др.

³⁵ Бунаков Н. Ф. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837—1905. СПб., 1909. С. 158.

Один из земских начальников, описывая специфику работы преподавателей и многообразные требования, предъявлявшиеся к ним, подводил итог: «Учитель должен при ужасной обстановке добиться прекрасных, сравнительно, успехов. Учитель должен знать много, прямо к его учительству не относящееся. Учитель должен быть человеком высокой нравственности и очень твердого характера. Учитель должен быть искусным дипломатом. И что удивительно, — это то, что все эти редкие свойства часто встречаются в учителе. Еще чаще умудряется все это комбинировать учительница»³⁶.

Впервые позиция МНП по отношению к учительницам была сформулирована в специальном циркуляре от 27 сентября 1882 г., появившемся после ревизии учебных заведений Самарской и Саратовской губерний. В нем на основе материалов ревизии министр народного просвещения граф И.Д. Делянов отметил: «...учительницы начальных народных училищ оказываются в некоторых отношениях элементом более пригодным для замещения преподавательских в сих училищах должностей сравнительно с учителями. Так, встречаемое часто между учителями недовольство своей судьбой и желание переменить ее вовсе не составляет отличительной черты учительниц, по той причине, что перед женщиной открыто гораздо меньше дорог, чем перед мужчиной, и между ними преподавание в народной школе принадлежит к числу лучших. Хотя учительницам иногда приходится много претерпевать в деревне, но они, несмотря на это, охотно идут в сельские школы и остаются в деревнях. Помимо большей привязанности к своему призванию, учительницы, в большинстве случаев, представляют еще преимущество более кроткого, терпеливого обращения с учащимися, большей привычки к порядку и опрятности, меньшей склонности к усвоению тех темных сторон деревенской жизни, от влияния которых не всегда, к сожалению, остается свободным учитель»³⁷.

К аналогичному выводу после нескольких лет интенсивного развития церковно-приходских школ приходили в

---

³⁶ Новиков А. Записки о сельской школе. СПб., 1902. С. 88–89.

³⁷ Народные училища по Положению 25 мая 1874 г. / Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб., 1903. С. 44.

ведомстве православного исповедания: «Редким усердием и постоянством, а равно и умением вести дело отличались, по замечанию некоторых отчетов епархиальных училищных советов, особенно Вологодского, учительницы из женских епархиальных училищ... Вообще учительницы с большим усердием относились к своему делу, чем учителя»³⁸.

Корпус профессиональных сельских педагогов стал формироваться одновременно с группой земских служащих. Для настоящей темы вопрос о том, насколько учителя начальной школы соотносили себя с «третьим элементом», имеет перво-степенное значение.

Влияние «третьего элемента» на учителей объяснялось, прежде всего, спецификой положения начальной школы в земских губерниях. Земские училища имели двойственное подчинение — по «хозяйственной части» земским управам, а по «учебной» инспекторам народных училищ. На практике эти «части» четко разграничить было невозможно. Например, покупка учебников относилась к компетенции земств, а между тем именно имеющаяся в школах учебная литература во многом определяла учебный курс и характер подачи учебного материала. Выбор и приглашение учителей на вакантные должности должны были осуществляться как земствами, так и инспекторами народных училищ, при этом требовалось их обоюдное согласие. В институциональном плане статус учителей и учительниц земских школ был противоречивым. С одной стороны, они состояли на содержании у земств (получали от них сначала часть, а затем всё жалованье); в земской статистике и публицистике их почти всегда относили к «земским служащим», «третьему элементу». С другой стороны, утверждение в должности и увольнение учителей осуществляли государственные органы — училищные советы; Сенат неоднократно разъяснял, что оскорбление учителей народных училищ при исполнении ими обязанностей службы наказывается так же, как оскорбление чиновника, а указом от 29 октября 1898 г. постановил, что учителя начальных училищ

---

³⁸ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 годы. СПб., 1893. С. 458–459.

по своему служебному состоянию «наиболее соответствуют положению состоящих на государственной службе». Циркуляром МНП от 3 августа 1892 г. было указано, что учителя и учительницы не могут заключать с земствами и сельскими обществами договоры, регламентирующие их служебную деятельность и связанные с ней обязательства³⁹.

«Пограничный» статус учителей земских школ проявился в русско-японскую войну 1904–1905 гг. и первую мировую войну 1914–1918 гг., когда значительная часть преподавателей была призвана на военную службу и дважды возникал вопрос о сохранении за ними на период войны учительских должностей и окладов содержания (на что имели право государственные служащие). Циркуляром от 12 января 1904 г. МНП на запрос попечителя Московского учебного округа отказало учителям начальных училищ в этом праве, возложив ответственность за помощь наиболее нуждавшимся семьям призванных в армию педагогов на попечителей учебных округов. Однако в 1914 г. по ходатайству министра народного просвещения Л. А. Кассо Совет министров постановил сохранить за учителями начальных школ на период военной службы их жалованье и должности (на них назначались временные заместители), руководствуясь в данном случае теми статьями Устава о воинской повинности, которые регламентировали права государственных служащих⁴⁰.

Фактически учителя и учительницы все же зависели от земств значительно более, чем от учебной администрации. «В школьном деле всегда было и будет, — писал Н.В. Чехов, — что настоящим хозяином школы будет тот, кто дает деньги на содержание и выбирает учителей»⁴¹.

Например, в 1903 г. инспектор народных училищ Зубцовского уезда Тверской губернии писал, что всем «школьным

³⁹ *Фармаковский Вл.* Начальная школа Министерства народного просвещения. СПб., 1900. С. 171–172; Особые журналы Совета министров, 1906–1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 327.

⁴⁰ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1907. Т. 16. Ч. 1: 1904 г. СПб. 7–8; Особые журналы Совета министров, 1906–1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 327.

⁴¹ *Чехов Н. В.* Железнодорожные училища 30 лет тому назад // НА РАО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 483. Л. 63.

делом» в уезде ведал «на правах хозяина» член училищного совета от земства С.М. Квашнин-Самарин, старый земский деятель, имевший неограниченное влияние в Зубцовской уездной земской управе и в училищном совете: «Фактически он единолично решал вопросы об открытии и закрытии училищ, о приискании кандидатов на учительские места, о снабжении школ книгами и учебными пособиями. Он ежегодно объезжает все школы уезда и дает тон и направление всему учебному делу. Все учащие с полной очевидностью сознают полную от него зависимость и беспрекословно выполняют все его желания»⁴². Инспектор народных училищ Дмитровского уезда писал в 1902 г., что земские управы Московской губернии, «пользуясь своим материальным влиянием», «приняв на себя все содержание училищ, избирая для них попечителей, кандидатов на учительские должности, устроив эмеритуру, а в последнее время привлекая их [учителей. — *Авт.*] к участию в обществах взаимопомощи, считают себя единственными хозяевами и распорядителями в школах, каковыми они являются и в глазах учителей и учительниц»⁴³.

Показательно в этом отношении демонстративное выступление учителей на стороне земства в конфликте между Новоторжским земством и учебной администрацией, который начался в 1890-е гг.: 24 учителя и учительницы подали в отставку в знак протеста против отстранения от должности и высылки из пределов Тверской губернии членов Новоторжской земской управы и назначения на их место новых членов министром внутренних дел В.К. Плеве. При этом протестантам было запрещено вновь поступать на государственную и общественную службу, но запрещение было снято в конце 1904 г. новым министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским⁴⁴. И это же земство год спустя, когда многие педагоги были вновь уволены по политической неблагонадежности, объявило часть из 48 вновь приглашённых инспектором народных училищ учителей «малограмотными» и пригласило на их места дру-

⁴² ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. 2989. Л. 43–43 об.

⁴³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. 2982. Л. 25 об.—26.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 141. Т. 2. Л. 61–62 об., 82. См. также об этом Приложение № 4.

гих педагогов, которые, в свою очередь, не были допущены к работе инспектором народных училищ. Не имея возможности фактически устранить от службы учителей, приглашенных инспектором, управа отказала им в выдаче жалованья⁴⁵.

В ходе революции 1905—1907 гг. в некоторых уездах земские управы, пользуясь своим влиянием на преподавателей, открыто восстанавливали их против учебной администрации, да и не только против нее. Так, Балашовская уездная земская управа 18 мая 1905 г. созвала совещание почти всех учащихся в начальных сельских училищах, оплатив их путевые расходы. Председатель управы К. Б. Веселовский открыл собрание речью «нелегального характера “о ненормальном положении России”», призвал преподавателей содействовать изменению государственного строя и заявил: «кто будет слушать советов директора или инспектора народных училищ и не станет заниматься этим делом, того мы уничтожим; жалованья таким рубль; не бойтесь ни директора, ни инспектора в этой работе, и если они вас уволят, то мы сумеем вас защитить и не оставим»⁴⁶.

Такие эпизоды борьбы между земствами и администрацией, в которые тем или иным образом втягивались учителя, являлись одним из главных источников формирования гражданской идентичности сельских педагогов. В их системе ценностей прочное место занимали противопоставление государства и общественности. С этим была связана другая ценность, во многом навязанная деятелями земского движения учителям, — идея самоуправления.

Многие либеральные земства привлекали учителей к управлению школами. Во многих местностях земцы, несмотря на сопротивление администрации, приглашали учителей в качестве «сведущих лиц» к участию в сессиях земских собраний. Какое значение в таких случаях приобретало мнение учительства, можно видеть из воспоминаний Н.В. Чехова. Он следующим образом описывал заседание Новоторжского уездного земского собрания в первой половине 1900-х гг.: «В середине зала вокруг стола сидела кучка в 30—40 человек

⁴⁵ ГАТО. Ф. 800. Оп. 1. Д. 7656. Л. 1—2.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 1255. Л. 19 об.—20 об.

гласных, а остальная зала была битком набита “публикой”, которую составляли почти исключительно учителя и учительницы... Такова сила мнения, что я не помню случая, когда собрание приняло бы какое-нибудь решение, против которого дружно высказывалось всё учительство»⁴⁷.

Деятели земского движения активно развивали идею создания коллегиальных уездных органов руководства земскими школами, в которые, наряду с представителями земств, должны были войти и выборные от преподавателей. По мнению инициаторов, это устранило бы произвол школьной администрации и способствовало бы более рациональному и интенсивному развитию народного образования. В значительной части уездов в 1890-е — 1910-е гг. эта идея была воплощена. Первые такие органы, обычно получавшие названия комиссий по народному образованию, были временными, затем они стали постоянными. Комиссии учреждались при земских управах, учителя и учительницы входили в них в качестве совещательных членов⁴⁸.

Первоначально учебная администрация рассматривала такие органы как незаконные прежде всего потому, что земства делегировали им такие полномочия, которые по закону принадлежали училищным советам. Кроме этого, законом разрешалось создание постоянных комиссий только из числа земских гласных, или же из гласных и из лиц, имевших по имущественному цензу право непосредственного голоса в земских избирательных собраниях; при этом такие комиссии должны были избираться исключительно земским собранием. Земским управам предоставлялось право прибегать к содействию всякого рода других «сведущих» лиц, но они, по выражению министра внутренних дел В.К. Плеве, считались лишь «временными собраниями специалистов, всякий раз нарочито приглашаемых для сего управою» и не могли быть созываемы на определенный срок, подобно комиссиям. Сенат в указе от 27 апреля 1902 г. определил, что приглашение земствами преподавателей на совещания должно было про-

---

⁴⁷ НА РАО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 484. Л. 24.

⁴⁸ Отчет по ревизии земских учреждений Московской губернии. СПб., 1904. Т. 2. С. 219–224.

исходить только через учебное начальство, с сообщением программы совещаний, которая не должна была касаться «учебной стороны»⁴⁹.

Между тем, земские собрания, основываясь на собственном толковании законодательства, а также на ряде разъяснений Сената и циркуляров МНП, доказывали законность таких комиссий. После Революции 1905—1907 гг. администрация перестала препятствовать деятельности школьных комиссий с участием учителей⁵⁰. Отношение самих учителей к школьным комиссиям было различным и варьировалось от полного равнодушия до активной заинтересованности. Так, на первое заседание школьной комиссии при Старорусской уездной (Новгородской губернии) земской управе в 1906 г. из 84 учителей, избранных на специально созванном съезде в качестве представителей от всех учителей, явилось только 29 или около трети. По словам председателя учрежденной в 1909 г. школьной комиссии при Олонецкой уездной земской управе, в ее заседаниях участвовало около 10 учителей, проявлявших «глубокий интерес и горячее сочувственное отношение к делу»; в 1912 г. земская управа сообщала, что «за три года комиссия собиралась не менее 9—10 раз, причем каждое заседание проходило при исключительно напряженной работе с утра до вечера и давало обилие тщательно разработанного материала по вопросам, поставленным управой на разрешение». В Кологривском уезде Костромской губернии школьная комиссия существовала с 1911 г., состояла из 16 учителей и учительниц, однако на первые заседания явились сначала 3, затем 6 человек⁵¹.

⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 1953. Л. 72—74.

⁵⁰ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 6. Д. 798. Л. 2—2 об.; Ф. 459. Оп. 4. Д. 2989. Л. 118 об.; *Чехов Н. В.* Уездные училищные комиссии // *Русская школа*. 1906. № 9. С. 103—105; *Гуревич А.* Совещание директоров народных училищ Московского учебного округа // *Русская школа*. 1907. № 10. С. 81—82; *Акимов В. В.* Земская работа по подготовке народных учителей // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1915. № 6. Отд. 3. С. 141; *Петровичева Е. М.* Земства Центральной России в период думской монархии (1906 — первая половина 1914 гг.). М., 2001. С. 158.

⁵¹ *Белицкий.* По вопросу о первом заседании школьной комиссии при Старорусской уездной земской управе // *Вестник Новгородского земства*.

Учителя привыкали соотносить свои интересы с деятельностью земств, общественности, проникаясь либеральными и демократическими идеями, шире смотрели на задачи своей работы. Они переставали быть никому не известными затворниками и осознавали общие интересы и задачи.

Вместе с тем учительское сообщество под влиянием практики отказывалось от утопических элементов программы земского движения. Одним из них был пункт о привлечении населения к управлению школой путем создания коллегиальных попечительств. Они должны были прийти на смену единоличным попечителям, не справлявшимся с возложенными на них задачами, гораздо активнее отстаивать интересы школ, выступать посредниками между земскими управами и училищами, привлекать благотворителей, прекратить проявления произвола и самодурства единоличных попечителей, а также воспитывать начала гражданственности и общественной самодеятельности у крестьянства. Идея создания коллегиальных попечительств из учителя, попечителя и всех лиц, «сочувствующих делу народного образования» из числа местного населения, выдвигалась с 1880-х гг.⁵² Согласно результатам анкетирования учителей земских школ Московской губернии (1901 г.), большинство из них поддерживало идею организации попечительств⁵³. Под влиянием земских ходатайств закон о попечительствах был принят в 1907 г. Попечительства должны были учреждаться по ходатайствам содержателей училищ в составе попечителя училища, учителя, законоучителя, представителей органов самоуправления и местного населения. Новые органы должны были заботиться о надлежащем хозяйственном обеспечении училищ, принимать меры к улучшению положения учителей⁵⁴.

1906. № 12/13. С. 1–2; *Звягинцев Е. А.* Участие учительского персонала в организационной работе // Народное образование в земствах. М., 1914. С. 68–73.

⁵² *Маклакова И. Ю.* Земские ходатайства как источник по истории школы и общественно-педагогического движения в России второй половины XIX — начала XX в. // Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма. М., 1980. С. 257.

⁵³ *Вахтеров В. П.* Коллегиальные попечительства при народных училищах // Русская школа. 1902. № 10/11. С. 165–175.

⁵⁴ [Правительственные распоряжения] // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. № 9. Отд. 1. С. 4–6.

Первые несколько лет закон о попечительствах почти совсем не применялся. В 1909 и 1913 гг. инспектора народных училищ Тверской губернии свидетельствовали, что положение о попечительствах не получило практического воплощения⁵⁵. В Ярославской губернии в 1912 г. попечительства существовали в нескольких уездах, причем в Мологском уезде — при 67 школах, однако они почти не функционировали. «Вообще попечительства не достигают цели, все школьное хозяйство ведется учащими», — сообщал заведующий отделом народного образования земской управы Мологского уезда⁵⁶. В 1915 г. в Тверском уезде «в виде опыта» были организованы школьные попечительства при четырех школах, причем два из них никак себя не проявили, два других собирались не чаще трех раз в год и ходатайствовали перед управой о разрешении некоторых хозяйственных и учебно-воспитательных вопросов⁵⁷.

Вологодская губернская земская управа объясняла отсутствие к 1911 г. коллегиальных попечительств в губернии в том числе «несочувствием самих учащихся школьным попечительствам»⁵⁸. Учителя и особенно учительницы воспротивились введению попечительств, не желая работать совместно с «мужиками», которые, по их опыту, «ничего в школьном деле понять не могут, а будут понимать себя как начальство, контролирующее учителя». «Начальства всякого у учителя и так много, зачем понадобилось создавать новое... — недоумевали педагоги. — И так никакого житья от мужиков нет». Если управа предлагала преподавателям организовать попечительство, — предложение не выполнялось; если попечительство все же организовывалось, — оно не созывалось; если попечительство созывалось, — между учителями и крестьянами-попечителями происходили столкновения, делавшие невозможной их со-

---

⁵⁵ ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 6774. Л. 84; Д. 6938. Л. 4–4 об.

⁵⁶ Протоколы совещаний заведующих отделами народного образования уездных и губернских земств, состоявшихся при Ярославской земской управе в 1912 и 1913 гг. Ярославль, 1914. Вып. 1. С. 29.

⁵⁷ ГАТО. Ф. 800. Оп. 1. Д. 7703. Л. 51–52 об.

⁵⁸ Первый Общеземский съезд по народному образованию 1911 года. Сводка сведений, доставленных губернскими земствами по программе, разосланной Бюро Съезда. М., 1911. Отдел IX. С. 9–10.

вместную работу, — так описывал положение П.Н. Казанцев, бывший заведующим отделом народного образования в ряде земских управ⁵⁹. Характерно замечание одного из участников съезда учителей Московского уезда, Л.В. Лиличкина, на доклад своего коллеги, посвященного необходимости организации попечительств: педагог утверждал, что он «...целых шесть лет проработал под опекой такого попечительства, и нельзя всего передать, что он выстрадал за эти 6 лет. От этих попечительств нужно отрешиваться всеми способами, а не рекомендовать их в Московском уезде. Мороз по коже проходит при одном воспоминании об этих попечительствах»⁶⁰.

В деревне большинство преподавателей, надолго оставшихся на своей службе, в той или иной мере, вольно или невольно становились общественными деятелями. По выражению земского статистика, учитель был «единственным умственным и культурным центром среди сельского населения»⁶¹, и это вынуждало его браться за посильную общественную работу. Преподаватели считали своим долгом по мере сил «водворять в крестьянах веру в медицину», поэтому выступали и как популяризаторы медицинских знаний, и борцы со знахарством, и как фельдшеры, способные оказать помощь при легких заболеваниях. Они выступали также в качестве толкователей законов, исполняли просьбы крестьян написать прошение, прочесть письмо, сделать долговую расписку, оформить купчую, разрешить недоразумение. Характерно, что, как отмечали агенты Департамента полиции, именно учителя и учительницы по просьбе крестьян толковали содержание Манифеста 17 октября 1905 г.⁶²

Некоторые учителя — из числа тех, кто вёл своё приусадебное хозяйство, — в той или иной мере содействовали рас-

⁵⁹ *Казанцев П. Н.* Записки старого педагога // НА РАО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 426. Л. 303–305.

⁶⁰ Протоколы заседаний II секции // Труды первого съезда деятелей по народному образованию в Московском Уездном Земстве (7–13 Апреля 1914 г.). М., 1916. С. 156.

⁶¹ Обзор школ и начального народного образования по сведениям 1904/5 учебного года. Костромской уезд. Кострома, 1906. С. 50.

⁶² ГА РФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 76. Т. 3. Л. 121 об.; ГАВО. Ф. 449. Оп. 1. Д. 382. Л. 350.

пространению сельскохозяйственных знаний среди крестьян. К этому их поощряли земства, устраивая специальные курсы садоводства, бесплатно предоставляя учителям саженцы плодовых деревьев и т. д., а также (с 1895 г.) Министерство земледелия и государственных имуществ, которое выдавало ежегодно учителям «за выдающиеся успехи по части сельского хозяйства» денежные и почетные награды⁶³. В 1903 г. инспектор народных училищ Раненбургского уезда Рязанской губернии писал, что с почина некоторых учителей, искусных «земледельцев», садоводов и огородников, крестьяне стали сажать огурцы, арбузы, помидоры, разводить плодовые деревья⁶⁴. Попечитель С.-Петербургского учебного округа в отчете за 1906 г. констатировал: «Некоторые наши народные учителя обнаружили особенное усердие в распространении сельскохозяйственных знаний и своими опытами показали, что даже в суровых и скверных условиях возможны и огородничество, и садоводство, и пчеловодство, и заслуга наших народных школ заключается в том, что они служат как бы очагами распространения этих знаний среди местного населения»⁶⁵.

Инспектор народных училищ Самарского уезда писал об учителе Кануевского земского училища Еланском: «Он целое лето с большой любовью... терпением и старанием копается и возится в своем садике, огороде и пчельнике. Пасека его состоит из 42 ульев. Он в продолжении 21 года своею скромной, трудовой жизнью, своим кротким смирным характером, доступным для всех и каждого, большого и малого, жизнью, в которой слово не расходилось с делом, производил на крестьян везде и всюду хорошее впечатление, а потому заслужил их расположение и доверие к себе, к своим занятиям по садоводству, огородничеству и пчеловодству. Он вполне оправдывает народную пословицу: “учить надо не наказом, а показом”... Вот почему за последнее время многие из крестьян по его образцу завели у себя и сады, и огороды, пользуются его советами,

---

⁶³ Сборник действующих распоряжений Министерства народного просвещения об учителе начального народного училища. Одесса, 1911. С. 16–17.

⁶⁴ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. 2986. Л. 143.

⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10832. Л. 12. об. Л. 16.

берут у него семена огородных растений и саженцы деревьев; получают от него указания относительно прививки дичков, разных болезней, появляющихся на деревьях, вообще обращаются к нему за разъяснением всех недоумений и сомнений по садоводству, огородничеству и пчеловодству и даже берут у него книги для чтения по этим предметам»⁶⁶.

Преподаватели являлись главными организаторами внешкольной культурно-просветительной работы в деревне. С конца XIX в. им активно помогали или побуждали к ведению такой работы земства. Основной формой внешкольной работы учителей было устройство народных чтений (со второй половины 1890-х гг., когда было разрешено проводить их не только в губернских городах, но и вообще повсеместно), на которые в училище по праздничным и воскресным дням приходили и дети, и взрослые, в том числе из соседних деревень, и ради них мирились, по выражению учителя, с «убийственной духотой и теснотой». От самих учителей и учительниц требовались физическая выносливость и многие хлопоты по уборке классного помещения после многочисленных посетителей⁶⁷.

Другими наиболее распространенными формами внешкольной просветительной работы учителей земских школ были занятия (как правило, безвозмездные) в воскресных, повторительных и дополнительных школах, а также заведование народными библиотеками и читальнями. Некоторые преподаватели предпринимали все возможное, чтобы сократить пьянство, устраивая «разумные развлечения» для крестьян.

Сельские педагоги стали одними из главных деятелей кооперативного движения начала XX в., и во многом благодаря им сельские кооперативные организации получили широкое распространение и массовый характер⁶⁸. Первые опыты участия педагогов в кооперативном движении оказались удачными и

---

⁶⁶ Краткий отчет о состоянии начального образования в училищах М. Н. П. и земско-общественных школах Самарского уезда, за 1896/7 учебный год. Самара, 1896. С. 11.

⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9551. Л. 103 об.—105.

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10832. Л. 19 об.; *Смирнов О. Н.* Народная школа, учитель и дети в годы Первой империалистической войны // НА РАО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 30. Л. 19–20; Школа, земство и учитель. М., 1911. С. 151.

вызвали появление циркуляра министра народного просвещения от 9 ноября 1906 г., который был инициирован министром финансов. Циркуляр рекомендовал учителям начальных школ участвовать в деятельности учреждений мелкого кредита. Впоследствии, когда обнаружилось, что некоторые учителя, работавшие в правлениях кредитных товариществ, чрезмерно увлекались этим видом деятельности в ущерб школе, местному учебному начальству было предписано требовать от таких учителей оставлять должности в кредитных учреждениях (циркуляр министра народного просвещения от 15 июня 1911 г.)⁶⁹.

Другая часть учителей возможность улучшения условий жизни крестьян видела в революционной деятельности. Она заметно проявлялась в 1870-е и в 1900—1910-е гг., когда учителя и даже некоторые учительницы вели антиправительственную пропаганду среди крестьян, распространяли нелегальную литературу и т. д. В период революции 1905—1907 гг. преподаватели земских школ в ряде местностей были главными деятелями Крестьянского союза. В силу своих революционных настроений, активной общественной позиции, непосредственной близости к крестьянству преподаватели земских школ оказывали значительное влияние на процесс «брожения умов» в деревне в предреволюционные годы. «Если в настоящий момент российское крестьянство так организовано, что на него можно положиться вождям революции, то это есть прямой результат работы народных учителей», — писал неустановленный автор из среды профессиональных революционеров в 1912 г.⁷⁰

Некоторые учителя-мужчины пользовались таким большим авторитетом среди крестьян, что их приглашали на сельские сходы, и там мнение учителя имело значение, иногда решающее⁷¹. Так, когда в одной из деревень Суджанского уезда Курской губернии в начале 1880-х гг. обнаружился падеж скота

⁶⁹ [Правительственные распоряжения] // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. № 8. С. 101.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 31. Л. 7.

⁷¹ *Вахтеров В.* Заметки о народной школе // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. № 8. Отд. 4. С. 89; Максимов Е. Д. Школа жизни. (Из воспоминаний школьного учителя) // Наблюдатель. 1893. № 10. С. 285; Зубковский Ф. История моего учительства. М., 1905. С. 53.

от чумы и крестьяне из-за ложных и невежественных опасений отказались допустить земского ветеринара в деревню (сначала не пускали мужчины, а затем, когда прибыла полиция, — женщины), только вмешательство учителя предотвратило дальнейшее распространение эпидемии, а самих крестьян спасло от наказания за их упрямство, походившее на бунт. Учитель выступил по приглашению крестьян на сходе и доказал им, что убой скота во время эпидемий более выгоден, чем другие меры борьбы с чумой, равно как и то, что необходимо произвести убой скота в одной деревне, чтобы сохранить его во всем уезде. «Я редко когда переживал такие минуты полного нравственного удовлетворения, как в тот день», — писал этот учитель⁷².

Силой вещей формирующаяся социальная идентичность учителей начальной школы приобретала антицерковные черты. Прежде всего, это было связано с неурегулированностью вопроса о преподавании Закона Божия, центрального предмета в курсе начальной школы. Ведение уроков по этому предмету было исключительной компетенцией лиц с богословским образованием, поэтому подавляющая часть учителей и все учительницы земских школ преподавать его не имели права, и в качестве законоучителей в школы приглашались приходские священники, редко — дьяконы. На практике, как свидетельствуют самые разнообразные источники, священники часто пропускали свои уроки или не посещали школы вообще, что вынуждало преподавателей без богословского образования в нарушение закона преподавать Закон Божий самостоятельно. Несмотря на то, что практически в каждом сельском училище числился отдельный законоучитель, в 1903 г. в Данковском уезде Рязанской губернии учителям приходилось самим преподавать Закон Божий в каждом втором училище, тогда же в Крапивенском уезде Тульской губернии (по словам инспектора народных училищ) — в «большинстве училищ», в Белевском уезде той же губернии преподавание этого предмета также лежало «главным образом» на учителях и учительницах. Похожая ситуация была в

---

⁷² Максимов Е. Д. Школа жизни. (Из воспоминаний школьного учителя) // Наблюдатель. 1893. № 12. С. 142–144.

других уездах⁷³. Как сообщали инспектора народных училищ, «отцы законоучителя... обнаруживают полнейшее равнодушие [к религиозно-нравственному воспитанию детей — *Авт.*], погрузившись исключительно в интересы материальные» (Севский уезд Орловской губернии, 1903 г.); «прежде всего, приходится отмечать удивительно небрежное отношение большинства о.о. законоучителей к делу преподавания Закона Божия» (Бронницкий уезд Московской губернии, 1913 г.)⁷⁴. Земский деятель В.Н. Назарьев писал, что в период его работы членом училищного совета одного из уездов Симбирской губернии его наибольшую тревогу вызывали «постоянные... столкновения с законоучителями-священниками, упорно и в большинстве смотревшими на свое учительское жалованье как на прибавку к их скудному содержанию, нисколько не обязывавшую их обучать детей»⁷⁵.

Вопрос о преподавании Закона Божия нередко становился причиной конфликтов между преподавателями и законоучителями. В мае 1905 г. на общем собрании Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных народных училищах Саратовской губернии учитель Ольшанского училища Докукин заявил о необходимости изъять преподавание Закона Божия из начальной школы для того, чтобы «освободить учителя от постоянных столкновений с духовенством». Эти столкновения, по словам учителя, нередко имели место по самым разным вопросам, «начиная с желания приходских священников... чтобы учителя бесплатно занимались за законоучителей преподаванием Закона Божьего, и с отказа учителей от этого труда и возникающих отсюда недоразумений, переходящих затем на почву религиозную, нравственную, общественную и политическую»⁷⁶.

Ходатайства земств о разрешении учителям преподавать

⁷³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. 2986. Л. 152—152 об.; Д. 2990. Л. 26 об., 159 об.; Д. 2991. Л. 40.

⁷⁴ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. 2984. Л. 117 об.—118; Д. 2991. Л. 39 об.; Д. 6624. Л. 127 об.

⁷⁵ Назарьев В. Н. Вешние всходы. Из воспоминаний, встреч и переписки 70-х годов // Вестник Европы. 1898. Кн. 4. С. 693.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 1255. Ч. 21. Л. 7.

Закон Божий отвергались Синодом, который, в частности, указывал, что «предоставление преподавания Закона Божия всем светским учителям, из которых многие сами недостаточно тверды в истинах православной веры, внесет неустойчивость религиозных понятий в простой народ, отдалит священника от народа и умалит его духовное влияние на вверенную ему паству»⁷⁷.

Кроме этого, возникала борьба между священником и учителем за лидерство и авторитет в деревне. «Некоторые священники, привыкшие за долгие годы к духовной монополии на селе, чисто психологически с трудом переносили появление новых образованных людей, свежих идей и взглядов, новых форм работы. Возникла проблема собственной состоятельности духовенства в культурном и нравственном отношении, способности конкурировать с народными учителями»⁷⁸. Конкуренция проявлялась и в притязаниях части священников выступать в роли руководителей для преподавателей земских школ. Например, председатель Козелецкой уездной земской управы писал в 1881 г.: «Отношения между учителями и законоучителями, вообще говоря, скверны, что вызывается обыкновенно желанием священника добиться какого-то главенства в школе, подозрением, что учитель относится к нему без должного уважения и проч.»⁷⁹. «Если же учителя, — писал один из педагогов, — сами заслуживали себе любовь, доверие и уважение народа, а также благосклонность инспекторов, то, стыдно сознаться, из опасения ради, чтобы им не потерять своего могущества на народ

⁷⁷ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1907. Т. 16. Ч. 1: 1904. СПб. С. 323.

⁷⁸ Гуркина Н. К. Инспектора народных училищ: место и роль в развитии просвещения и народного образования (на материалах Русского Севера) // Из истории русской интеллигенции. СПб., 2003. С. 421.

⁷⁹ Материалы, относящиеся до земских учреждений Черниговской губернии. Извлечение из сведений, собранных при ревизии сенатором Половцевым Черниговской губернии в 1881 году. Б. м., б. г. С. 236. Другие лица, опрошенные А. А. Половцовым и его сотрудниками, высказывали сходные суждения. В частности, гласный Черниговского губернского земского собрания Константинович утверждал: «Отношения между законоучителями и учителями редко бывают хороши. Причина этого в том, что священники стремятся руководить даже преподаванием, не затрачивая труда... на аккуратное исполнение оплачиваемых обязанностей законоучителей» (Там же. С. 259).

[так в тексте. — *Авт.*] и первенствующего значения, многие законоучителя старались подорвать эту любовь и выставить его в дурном свете. Еще сносна была жизнь учителя, если при взаимных несимпатиях не возникало между им и законоучителем ссоры и их отношения не обострялись, но беда, если они были в разладе: тогда законоучителя где только могли вредили учителю и конфузили его пред народом. Удобным местом для себя избирали церковь. Не дай Бог ученикам с учителем опоздать в церковь или совсем не быть, то после богослужения [это] будет поставлено на вид, и чтобы подорвать авторитет учителя, [священник] заметит: “так как учитель ваш ни сам не ходит в церковь, ни учеников не водит, то хотя вы сами посылайте своих детей в церковь”. Если ученик, читая часы, бывало, ошибется, то без всякого снисхождения законоучитель тут же останавливал его и поручал продолжать псаломщику. Эти сослуживцы часто бывали причиной перевода учителя помимо его желания в другое училище, из злобы ради на учителя, они не жалели на экзаменах проваливать учеников и много еще других видов мести, постыдных для них же, избирали эти господа»⁸⁰.

Самолюбие учителей и учительниц оскорблял резкий контраст в отношении «начальства» к ним и к священникам: с последними представители администрации вели себя «вежливо, иногда до подобострастности», а с учителем — «сдержанно и даже сурово». «Такое неравенство буквально развращает священников, и много творится ими несправедливостей над бесправным народным учителем», — доказывал педагог⁸¹. Формально взаимоотношения преподавателя и священника не регулировались, но фактически учителю или учительнице отводилось «первое место после священника»⁸².

Определяющим фактором формирования корпоратив-

---

⁸⁰ *Русаневич А.* Народный учитель и сельская школа. Отношение общества к ним и вводимые в разных губерниях меры к улучшению их положения. (Факты из школьной жизни и деятельности съездов и земств в России по народному образованию). Изд. 3-е. Екатеринослав, 1903. С. 14–15.

⁸¹ *Донской.* Народный учитель и священник // Школа и жизнь. 1911. № 40. С. 2.

⁸² *Яблочков М. Т.* Русская школа. Наставления директора народных училищ. Тула, 1895. С. 67.

ного самосознания народных педагогов стали их профессиональные организации — губернские, уездные и городские общества взаимного вспомоществования учащим и учившим. Они возникли практически повсеместно в 1890—1900-е гг. под влиянием бурного развития кооперативного движения в стране. В жизни учительства общества взаимного вспомоществования имели значение не столько для организации материальной взаимной поддержки (нуждавшихся было слишком много, а средства обществ слишком малы), сколько как единственная легальная форма совместной общественной деятельности, один из способов преодоления разобщённости, характерной для профессии сельского учителя. В деятельности этих обществ проявились все особенности процесса складывания гражданской идентичности сельских учителей.

Вплоть до конца 1890-х гг. инициаторами создания и организаторами обществ взаимопомощи учителей были представители учебной администрации, земские и общественные деятели, знакомые с жизнью педагогов или прямо связанные с ними по роду своей деятельности. В последующем, по мере складывания корпоративного самосознания учительства начальной школы и профессионализации этой группы, педагоги играли всё большую роль в создании своих обществ.

В состав педагогических обществ взаимного вспомоществования входили обычно три категории членов. Действительными членами были учителя (как состоящие на службе, так и в отставке), членами-соревнователями избирались лица других профессий, «сочувствующие целям общества» и в качестве таковых оказывавшие услуги обществу личным трудом (врачи, акушерки и проч.) или уплатой ежегодного членского взноса. Лица, внесшие наиболее существенный вклад в деятельность общества — как путём личных услуг, так и путём крупных пожертвований, — избирались в почётные, или пожизненные члены. Члены-соревнователи и почетные члены пользовались всеми правами наравне с действительными членами, кроме прав на материальную помощь. Таким образом, уплатив сравнительно незначительную сумму, они получали не только право голоса, но и возможность избирать-

ся в состав правления.

Первые четыре общества были открыты в 1866—1890 гг., затем их количество стало быстро расти, и к концу 1902 г. существовало 71 общество (13 городских, 46 губернских и 12 уездных)⁸³. Однако в обществах было задействовано не более 1/3 учителей, имевших право быть действительными членами обществ взаимопомощи. «На призыв к объединению массовый учитель часто отвечает отказом», — писал деятель педагогического движения⁸⁴.

Общества взаимопомощи учителей различались как по административно-территориальной принадлежности, так и по составу действительных членов. В 1915 г. из 99 учтённых обществ 53 были губернскими (9 из них с филиальными отделениями в уездах), 26 — уездными организациями, 12 — городскими. Два общества были всероссийскими (Общество попечительства о воспитательницах и учительницах в России и Всероссийское общество попечения о неимущих и больных педагогах — оба в Петрограде), одно общество имело краевой характер (Общество польских учителей и учительниц — в Варшаве), пять объединяли выпускников Петроградского, Московского и Белгородского учительских институтов, Петроградской земской учительской школы, высших женских курсов в Петрограде. В состав действительных членов большинства обществ допускались только учителя начальной школы, а также преподаватели средних учебных заведений и начальной школы повышенного типа (городских и высших начальных училищ, приходских училищ и т. д.). Реже общества объединяли учителей по национальному, гендерному и предметному признакам (5 еврейских, 1 польское, 5 организаций предназначались только для учительниц, 1 общество объединяло только учителей одного предмета — рисования)⁸⁵. Педагоги начальных училищ преобладали даже в тех обществах, куда в качестве

⁸³ Ежегодник народной школы / Под ред. В. И. Чарнолуцкого. М., 1908. Вып. 1. С. 131.

⁸⁴ Зеленко В. Объединение учащихся // Русская школа. 1915. № 12. С. 67.

⁸⁵ Ежегодник учительских обществ. 1914 / Под ред. Исполнительной комиссии II-го Всероссийского имени К. Д. Ушинского съезда представителей учительских обществ. Пг., 1915. С. 21—22.

действительных членов допускались учителя средней школы, так как положение этих двух групп учительства коренным образом различалось, и попытки объединить их в рамках одной организации были обречены на провал. В частности, вознаграждение за труд преподавателей земских школ было в среднем более чем в 6 раз ниже, чем доходы штатных учителей мужских гимназий и реальных училищ.

Хотя уставы большинства обществ не ограничивали круг своих членов только преподавателями школ ведомства Министерства народного просвещения, на практике учителя ведомства Синода (вторая по численности группа педагогов начальных училищ) редко участвовали в обществах вспомоществования. Об этом один из деятелей взаимопомощи заявлял следующее: «Учительство церковно-приходских школ служит лишь переходной ступенью к священническому сану или замужеству, в силу чего эти учителя обыкновенно далеки от всяческих корпоративных начинаний. Об учителях школ грамоты нечего и говорить, так как они вербуются из лиц, обыкновенно столь низко стоящих по своему развитию, что находятся в стороне от общеучительских интересов. Учителя школ казенных, в силу полной своей служебной зависимости, почти лишены возможности обсуждать свое положение, и для них нет другого пути к благополучию, кроме выслуги»⁸⁶.

Существование обществ зависело от органов самоуправления и других учреждений, обеспечивавших значительную долю их доходов: в 1913 г. наиболее крупным источником доходов были пособия от учреждений (всего для 41 общества — 54,5 тыс. руб. в год), прежде всего от земств (31 тыс. руб.). Далее следовали членские взносы (39,5 тыс. руб.), пособия от Министерства народного просвещения (6,4 тыс. руб.) и доходы из других источников (15 тыс.)⁸⁷. Некоторые уездные земства

---

⁸⁶ Аникин С. В. О материальной и юридической необеспеченности русского народного учителя // Труды I-го Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания, бывшего в Москве на рождественских каникулах в 1902/3 г. / Сост. под ред. секретаря Московского общества попечения об улучшении быта учащихся в начальных училищах В. М. Евтеева. М., 1907. Т. 1. С. 255.

⁸⁷ Труды Второго Всероссийского съезда имени К. Д. Ушинского / Под ред. В. А. Зеленко. СПб., 1914. Вып. 3. С. 54—55, 59.

полностью уплачивали членские взносы за учителей, то есть полностью содержали общества взаимопомощи учителей.

Об уровне социальной зрелости большинства членов обществ отчасти свидетельствует их отношение к собственным обязательствам в рамках профессиональной корпорации. Во-первых, значительная доля учителей и учительниц задерживали уплату членских взносов или вовсе переставали их вносить. Во-вторых, развитие учительского кредита (одно из главных направлений деятельности обществ) тормозилось неаккуратным возвратом долгов. «Задолженность по ссудам и несвоевременное погашение их, — утверждал представитель Новгородского общества, — общее явление, что видно из отчетов различных обществ, и следовательно, оно обуславливается общими причинами. Главная причина, по нашему мнению, кроется в более чем недостаточном бюджете учителя». Другой важной причиной был «превратный взгляд членов на Общество, его деятельность и товарищеские взаимоотношения»⁸⁸. Для взыскания долгов правления обществ прибегали к рассылке напоминаний, публикации списков должников и даже к судебным искам против неплательщиков, но существенного значения эти меры не имели. В то же время в ряде обществ вопрос о том, нужно отдавать ссуду или нет, был вопросом совести должника и в случае неуплаты к последнему не применялось никаких мер.

Одним из наиболее распространённых видов деятельности обществ было устройство и содержание общежитий для детей педагогов, учившихся в средних учебных заведениях. Тем самым, корпорация педагогов брала под свою особую опеку наиболее уязвимую часть — семейных учителей, для которых такие пансионы имели огромное, иногда решающее значение, позволявшее им оставаться на службе и после рождения детей. В 1913 г. общежития содержали 29 обществ, причём некоторые имели два общежития (для девочек и для мальчиков), так что их общее число составляло 34; в них проживало 980 воспитанников⁸⁹. Общежития были небольшими и, конечно, не могли вместить всех нуждавшихся. Одно из

⁸⁸ Труды Второго Всероссийского съезда... СПб., 1914. Вып. 3. С. 222.

⁸⁹ Ежегодник учительских обществ. 1914. Пг., 1915. С. 114—115.

немногих крупных общежитий имелось у Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии. К 1904 г. оно построило для него собственное здание (до этого общежитие находилось в небольшом наемном помещении), рассчитанное на 80 детей. Характерно, что это крупное заведение было создано с помощью широкого круга лиц и учреждений: строительство здания обошлось в 18 тыс. руб., из которых почти 3 тыс. внесли земства, 1,7 тыс. было собрано с благотворительного концерта, в котором участвовал Ф. И. Шаляпин, 700 руб. дала подписка среди нижегородцев, 1 тыс. внесла издательская фирма «Знание» при посредничестве М. Горького⁹⁰.

Правления некоторых обществ, главным образом, уездных, а также уездные филиальные отделения губернских обществ организовывали в городах бесплатные или дешевые «квартиры» (общежития) для сельских учителей. На их основе впоследствии создавались учительские дома, которые мыслились как центр обслуживания «духовных интересов» преподавателей. Крупнейший учительский дом был построен в 1911 г. Обществом взаимопомощи при Московском учительском институте⁹¹. Ряд обществ организовывали бюро труда, искавшие вакансии для летней или постоянной работы, летние колонии и санатории, библиотеки, книжные склады, общеобразовательные и специальные курсы, чтения, лекции, выставки и экскурсии для членов общества, выписывали журналы для своих членов. В 1890-е гг. Казанское, С.-Петербургское и Нижегородское общества взаимопомощи учителей выступили пионерами в деле организации коллективных образовательных экскурсий педагогов начальной школы. Затем в это движение включились Пермское и Тамбовское общества. Все они устраивали в «своих» городах помещения для приема экскурсантов-учителей. Уже затем роль главных организаторов учительских экскурсий перешла к земствам (с 1901–1903 гг.) и

---

⁹⁰ Отчет правления Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии за 1913 год. XX год существования. Нижний Новгород, 1914. С. 7.

⁹¹ Ежегодник учительских обществ. 1914. Пг., 1915. С. 60–53.

просветительным обществам (с 1908 г.)⁹².

Многие общества обсуждали возможность учреждения собственных журналов и пытались наладить их издание, однако лишь три из них сумели издавать периодические издания на протяжении длительного времени. С.-Петербургское (Петроградское) педагогическое общество взаимной помощи выпускало журналы «Справочный листок...» (1894—1914) и «Петроградский учитель» (1915—1918). Обществом взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбурга издавался популярный общественно-педагогический и литературный журнал «Учительский вестник» (1907—1917). Общество взаимного вспомоществования Кубанской области и Черноморской губернии участвовало в издании общественно-педагогического журнала «Кубанская школа» (1914—1917).

Общие приоритеты деятельности обществ взаимного вспомоществования учащим и учившим отражают данные о расходах 42 учительских обществ за 1913 г. Крупнейшими статьями расходов (в порядке убывания) были содержание общежитий, приобретение недвижимости и строительство, ссуды и пособия членам. Расходы на «просветительные и духовные нужды» находились на 8-м месте⁹³. Появление таких расходов находилось, с одной стороны, в соответствии с общими для российского кооперативного движения тенденциями, с другой, — служило выражением нового качества учительской солидарности.

Фактически общества являлись и представительными организациями: они часто обращались с ходатайствами о нуждах учительских корпораций к органам местного самоуправления, учебной администрации и даже предпринимателям (с просьбой предоставления льгот своим членам). Если первоначально обращения к земствам содержали в основном просьбы о субсидиях или повышении учительского жалованья, то с начала 1900-х гг. всё чаще в таких ходатайствах звучали требования организации училищных комиссий при управах с участием

⁹² Осоргин М. Экскурсии учителей за границу // Вестник воспитания. 1912. № 7. С. 137.

⁹³ Ежегодник учительских обществ. 1914. Пг., 1915. С. 27.

выборных от учителей, а также требования по улучшению правового положения учителей. При этом некоторые общества в своих ходатайствах оперировали статистическими данными о бытовых, материальных и правовых условиях жизни учительства, которые они собирали и обрабатывали самостоятельно. Анкетирование педагогов с этой целью провели Бессарабское, Вологодское, Кубанское, Лохвицкое, Московское, Псковское, Олонецкое, Ярославское и другие общества⁹⁴.

Дееспособность организаций учительской взаимопомощи во многом зависела от членов-соревнователей. Их участие в деятельности обществ имело особенно большое значение в первые годы существования большинства обществ (1890-е гг. — первая половина 1900-х гг.).

Деятель педагогического движения Н. В. Тулупов отмечал в 1902 г.: «Просматривая отчеты учительских обществ взаимопомощи, нередко приходится читать о равнодушии, с которым учащие относятся как к самому обществу, так и к его деятельности, сводя свое участие лишь к уплате членского взноса». По мнению самих учителей, причиной этого являлось отсутствие привычки к общественной деятельности⁹⁵. По наблюдению деятеля учительского движения, для народных учителей были характерны «робость, застенчивость, конфузливость, нелюдимство, способность теряться в мало-мальски разнящейся от деревенской обстановке, непривычка к собраниям и неумение ясно, точно, коротко формулировать свою мысль», — всё это тормозило развитие чисто учительских объединений⁹⁶.

К тому же на общие собрания в город могли приехать из-за несовершенства путей сообщений и дороговизны проезда лишь немногие из действительных членов обществ. Нередко большинство из участников общих собраний составляли члены-соревнователи из числа горожан, которым, как писал

---

⁹⁴ Ежегодник народной школы / Под ред. В. И. Чарнолуцкого. М., 1908. Вып. 1. С. 142.

⁹⁵ *Тулупов Н. В.* Основные вопросы учительского быта // Труды I-го Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования... М., 1907. Т. 1. С. 313, 314.

⁹⁶ *Василевич В. В.* Шаг за шагом. К истории объединения народных учителей (Из личных воспоминаний и переживаний). М., 1914. С. 23.

редактор-издатель журнала «Русский начальный учитель», «жизненные интересы и потребности учащихся не так близки и не всегда даже известны»⁹⁷. Именно члены-соревнователи благодаря своей активности, независимости от учебной администрации и опыту общественной деятельности занимали господствующее положение в правлениях обществ⁹⁸. Один из учителей утверждал: «...если эти общества [взаимного вспомоществования. — *Авт.*] делают что-нибудь, то это что-нибудь делается 3-мя — 5-ю членами их, которые редко когда принадлежат к учительскому персоналу начальных школ. По большей части эти 3—5 лиц — люди свободных профессий, не имеющих с самой жизнью учащихся почти никакой связи. Активных же членов из учащихся встретить чрезвычайно трудно. Учащие на собраниях учительских обществ по большей части безмолвствуют; они готовы принять все, что им предложат другие»⁹⁹.

Положение учителей вызывало сочувствие в очень широких кругах, однако постоянное участие делах обществ взаимного вспомоществования часто принимали лишь наиболее активные «беспокойные» деятели, легко находившие отклик своим оппозиционным идеям в учительской среде. Директор народных училищ Смоленской губернии в отзыве на проект устава Общества вспомоществования учителям его дирекции писал попечителю Московского учебного округа в 1897 г.: «Симпатичность предприятий, вызываемых желанием помочь нуждающимся народным учителям и учительницам... обыкновенно вызывает горячее сочувствие как более или менее высокопоставленных местных деятелей, так и всех образованных и благомыслящих людей, что замечается и в данном случае. В числе ста одной подписи на заявлении, поданном г. Смоленскому губернатору, встречаются подписи губернского и некоторых уездных предводителей дворянства, чиновни-

⁹⁷ Латышев В. О съезде директоров народных училищ С.-Петербургского учебного округа // Русский начальный учитель. 1905. № 10. С. 392.

⁹⁸ Золотарев С. Очерк по истории учительского объединения в России // Профессиональные учительские организации на Западе и в России. Пг., 1915. С. 249.

⁹⁹ Снасский С. А. О бытовом положении учащихся земских начальных школ // Труды I-го Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования... М., 1907. Т. 1. С. 247.

ков, занимающих более или менее видные места... земских начальников, председателей губернской и уездных земских управ, крупных землевладельцев и т. д. Но, к сожалению, лица эти, отвлекаемые занятиями по своему служебному и имущественному положению, как показывает опыт, не имеют возможности постоянно поддерживать свое влияние на дела подобных обществ и мало-помалу уступают его менее видным местным деятелям, между которыми могут встречаться и такие, сближение которых со скромными тружениками школы не всегда желательно»¹⁰⁰. Тем не менее, ни учебное ведомство, ни МВД не предприняли никаких мер к ограничению участия членов-соревнователей в профессиональных организациях педагогов.

Ведущая роль членов-соревнователей в учительских обществах взаимопомощи приводила к тому, что они фактически выходили из-под контроля учебного ведомства. Член Комиссии об улучшении положения народных учителей и учительниц Министерства народного просвещения писал в 1905 г.: «Чисто учительские организации, в виде ли общества взаимопомощи или съездов их, не могут вызывать никаких опасений. Они достаточно гарантированы от крайних ненормальных явлений, в отдельных же случаях учебное ведомство обладает необходимыми средствами для воздействия на них и может всегда устранить всякие отклонения от их прямых задач. Нежелательны посторонние лица в этих обществах, являющиеся туда часто со стремлением провести в учительскую среду свои тенденции и таким образом повлиять на народную школу. По отношению к таким лицам учебное начальство не располагает никакими мерами к устранению или даже уменьшению вредного влияния их на общее направление деятельности обществ»¹⁰¹.

«Нормальный» (типовой) устав обществ предусматривал обязательное членство в составе правления представителя от Министерства народного просвещения — обычно им становился инспектор или директор народных училищ. Именно они были главными блюстителями законности и целесообразности

---

¹⁰⁰ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 2341. Л. 8—9.

¹⁰¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 173. Д. 127. Л. 34.

деятельности обществ взаимопомощи. Зачастую их положение как членов правления было незавидным. Директор народных училищ Ярославской губернии «на основании конфиденциальных сообщений как инспекторов народных училищ Тверской губернии, так и посторонних лиц» следующим образом описывал обстановку на общих собраниях Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в Тверской губернии в конце 1890-х гг.: «На общие собрания в г. Твери съезжались учителя и учительницы в количестве от 100 до 200 человек и, очевидно, по предварительному соглашению, выбор их председателя всегда падал на лицо или из земских деятелей, или из народных учителей, отличающихся крайне либеральным образом мыслей и антагонизмом по отношению к чинам Министерства Народного Просвещения. Под руководством такого председателя в общих собраниях допускалась совершенно непристойная либеральная болтовня, в подражание земским собраниям Тверской губернии, или подвергалась критике и осмеянию деятельность директора и инспекторов народных училищ. Учителя и учительницы, подвергшиеся удалению от службы за предосудительные поступки, и в особенности по политической неблагонадежности, встречали в общих собраниях горячее сочувствие, как невинно пострадавшие и получали от собрания щедрую материальную поддержку. Положение чинов Министерства Народного Просвещения делалось еще более невыносимым вследствие того, что... один из инспекторов народных училищ должен был присутствовать на собрании как неперемный член правления по назначению учебного ведомства. Он должен был, роняя свое достоинство, или оправдываться перед собранием, или смолчать, терпеливо переноса резкие нападки, остроты и насмешки, направленные как на него, так и на его сослуживцев»¹⁰².

По данным МВД, по большей части именно под влиянием «посторонних лиц» (членов-соревнователей) общества взаимопомощи были «склонны стремиться к расширению своих задач, стремясь к корпоративному объединению учащихся, с целью направления деятельности такой корпорации в не всег-

---

¹⁰² ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 4. Д. 2484. Л. 24 об.—25.

да желательном смысле»¹⁰³. О том, какой характер могло придать деятельности учительских обществ чрезмерно активное участие в их делах членов-соревнователей, показывает история Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения, состоящих в Пермской губернии (образовано в 1901 г.), изложенная материалах Департамента полиции. На второе общее собрание Общества в 1902 г. явилось 58 членов, в том числе 31 из среды учителей, а остальные — из членов-соревнователей и бывших учителей, среди которых было пять политически неблагонадежных лиц. По словам губернатора Пермской губернии, «многие благонамеренные члены общества были настолько смущены свободным участием в прениях и голосовании на собрании таких скомпрометированных лиц... что некоторые из числа этих членов не признали для себя возможным присутствовать в этом заседании и удалились из собрания»¹⁰⁴. Сложившаяся на собрании «партия неблагонамеренных» состояла главным образом из числа членов-соревнователей — служащих в Пермской губернской земской управе и в Управлении Пермской железной дороги. Эта «партия» провела в председатели общего собрания служащего губернской земской управы Вобылева, под руководством которого прения с самого начала отличались «крайне резкой тенденциозностью» по отношению к действовавшему составу правления, так что его председатель и один из членов подали в отставку. Многие из «благонамеренных» членов общества отказались от участия в выборах нового состава правления и удалились из собрания, убедившись в невозможности бороться с численно преобладающей радикальной партией, в связи с чем все шесть вновь выбранных членов правления оказались из числа ее сторонников. На двух последующих общих собраниях между двумя «партиями» разгорелась острая борьба, которая на 4-м общем собрании в конце 1902 г. закончилась победой умеренной части членов Общества, состоявшей почти исключительно из учителей. Члены-соревнователи потерпели

---

¹⁰³ Отчет по ревизии земских учреждений Московской губернии. СПб., 1904. Т. 2. С. 271–272.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 1800. Л. 8 об.

поражение, однако, как писал губернатор, «...победу благонамеренной партии на собрании 29–31 декабря нельзя считать окончательной, и было бы преждевременным, при наличных условиях, ожидать полного прекращения беспорядков в учительском обществе. Партия благонамеренных оказалась на этот раз в большинстве только потому, что на собрание, созданное в каникулярное время, могли приехать члены из сел Пермского и соседних с ним уездов. Партия ультралиберальная, состоящая главным образом из лиц, проживающих в самом городе Перми, всегда может потребовать созыва экстренного собрания в такое время, когда учащим нельзя будет приехать из уездов в город Пермь. Тогда опять перевес может оказаться на стороне партии ультра-либеральной»¹⁰⁵.

При таких условиях неудивительно, что в период революции 1905–1907 гг. деятельность большинства обществ приобрела политический, а в ряде случаев и революционный характер. Из дел Департамента полиции следует, что члены-соревнователи были главными зачинщиками революционных заявлений и действий обществ взаимного вспомоществования. Например, товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, доносил министру народного просвещения В.Г. Глазову 21 июля 1905 г. о деятельности Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим Самарской губернии следующее: «Членами общества сначала были учителя и лица, сочувствующие его задачам. Однако в последнее время в состав общества проникло в качестве членов-соревнователей много совершенно чуждых учительской среде лиц, которые резко изменили характер деятельности общества и, внося в его задачи политический элемент, стремились захватить в свои руки все дела общества. На общем собрании 22 апреля, при отсутствии председателя и его товарища, группа новых членов объявила собрание законным и провела исключение товарища председателя (инспектора народных училищ) из состава общества и избрание председателем правления члена Николаевской уездной земской управы Д.Д. Протопопова, человека крайних противоправительственных воззрений. По распоряжению Протопопова 29 мая вновь созвано общее

---

¹⁰⁵ Там же. Л. 12.

собрание, на котором обсуждался вопрос о присоединении к Всероссийскому учительскому союзу. Перед закрытием собрания секретарь губернской земской управы Клафтон обратился к учителям и учительницам с речью, в которой рекомендовал им, по возвращении в места службы, стараться убедить сельские общества составить приговоры о необходимости прекращения войны»¹⁰⁶.

В том же году общее собрание Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных народных училищах Саратовской губернии, на котором присутствовало 300–350 человек (из них учителей и учительниц, по сообщению окружного инспектора Казанского учебного округа, — не более 150–180 человек) постановило, что народное образование должно быть всеобщим, обязательным и бесплатным, а общеобразовательная школа — светской. «Видно было, — писал инспектор, — что во главе собрания стояли посторонние элементы — члены-соревнователи, подавляющие своею сплоченностью и увлекавшие, к сожалению, некоторых из учителей». Инспектор констатировал, что не только в Саратовской, но и других губерниях земские и городские управы беспрепятственно восстанавливали против учебной администрации учителей и учительниц¹⁰⁷.

Эти и подобные инциденты приводили к закрытию обществ взаимного вспомоществования, отстранению от работы или даже аресту и ссылке наиболее активных членов обществ и в конечном итоге дискредитировали идею учительских объединений в глазах умеренной части учительства, которая составляла подавляющее большинство педагогов начальной школы. Часть обществ в этот период пыталась организовать помощь учителям, которые тем или иным образом пострадали за антиправительственную деятельность. Общество взаимного вспомоществования учащихся и учивших Воронежской губернии в мае 1905 г. решило ежемесячно выдавать пособия в размере 25 руб. учителям, уволенным за политические убеждения; с этой целью были установлены дополнительные сборы с жалованья членов общества (в сентябре 1905 г. Обще-

---

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 1255. Ч. 20. Л. 15–16.

¹⁰⁷ Там же. Ч. 21. Л. 7–19 об.

ство закрыто губернатором)¹⁰⁸. Аналогичные меры предприняло Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных народных училищах Ярославской губернии. Екатеринославское общество, в районе которого оказалось больше всего пострадавших учителей, в сентябре 1906 г. постановило образовать фонд помощи безработным учителям, ассигновав для него 650 руб., а также учредить 15 «вольных школ», в которых должны были работать уволенные учителя. Работа части обществ была парализована борьбой внутри них. Особенно тяжелые испытания в этом отношении пришлось пережить обществам Бессарабскому, Самарскому, Екатеринославскому. В сплошной борьбе между членами старого и нового правлений прошёл 1905 г. для Пермского и Оренбургского обществ¹⁰⁹.

Требования, выдвигавшиеся в ходе первой революции обществами взаимного вспомоществования, были в основном схожи с программой Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. Так, постановления, принятые в этот период Воронежским, Архангельским и Екатеринославским обществами, выражали убеждение в том, что изменение положения учителей невозможно «на почве существующего порядка» и выдвигали требование его демократизации, созыва Учредительного собрания¹¹⁰. Другие общества в этот период представили земским собраниям обширные программы по улучшению положения учителей, которые земства даже при желании были не в силах удовлетворить, так как они вступали в противоречие с основными законами о народном образовании.

В 1905–1906 гг. общества пережили период лихорадочной деятельности, но затем начался резкий упадок. Часть действительных членов и членов-соревнователей отошла от участия в обществах. Многие общества оставались закрытыми. Политизация учительских обществ вызвала конфликт между ними и земствами, состав которых уже в 1906 г. приобрёл значительно

¹⁰⁸ Михалев О. Ю. Организации либеральной интеллигенции в Воронежской губернии в 1905 г. // Новик. Воронеж, 2000. Вып. 3. С. 93–96.

¹⁰⁹ Ежегодник народной школы. М., 1908. Вып. 1. С. 147–149.

¹¹⁰ Там же. С. 144.

более умеренный характер, нежели годом ранее. Общества, вступившие в конфронтацию с земствами, были лишены субсидий и тем самым были поставлены на грань распада. Возрождение обществ взаимопомощи наметилось в 1908 г. Отстранившись от политики, учительство вновь обратилось к попыткам удовлетворить свои ближайшие материальные и духовные нужды. Изменился состав обществ, снизилась роль членов-соревнователей. Учителя приобрели опыт совместной общественной деятельности, стали стремиться к самостоятельности, в то время как члены-соревнователи привыкли решать и покровительствовать и поэтому не всегда могли понять и учесть действительные потребности педагогов¹¹¹.

С деятельностью обществ взаимного вспомоществования связаны первые три съезда учителей начальной школы в России и уникальные в отечественной истории опыты создания всероссийских учительских профессионально-политических союзов.

Первым всероссийским съездом учителей начальной школы фактически стал приезд на Всероссийскую торгово-промышленную выставку в Нижнем Новгороде 1896 г. тысяч педагогов. Такую возможность обеспечило Общество взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии, созданное Н. Ф. Анненским и присяжным поверенным С. С. Баршевым. В ответ на просьбы правлений других обществ оно организовало прием коллег со всей страны, размещение их в бесплатных общежитиях, устроенных в школах. К маю 1896 г. Общество получило свыше 5600 заявлений учителей о желании воспользоваться бесплатными «квартирами», и все они были удовлетворены¹¹². Кроме этого, Общество провело для гостей лекции, экскурсии, устроило несколько поездок и вечеринок, добилося от пароходств Оки и Волги льготного тарифа для педагогов. На этом съезде впервые встретились педагоги со всех концов Российской империи. Как писал деятель педагогического движения, в период вы-

---

¹¹¹ Зеленко В. Указ. соч. С. 64.

¹¹² Отчет правления Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии за 1913 год. XX год существования. Нижний Новгород, 1914. С. 6.

ставки 1896 г. «нижегородские собраты и собратки на деле показали, как полезно и необходимо учительское объединение и какую силу представляют из себя народные учителя, если они организуются в союзы»¹¹³. Под влиянием этого съезда в течение нескольких лет педагогические общества взаимного вспомоществования были организованы во многих губерниях. Уже спустя 6 лет (в 1902 г.), на выставке по народному образованию Курского губернского земства учительство, по словам современника, «выглядело гораздо сознательнее, сплоченнее и активнее», чем в Нижнем Новгороде в 1896 г.¹¹⁴

Идея созыва настоящего съезда обществ взаимопомощи возникла в связи с перепиской этих обществ по частному вопросу — об устройстве санатория для учителей (это предложение сразу после выставки 1896 г. высказало Нижегородское общество). Хотя переписка не привела к практическому разрешению поднятого вопроса, она послужила толчком к мысли о желательности устройства съездов представителей обществ взаимного вспомоществования для обсуждения всех вопросов «учительского быта». С таким предложением Калужское общество в 1900 г. обратилось к Московскому обществу попечения о быте учащихся, которое взяло на себя разработку программы съезда и благодаря настойчивости своего председателя князя Павла Д. Долгорукова (он же впоследствии был избран председателем съезда) добилось его разрешения. Съезд получил название I-го Всероссийского съезда представителей обществ взаимного вспомоществования лицам учительского звания (Москва, рождественские каникулы 1902—1903 гг.). На нем присутствовали представители 68 обществ (из 80 существовавших), а также делегаты 3 учительских вспомогательных касс и 3 обществ взаимопомощи земских служащих, где большинство членов составляли учителя. Число делегатов достигало 274, в том числе 57 из Москвы и 20 из С.-Петербурга. В работе съезда также участвовало 51 «сведующее лицо» — земские деятели, деятели народного образования, предводители дворянства (по должности они являлись председателями училищных советов)¹¹⁵.

¹¹³ Василевич В. В. Указ. соч. С. 26.

¹¹⁴ Золотарев С. Указ. соч. С. 244.

¹¹⁵ Труды I-го Всероссийского съезда представителей обществ вспо-

Съезд показал единодушное стремление к единению и общению педагогов между собой и постановил образовать союз учительских обществ. Кроме этого, он продемонстрировал нежелание учителя быть «узким профессиональным работником» и его стремление добиться «права на участие в общественной деятельности» через участие в сельских сходах и земских совещательных учреждениях по вопросам управления школой¹¹⁶. В докладе Московского охранного отделения утверждалось: «Характерным является то, что публика и делегаты охотно выслушивали доклады, в коих говорилось об объединении учащихся, о мелкой земской единице, о правовом положении учителей и на тому подобные тенденциозные темы, тогда как доклады, касающиеся чисто специальных вопросов относительно постановки учебного дела, совершенно почти игнорировались слушателями, так что на 2-й вечерней секции, где именно разбирались эти доклады, присутствовавших осталось всего человек 15–20»¹¹⁷. Съезд обнаружил также и глубину недовольства учителей своим положением и, несмотря на цензуру наблюдателей от Министерства народного просвещения, стал трибуной для множества критических замечаний в адрес ведомства и правительственной политики в области просвещения в целом. По данным политической полиции, «все тенденциозные заявления докладчиков и оппонентов были покрываемы шумными аплодисментами присутствовавших, а критика распоряжений Министерства народного просвещения — громким смехом»¹¹⁸. Оценивая итоги работы съезда, министр внутренних дел писал: «Находя, с точки зрения государственного порядка, крайне нежелательным объединение обществ, в задачах и деятельности коих заключаются основания к расширению их программ вторжением в область вопросов политических и относя к категории таких организаций общества вспомоществования лицам учительского звания, я признал бы необходимым не разрешать впредь

моществования... М., 1907. Т. 1. С. 1–29.

¹¹⁶ Там же. С. 149–150.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 75. Л. 11.

¹¹⁸ Там же. Л. 6.

съездов представителей этих обществ»¹¹⁹.

Для реализации постановлений съезда была образована комиссия С.-Петербургского общества, в которую вошли представители других учительских обществ¹²⁰. Однако постановления съезда фактически остались невыполненными. Попытки создания всероссийской организации пресекались Министерством народного просвещения и МВД, которые справедливо опасались, что деятельность такого союзного центра неизбежно примет оппозиционный характер¹²¹. Проект устава союза обществ вспомоществования и проект типового устава отдельных обществ были представлены в МВД в 1904 г. и остались без ответа. Внесение на рассмотрение правительства большинства намеченных съездом ходатайств было отложено «до наступления благоприятных условий», а после их наступления (революция 1905 г.) сравнительно умеренные требования первого съезда учительских обществ потеряли актуальность. Краткий систематический сборник постановлений съезда не был допущен к печати цензурой, так как Министерство народного просвещения не имело полной уверенности в том, что «все... постановления могут быть обнародованы без вреда для дела» (постановления съезда были изданы лишь в 1913 г.)¹²². Публикация «Трудов...» съезда из-за технических трудностей и нехватки средств состоялась лишь в 1907 г.

И, тем не менее, съезд оказал огромное влияние на активизацию деятельности учительских обществ. Например, Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в Тверской губернии, по воспоминаниям Н. В. Чехова, немедленно после съезда создало уездные отделения и попыталось провести в жизнь те постановления съезда, которые касались улучшения положения учителей и усиления их роли в управлении народным образованием. Общество ходатайствовало об

¹¹⁹ Там же. Л. 24 об.

¹²⁰ Труды Второго Всероссийского съезда... СПб., 1914. Вып. 1. С. 2–3.

¹²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 173. Д. 127.

¹²² Труды Второго Всероссийского съезда... СПб., 1914. Вып. 1. С. 5–6.

этом перед земскими собраниями, и его предложения были приняты почти целиком Новоторжским уездным земским собранием и частично рядом других. Собрания Тверского общества стали «особенно многолюдны и часты, на них съезжались учителя даже из очень далеких уездов, приезжали они на общие средства товарищей как их представители»¹²³. Благодаря съезду период 1903—1905 гг. стал временем наибольшей активности обществ взаимного вспомоществования учащим и учившим. Идея создания единого профсоюзного центра нашла отражение в организации Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию, который привлекал в свои ряды новых членов с помощью обществ взаимного вспомоществования. Именно эти общества обеспечили массовый характер Союза и его превращение (правда, совсем ненадолго) в одну из влиятельных политических организаций страны.

Проведение второго съезда представителей обществ взаимопомощи лицам учительского звания была возложена на С.-Петербургское педагогическое общество взаимопомощи. Его созыв был намечен на 1905—1906 гг., но разрешение на него было получено только в 1913 г.¹²⁴ Второй съезд (имени К. Д. Ушинского, С.-Петербург, рождественские каникулы 1913—1914 гг.; председатель — С. А. Золотарев, глава правления С.-Петербургского педагогического общества взаимопомощи) собрал представителей от 108 обществ взаимопомощи из 130 существовавших, которые объединяли около 50 тысяч членов, т. е. около одной трети учительства. Это был грандиозный форум, который уже не был подконтролен Министерству народного просвещения. О настроении на этом съезде агент Департамента полиции сообщал: «Среди народных учителей нет “довольных”, недовольны все. Главная причина недовольства — скверное материальное положение и грубости со стороны местной низшей администрации. К “активным выступлениям” народные учителя едва ли подготовлены. Но к участию во всеобщей забастовке протеста

---

¹²³ Чехов Н. В. Работа среди учителей прежде и теперь // Научный архив Российской академии образования. Ф. 21. Оп. 1. Д. 484. Л. 21.

¹²⁴ Труды Второго Всероссийского съезда... СПб., 1914. Вып. 1. С. 7—12.

подготовлены в полной мере»¹²⁵. Резолюции съезда касались в основном улучшения условий работы учителей, но частью прямо или косвенно затрагивали и политические вопросы. Съезд вновь высказался за необходимость привлечения учителей к управлению народным образованием и по инициативе Г. А. Фальборка выразил пожелание, чтобы действие земских учреждений было распространено на всю Россию, чтобы «в круг их ведения вошли все жизненные вопросы страны и чтобы в составе их были представители всего населения». Вновь было решено стремиться к организации всероссийского профсоюза учителей как федерации обществ взаимопомощи¹²⁶. Созыв 3-го съезда был намечен в Москве летом 1916 г. (из-за первой мировой войны съезд не состоялся) Для реализации принятых решений съезд избрал Финансово-исполнительную комиссию (Н.В. Чехов, В.И. Чарнолуцкий, С.А. Золотарев и другие деятели народного образования). Комиссия издала «Труды...» съезда и в 1915 г. добилась создания Всероссийского педагогического общества (члены его Совета — В.А. Зеленко, Золотарев, В.П. Вахтеров, Н.В. Чехов, А.Я. Гуревич и др.), одной из задач которого было оказание содействия учительским и педагогическим обществам¹²⁷.

Деятельность обществ взаимного вспомоществования учащим и учившим подготовила создание Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию в ходе первой русской революции. Сам факт его сравнительно длительного существования стал решающим в складывании корпоративного самосознания учителей начальной школы; они впервые из скромных, подчас забытых условиями своего существования сельских тружеников стали гражданами и превратились в участников «большой истории».

Учредительный съезд Союза был подготовлен совместно петербургским и московским организационными бюро. Открытие съезда состоялось 7 июня 1905 г. в С.-Петербурге, но

¹²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 31. Л. 3.

¹²⁶ Труды Второго Всероссийского съезда... СПб., 1914. Вып. 1. С. 84, 93, 108—109.

¹²⁷ О деятельности Всероссийского педагогического общества см.: Михайлова М. В. Указ. соч. С. 123—125.

ввиду «внешних осложнений» заседания съезда были перенесены в Великое княжество Финляндское. Съезд избрал Центральное бюро Союза и после долгих дебатов утвердил проект устава Союза, согласно которому он одновременно являлся «профессиональным и политическим». Основной задачей Союз признал «борьбу за политическую свободу России и за передачу власти в руки народа» и в этой части повторял общую программу революционно-демократического лагеря. В деле народного образования Союз отстаивал программу педагогического движения, складывавшегося на рубеже XIX–XX вв. Поставив целью добиваться коренной реформы школы на началах «свободы, демократизации и децентрализации», Союз провозгласил следующие задачи: введение всеобщего, бесплатного и обязательного начального обучения, установление полной свободы преподавания на родном языке населения, передача заведования народным образованием органам местного самоуправления, исключение Закона Божьего из числа обязательных предметов преподавания, установление полной преемственности между начальной и средней ступенями образования¹²⁸. Характерно, что вопросы, касавшиеся улучшения положения членов Союза, занимали в его программных требованиях второстепенное место¹²⁹.

Членами Союза могли быть учителя начальных и средних учебных заведений, как находившиеся на службе, так и в отставке, а также «деятели по народному образованию». На практике Союз стал объединением почти исключительно учителей начальной школы, так как материально-правовое положение, социальный состав и статус учителей средней и начальной школы не имели почти ничего общего. Учителя средних школ 7 апреля 1905 г. образовали в С.-Петербурге свой Союз (учредительный съезд состоялся в Иматре 9–11 февраля 1906 г.), но он имел значительно меньше членов и не обладал заметным влиянием. Представитель Союза учителей и деятелей средней школы выступил на учредительном съезде

---

¹²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 241. Д. 31. Л. 1–2 об.

¹²⁹ *Тебиев Б. К.* На рубеже веков: Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX – начала XX веков. М., 1996. С. 133.

Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию с сообщением, что учителя средней школы хотели бы сохранить автономию в рамках общей организации, не растворяясь в более энергичной и решительной массе народных учителей, но это предложение было отвергнуто¹³⁰. На своем 2-м съезде (С.-Петербург, 4–7 июня 1906 г., 140 делегатов и представителей различных организаций) Союз учителей средних школ вновь выразил готовность объединиться на началах федерации, однако это намерение осталось нереализованным. Вскоре после проведения своего 3-го съезда (С.-Петербург, 1907) этот Союз распался¹³¹.

Как и в обществах взаимного вспомоществования, во Всероссийском союзе учителей и деятелей по народному образованию преобладали преподаватели земской школы, а руководящее положение заняли «деятели народного образования». Безусловными лидерами Союза стали Н.В. Чехов и В.И. Чарнолуцкий.

С момента образования Союза в нем, как и в большинстве других профессионально-политических союзов периода первой русской революции, наметились два течения, идейными руководителями которых были, с одной стороны, социал-демократы, а с другой, — эсеры. Сторонники первых полностью отрицали необходимость и право Союза заниматься политической деятельностью, считая, что Союз должен сосредоточиться исключительно на вопросах профессионального объединения и реформы народного образования. Приверженцы этого взгляда справедливо полагали, что политическая деятельность Союза отпугнет значительную часть преподавателей, совершенно не интересующихся политикой или исповедующих умеренные политические взгляды. Защитники противоположной точки зрения доказывали, что отстранение Союза от политики — утопия, так как никакой профессиональный союз нельзя спрятать от «могучего влияния жизни» и, как бы он не отгораживался от «политики», она сама во-

---

¹³⁰ Золотарев С. Очерк по истории учительского объединения в России // Профессиональные учительские организации на Западе и в России. Пг., 1915. С. 263–264.

¹³¹ Ежегодник народной школы. М., 1908. Вып. 1. С. 127–130.

рвется в его деятельность и потребует себе там определенного места, так как всякая борьба за экономическое улучшение в буржуазном обществе является одновременной борьбой против «полицейского государства». Если учителя борются за улучшение своего положения и за демократическую школу, которая возможна только в демократическом государстве, то для них совмещение борьбы политической с профессиональной является неизбежным¹³².

Уже на учредительном съезде Союза решение вопроса о его платформе вызвало со стороны делегатов из числа социал-демократов заявление об отказе от участия в союзе. Впоследствии многие сторонники РСДРП все же вошли в состав Союза, но борьба между двумя течениями продолжалась, вызвав раскол нескольких местных учительских групп. Так, в Суджанской группе Союза (Курская губерния) с конца 1905 — начала 1906 гг. социал-демократы вели сильную агитацию против Союза, а затем вышли из него, увлекли за собой часть беспартийных членов группы и образовали «профессиональный союз учителей Суджанского уезда»¹³³.

Второй съезд Союза (26—29 декабря 1905 г., Териоки, свыше ста делегатов) состоялся уже после Манифеста 17 октября и декабрьских боев и имел целью «выяснение тактики союза и его политической роли в переживаемый исторический момент». Съезд продемонстрировал преобладающее влияние эсеров на беспартийных педагогов и окончательно показал, что Союз превратился в радикальную политическую организацию. Делегаты вынесли следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что завоеванные народом гражданские права, признанные Манифестом 17 октября, игнорируются и нарушаются правительством, съезд признает необходимым фактически осуществлять их в жизни, не считаясь с ограничениями этих прав». Для этого было решено начать осуществлять «полную свободу преподавания», агитировать за немедленный переход заведывания школьным делом к особым коллегиальным органам в составе представителей от учителей, органов городского и земского самоуправления и крестьянских обществ.

---

¹³² ГА РФ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 18. Л. 1—1 об.

¹³³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 31. Л. 126.

Утвержден устав кассы взаимного страхования и избран ее ЦК. Признана необходимость немедленной организации суда чести при группах союза¹³⁴. Съезд рекомендовал членам Союза следующие меры борьбы с «реакцией»: подача коллективных протестов; бойкот мероприятий и деятелей, признававшихся реакционными; пропаганда среди населения и побуждение крестьян к составлению приговоров против реакционной политики; демонстративное коллективное увольнение и объявление учительским сообществом покинутых должностей под бойкотом; забастовка. Съезд постановил, что при «содействии политическому развитию населения» учителя «должны действовать по указаниям политических партий и в связи с последними». Вслед за радикальными партиями делегаты решили, что члены Союза не должны участвовать в выборах в Государственную думу, разъясняя населению истинный смысл созыва Думы «как новую попытку правительства обмануть народ путем создания фальшивого представительства», и устремить все усилия на борьбу за созыв Учредительного собрания¹³⁵.

По сведениям полиции, своих главных успехов Союз добился в распространении революционной литературы, в устной пропаганде революционных идей и контрпропаганде — борьбе против «черносотенных» изданий. Уединенное, далекое от начальства положение сельского учителя как нельзя более подходило для агитации среди крестьянства. Следуя директивам 2-го съезда, сельские учителя уже в начале 1906 г. стали систематически появляться на крестьянских сходах, где подстрекали крестьян не подчиняться властям, не признавать духовенства, захватывать помещичью собственность и т. д. Начальник Московского охранного отделения докладывал в августе 1907 г.: «Прямым следствием агитации учителей, принадлежавших к союзу, было образование “революционных братств”. Почти в каждой деревне, где проживает “союзный” учитель, образовалось братство. Оно большей частью состоит из молодых крестьян, которые по праздникам и свободным вечерам собираются в помещение школы для совместного чтения

---

¹³⁴ Ежегодник народной школы. М., 1908. Вып. 1. С. 50.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 241. Д. 31. Л. 4.

газет и книг, а также пения революционных песен»¹³⁶. Из других сообщений полиции о деятельности местных групп учительского Союза заслуживают внимания следующие. На районном учительском съезде в Пермской губернии было решено изъять из обязательных учебных предметов Закон Божий, причем протокол этот был подписан, в числе прочих участников съезда, и законоучителем-священником Тотмяниным, который по возвращении в свой приход стал подбивать крестьян «понемногу» рубить помещичий лес. В Иркутской губернии, после того как были уволены несколько десятков неблагонадежных учителей, местным отделением Союза были объявлены под бойкотом вакантные места в 39 школах. В Минской губернии 14 учителей, назначенных на места уволенных, в течение долгого времени бойкотировались остальными преподавателями¹³⁷.

Численность членов Союза быстро росла и, по данным Центрального бюро, составляла 7,2 тыс. человек к 10 октября 1905 г.¹³⁸, до 10 тыс. человек (объединенных в 138 отделений) к концу этого года¹³⁹, 16,3 тыс. членов к июню 1906 г.¹⁴⁰ В начале своего существования Союз привлекал новых членов главным образом через общества взаимопомощи, рассылая их правлениям агитационные материалы. На общих собраниях некоторых обществ по поручению Центрального бюро выступали члены союза с разъяснением его задач. В ряде мест наиболее активные члены обществ взаимопомощи покидали их и действовали исключительно в рамках Союза¹⁴¹. Союз стал массовым, однако все же он объединял лишь небольшую часть преподавателей начальной школы (в тот период их общее число превышало 100 тыс. человек). Большинство педагогов никогда не согласились бы участвовать в антиправительственной организации, а многие учителя, вступив в Союз при плохой освеще-

---

¹³⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 31. Л. 69.

¹³⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 241. Д. 31. Л. 4–4 об.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 76. Т. 1. 177.

¹³⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 241. Д. 31. Л. 3 об.

¹⁴⁰ Ежегодник народной школы. М., 1908. Вып. 1. С. 51.

¹⁴¹ Золотарев С. Очерк по истории учительского объединения в России // Профессиональные учительские организации на Западе и в России. Пг., 1915. С. 264.

домленности о его задачах, впоследствии выходили из него, не принимая «политическую» составляющую программы Союза и опасаясь преследований со стороны властей¹⁴².

В связи с этим 3-й съезд Союза (7–10 июня 1906 г., Выборг, 179 делегатов от 109 групп из 43 губерний, объединивших 6,3 тыс. человек; к концу съезда число делегатов увеличилось до 192) постановил «исключить из устава союза политическую платформу, как затрудняющую объединение учительства». Переход союза на «профессиональную платформу» привлек в него учителей — членов РСДРП, которые образовали в Союзе особый социал-демократический отдел. Однако в прямом противоречии с этой важной поправкой съезд, руководствуясь убеждением, что «участие учительства в политической борьбе является прямым долгом перед родиной и школой, реорганизация которой... представляется немыслимой в рамках бюрократического строя», принял решение «подготовить народ к восстанию и по первому сигналу поднять революцию», вменил в обязанность «сознательным» учителям «принять в освободительной борьбе самое деятельное участие на стороне народа и против его притеснителей».

Кроме этого, Центральное бюро в ноябре 1906 г. в странном бюллетене указало, что «хотя Союз и переименован из профессионально-политического в чисто профессиональный, но само бюро по-прежнему остается поборником политической деятельности союза». Равным образом и деятельность членов союза несколько не изменилась после третьего съезда и продолжала носить резко противоправительственный характер. По сведениям Департамента полиции, следствием пропаганды со стороны членов Всероссийского союза учителей явилось то, что во время предвыборных собраний во 2-ю Думу во многих местностях крестьянами выдвигалось требование скорейшего осуществления «всех свобод» и высказывался взгляд на Думу, как «на этап к Учредительному собранию для установления демократической республики»¹⁴³. Участники конференции Союза 3–7 января 1907 г. отмечали, что «стремлениям союза развить чисто профессиональную деятельность не удастся осуществиться

¹⁴² ГА РФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 76. Т. 3. Л. 297–304.

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 241. Д. 31. Л. 4–6 об.

и против воли внимание членов союза направляется в сторону чистой политики»¹⁴⁴. К этому времени противоречивое понимание роли «чистой политики» грозило расколоть организацию.

Вопрос о праве Союза на политическую деятельность был урегулирован на его 4-м съезде, который состоялся близ Выборга 18–24 июня 1907 г. (140 делегатов, главным образом, эсеры). По этому поводу на съезде происходили жаркие прения. Агент полиции, присутствовавший на съезде, отмечал, что только делегаты-эсеры полно, всесторонне и до конца изложили свою точку зрения на профессиональное движение и на учительский союз, в то время как социал-демократы ограничились частностями и защищали лишь мысль о непригодности политической деятельности для профессиональной организации. После того, как враждующие группы пришли к соглашению, соответствующий пункт устава был изложен в следующей редакции: «Съезд имеет право принимать резолюции по поводу событий и вопросов политической жизни, с которыми приходится сталкиваться Союзу при преследовании профессиональных задач... Центральный орган Союза обязан действовать в духе этих резолюций. Местные органы обязаны их огласить в сфере своего действия и в качестве организации не оказывать им противодействия. Что касается литературы, затрагивающей эти вопросы, таковая может быть распространена с соблюдением равновесия между различными идейными течениями при единственном условии, чтобы она не противоречила основным задачам Союза, выраженным в его уставе. Примечание 1. Отдельные члены союза вне его сохраняют право действовать по всем этим вопросам согласно своим политическим убеждениям и партийным директивам».

По предложению эсеров съезд принял еще одну символическую поправку к уставу, гласившую, что борьба Союза должна быть «согласована с такой же борьбой всех других слоев рабочего класса». Этим съезд утвердил свой взгляд на Союз как на «трудовую» организацию в противовес утверждениям социал-демократов, что учительский союз — «мелкобуржуазный».

Атмосферу съезда характеризует то, что он закончился

---

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 31. Л. 13.

торжественным пением марсельезы и похоронного марша¹⁴⁵.

4-й съезд Союза стал последним. С начала 1907 г. его деятельность постепенно ослабевала — главным образом под влиянием спада революционных настроений среди учителей, синхронных общему успокоению в стране. Сказались также меры МВД против Союза, который не предпринимал попыток легализации, бойкотируя таким образом Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. как акт, «изданный без санкции народа»¹⁴⁶. К июню 1906 г. специальная комиссия Союза зарегистрировала 801 пострадавшего за «политические убеждения и работу»: 175 уволенных, 556 арестованных, 25 высланных, 24 сосланных, 21 человек были вынуждены перейти на нелегальное положение, 5 человек погибли в ходе октябрьской всеобщей стачки и декабрьских вооруженных восстаний 1905 года¹⁴⁷. Характерно, что с приходом в Министерство народного просвещения графа И.И. Толстого учебное ведомство не только оставило сколько-нибудь серьезные попытки борьбы с учительским союзом, но и пыталось защищать педагогов перед МВД. Сами члены Союза отмечали, что после отказа Союза от «политической платформы» преследования со стороны администрации лишь за факт принадлежности к нелегальной организации прекратились, и все репрессии совершались за конкретные противоправительственные действия. К началу 1907 г. число пострадавших составило 1040 человек, т. е. за полгода увеличилось незначительно¹⁴⁸.

Поскольку, несмотря на решения 3-го и 4-го съездов, деятельность многих членов Союза, выступавших от его имени, по-прежнему носила революционный характер, Департамент полиции циркуляром от 28 января 1907 г. обратил особое внимание начальников губернских жандармских управлений и охранных отделений на «столь вредную деятельность народных учителей». Под влиянием этого призыва еще свыше 1000 «сознательных» учителей, по подсчетам Центрального бюро Союза, подверглись в судебном и административном по-

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2 об.

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 76. Т. 1. Л. 129.

¹⁴⁷ Там же. Т. 2. Л. 50.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 31. Л. 13.

рядке различным репрессиям (таким образом, всего за участие в деятельности Союза было в той или иной мере наказано свыше 2 тысяч человек). И впоследствии, в циркулярах от 21 июля 1907 г. и 2 сентября 1908 г., МВД обращало внимание губернаторов на то обстоятельство, что члены Союза «большой частью посвящают себя политической агитации» и оказывают «растлевающее влияние» на крестьянскую учащуюся молодежь¹⁴⁹.

Уже в 1907 г. значительная часть групп Союза прекратила существование. Характерно донесение о судьбе местной группы Союза начальника Екатеринославского губернского жандармского управления от 5 сентября 1907 г.: «Имею честь донести, что в течение истекшего полугодия и до сего времени в Екатеринославской губернии никакой обращающей на себя внимание агитации Союза учителей не обнаружилось; вообще среди этой категории лиц в настоящее время нет сплоченности и стремления поднять революционное брожение среди крестьян, так как все видные деятели были изъяты из учительской среды еще в 1906 году и высланы, а возвратившиеся из ссылки не допущены вновь на должности»¹⁵⁰. Начальник Нижегородского губернского жандармского управления (в Нижегородском уезде в 1905–1907 гг. существовала очень сильная организация Союза) в тот же период сообщал: «Некоторые учителя различными способами поддерживают отношения с центральным бюро союза и иногда действуют в соответственной программе союза направлении, но деятельность этих учителей в настоящее время между собой не объединена, и каждый агитирует население самостоятельно, причем агитация ведется не систематично, а случайно: то среди одних, то среди других слушателей»¹⁵¹. Как видно из донесений губернских властей, в 1908–1909 гг. в результате принятых мер местные организации учительского союза были приведены в полное расстройство и почти повсеместно прекратили свое существование.

* * *

---

¹⁴⁹ Там же. Л. 6 об.—7.

¹⁵⁰ Там же. Л. 202.

¹⁵¹ Там же. Оп. 238. Д. 31. Ч. 29. Л. 91–91 об.

Особенности складывания общности учителей как одной из групп зарождавшегося гражданского общества были обусловлены условиями труда сельских педагогов, их социальным составом, уровнем доходов и особым, пограничным положением между «третьим элементом» и государственными служащими, формированием в последней трети XIX в. представления о высокой общественной значимости учительского труда. Учительство начальной школы стало первой массовой группой отечественной интеллигенции, в составе которой к общественной деятельности, к участию в гражданских акциях приобщались женщины. Идеология умеренного народничества (равенство, долг интеллигенции перед народом, кооперация, теория «малых дел» и т. п.) стала стержнем профессиональных ценностей новой группы и как нельзя лучше отвечала условиям работы учителей сельских школ. Формирование гражданской идентичности учителей начальных школ происходило и под сильным влиянием земских деятелей, благодаря которым учительство приобщалось к важнейшим либеральным ценностям, таким как публичность и самоуправление.

В императорской России учителя начальной школы постепенно выросли в значительную общественную силу, но низкий уровень образования, разрозненность и замкнутый образ сельской жизни приводили к тому, что учителя фактически выступали в качестве «ведомой» группы, готовой к восприятию как умеренных оппозиционных идей, так и революционных лозунгов. Характерно, что общества взаимопомощи учителей, особенно на первом этапе своего существования, не могли действовать как чисто профессиональные организации, без посторонней поддержки: они пользовались деловым и идейным сотрудничеством деятелей местного самоуправления и фактически получали значительную часть доходов от них же в виде субсидий от земских и городских учреждений, пожертвований частных благотворителей. Вместе с тем, гражданская активность учителей сельских школ возрастала в геометрической прогрессии с 1890-х гг. и приносила ощутимую практическую пользу как для дела начального образования, для крестьянства, так и для самих педагогов. Несомненно, что деятельное участие учителей в первой русской революции в значительной степени способствовала началу

реализации государственной программы всеобщего начального обучения. Законопроект по этому вопросу был разработан в Министерстве народного просвещения в 1906 г., и хотя впоследствии он так и не получил законодательного утверждения, Министерство фактически начало его реализацию в 1907–1908 гг. Зарплаты учителей повышались, вводилось их обязательное пенсионное обеспечение, было начато активное школьное строительство (до этого начальные школы ютились главным образом в наёмных крестьянских избах), в том числе строительство благоустроенных квартир для педагогов; сеть начальных школ стала развиваться по определённым плану, в большинстве уездов создание условий для общедоступного начального обучения должно было завершиться в 1918–1920 гг. Роль земств в области начального образования значительно возросла, фактически было признано право «учащих» на участие в управлении земской школой на уровне уезда. Уже после Февральской революции вновь созданный массовый профессиональный союз школьных педагогов – Всероссийский учительский союз – превратился в одно из основных общественно-политических объединений в России, пока не был разогнан в конце 1918 г. большевиками.

Глава 4.

ГРАЖДАНСКАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Российская империя второй половины XIX – начала XX в. переживала период динамичной социальной модернизации. Уходящие корнями в предшествующее столетие процессы эрозии сословных структур интенсифицировались благодаря ускоряющимся темпам урбанизации и профессионализации общества, подкрепленные тенденцией распада сословной парадигмы сознания. Формирование новых социальных групп в недрах разрушающегося строя представляло собой сложный процесс поиска иного типа социальных связей и средств самовыражения. Обретение новыми, прежде всего городскими, слоями собственного статуса и языка, выходящего за рамки существующего государственного или сословного дискурса, происходило в формирующейся публичной сфере, или сфере гражданского общества.

Интерактивные процессы, развивавшиеся между институтами гражданского общества (добровольными ассоциациями, прессой, профессиональными организациями) и теми социальными группами, «которые не соответствовали или не были удовлетворены традиционными правовыми, социальными или культурными категориями»¹, приводили к созданию новых категорий и формированию локальных, региональных и общероссийских сетей взаимодействия. Интериоризация

---

¹ *Kassow S., West J., Clowes E. Introduction // Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / E. Clowes, S. Kassow, J. West (Eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 6.*

и репрезентация индивидами и группами своей новой категориальной и сетевой принадлежности происходила в форме специфической для империи гражданской идентичности².

Лежавшие в основе гражданской идентичности принципы эгалитаризма, культуры участия и ценностные установки на общественное благо, общественное служение в то же время являлись составными элементами идеологии профессионализма в том виде, в каком она сложилась не только в России, но и в европейских и американском обществах второй половины XIX — начале XX столетия. На базе этих принципов сформировались основные признаки идеального типа профессии: обладание абстрактным теоретическим знанием, самоуправление, альтруизм (этос служения)³, впоследствии зафиксированные классической англо-американской социологией профессий.

Отказавшись вслед за неомарксистской и неовеберианской критикой от рассмотрения данных признаков в качестве объективных маркеров «истинной профессии», можно проследить, как в дискурсивных рамках профессионального проекта выполнялась работа классификации, идентификации и эксклюзии, ориентированная на создание группы и групповой идентичности. Изучение того, как критерии абстрактного теоретического знания, автономии и альтруизма использовались в профессиональном дискурсе и практике для распределения индивидов по категориям «профессионал», «полупрофессионал» и «непрофессионал», а также для формирования специфического самопонимания, основанного на неинструментальной (не связанной с экономическим интересом) «картине мира» и соответствующих моделях социальной активности, позволяет судить не только о специфике формирования групповой идентичности профессионалов, но и о типологической взаимосвязи профессиональной и гражданской идентичности.

---

² Tilly Ch. *Citizenship, Identity and Social History* // *Citizenship, Identity and Social History* / Ch. Tilly (Ed.). Cambridge, 1996. P. 7.

³ Лукаш О.В. Социология профессиональных групп: определение понятий // *Профессиональные группы интеллигенции* / Отв. ред. В.А.Мансуров. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. С. 67.

Наиболее перспективным, с точки зрения изучения генезиса гражданской идентичности в условиях Российской империи, представляется исследование профессиональной корпорации адвокатов или присяжных поверенных, формировавшейся на основании критерия наличия абстрактного теоретического знания, обладавшей, хотя и не в полном объеме, корпоративной автономией, активно задействовавшей в дискурсивном пространстве профессионального проекта топос «общественного служения». Основным отличием адвокатуры от других профессионализирующихся слоев Российской империи являлась ее ранняя институционализация в рамках профессиональной корпорации в эпоху Великих реформ.

Возникновение присяжной адвокатуры в той форме, какую она обрела в статьях Судебных Уставов, безусловно, представляло собой реализацию принципов либеральной правовой идеологии, которой руководствовались авторы судебной реформы⁴. Делегирование части властного ресурса бюрократии общественным структурам как основная идея, легшая в основу корпоративного самоуправления присяжных поверенных, открывало перед адвокатской корпорацией беспрецедентные для империи перспективы институционализации независимой от традиционных (бюрократических, сословных, родовых) структур социoproфессиональной группы. Однако корпоративное самоуправление, являвшееся ядром профессиональной автономии, распространялось не на всю территорию империи, где были введены новые судебные установления, следовательно, процесс формирования профессиональной группы имел ярко выраженную локальную специфику. Более того, корпорация не обладала другим необходимым признаком профессиональной автономии — правом контроля над рынком предоставляемых услуг, то есть не могла произвольно максимизировать объем экономического вознаграждения, получаемого ее членами.

В этих условиях дальнейшее развитие корпорации представляло собой ряд последовательных попыток закрытия и консолидации группы на основании возведения институ-

---

⁴ *Levin-Stankevich B. L. The Transfer of Legal Technology and Culture: Law Professionals in Tsarist Russia // Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History / Ed. by H.D. Balzer. Armonk, NY, 1996. P. 236.*

циональных и символических границ. Результатом активного применения разнообразных эксклюзивных практик являлось формирование идентификации члена профессиональной корпорации, чьи действия были соотнесены с определенным этическим кодом, а квалификация и нравственность гарантирована социопрофессиональной группой. Особое звучание в профессиональном дискурсе адвокатуры темы нравственной ответственности профессионала перед обществом и клиентом обуславливалось спецификой развития правовой сферы в России, той траекторией, которой следовала эволюция базовых элементов судебной системы в дореформенный и постреформенный периоды.

Характерными чертами дореформенного судоустройства являлись сословность и многоступенчатость, предполагавшая исполнение высшими судами по отношению к низшим функций ревизионных и апелляционных инстанций. Судебный процесс основывался на системе формальных доказательств и имел три различные формы в зависимости от специфики разбираемого дела: «в случаях государственных и других тяжких преступлений применялся преимущественно розыскной процесс, при рассмотрении маловажных уголовных и гражданских дел — преимущественно состязательный процесс и в остальных случаях — смешанная форма процесса...»⁵. Окончательная отмена пытки в 1802 г. и телесных наказаний в 1863 г. способствовала сближению процедур, применяемых во всех формах процесса⁶.

Наличие в дореформенном судебном процессе элементов состязательности и возможностей апелляции при сохранении системы формальных доказательств, предполагавшей грамотное, с точки зрения действующего законодательства, составление судебных бумаг, стимулировало развитие практик судебного представительства. Правовое регулирование данного вида практик осуществлялось на основании положения, согласно которому ходатайствовать по чужим делам в общих

---

⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2-х т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин. Т. 2. С. 52.

⁶ Там же. С. 54.

судебных установлениях могло любое правоспособное лицо. Исключение здесь составляли «малолетние, духовные особы, монахи, лица, состоящие под надзором, или лишенные по суду прав состояния, доброго имени, подвергшиеся по суду телесному наказанию», а также чиновники, если последние ходатайствовали в тех местах, где служили⁷. «Поверенный, действуя в суде вместо верителя» представлял «его лицо»⁸, то есть сам оставался лицом частным, чьи действия регулировались общегражданским законодательством. Специально оговаривалась лишь мера наказания за нарушение 195 ст. СЗ, перечислявшей те категории населения, которые не имели права представительства в судах.

В 1832 г. законодательная база, регулирующая судебное представительство, была дополнена законом «Об учреждении коммерческих судов, и уставе их судопроизводства»⁹, ставшим одной из первых попыток институционализации данного вида практик. К середине XIX в. на территории Российской империи существовало десять коммерческих судов, разбиравших торговые споры между купцами и между купцами и представителями других сословий; первый коммерческий суд был открыт в 1808 г. в Одессе, последний в 1853 г. — в Тифлисе¹⁰. При каждом коммерческом суде состоял штат присяжных стряпчих, принадлежность к которым оформлялась решением суда и принесением присяги (§ 24–26), а также фиксировалась в специальных списках (§ 22). Основанием для приема считались документы, свидетельствующие о наличии определенных юридических знаний и благопристойном поведении лица, желающего поступить в присяжные стряпчие (§23). Деятельность стряпчих ограничивалась юрисдикцией того коммерческого суда, к которому они были приписаны, но, кроме них, право на

⁷ Свод Законов Российской империи. Изд. 1857. Т. 10. Ч. 2: Законы о судопроизводстве и взыскания гражданских. Ст. 185, 195.

⁸ Там же. Ст. 191.

⁹ ПСЗ. Т.7. № 5360 (1832). Говоря о «первой попытке», автор не рассматривает институты правозаступничества и судебного представительства, существовавшие на территории Царства Польского, Остзейских и Прибалтийских губерний, анализ которых является предметом специального исследования.

¹⁰ Миронов Б.Н. Указ соч. Т. 2. С. 52.

ходатайство в этих судебных инстанциях имели представители купеческих гильдий и гражданские чиновники, в том числе так называемые губернские стряпчие (§28–29).

Очевидно, что к середине XIX столетия судебное представительство приобрело форму устойчивой практики, частично институционализированной в судебных разбирательствах, касающихся области торгового права. Однако ходатайствующие по чужим делам продолжали рассматриваться в качестве частных лиц, не обладающих общим набором специфических статусных черт, их деятельность не включала в себя систему специальных процедурных правил и регулятивных норм, а отношения между собой и с судебной администрацией зачастую принимали форму сети неформальных связей и взаимодействий. В основе этих локальных сетей неформальных связей лежали как механизмы кооперации, так и механизмы конкуренции. В литературе рубежа XIX–XX вв., посвященной становлению адвокатской профессии в России, был широко растиражирован пример подобной конкурентной сети, восходящий к воспоминаниям присяжного поверенного П.А. Потехина. Последний, описывая конкурировавших между собой на ниве стряпчества чиновников — секретаря гражданской палаты и столоначальника низшего суда — отмечал, что «достаточно было секретарю знать, что столоначальник ведет дело, чтобы оно провалилось в палате, и достаточно было столоначальнику узнать, что секретарь принимает участие в деле, чтобы оно было проиграно в суде»¹¹.

Таким образом, мы можем говорить о том, что к началу разработки реформы судебной системы и судопроизводства ни социальной группы, ни социально-правовой категории судебных представителей не сложилось (определенным исключением здесь является небольшая по численности категория присяжных стряпчих при коммерческих судах). Отсутствие в административном языке унифицированной категории, включающей лиц, занимающихся судебным представительством, нашло свое отражение в диаметрально противоположных суждениях, высказанных при разработке проекта судебной

---

¹¹ Потехин П.А. Отрывки из воспоминаний адвоката // Право. 1900. С. 2213.

реформы — в записке кн. Д.А. Оболенского и ответе на нее С.И. Зарудного.

С точки зрения Д.А. Оболенского, «вопрос о том, может ли у нас в настоящее время существовать сословие адвокатов, разрешается... просто существующим фактом. Да, у нас есть уже и теперь сословие адвокатов, но сословие незаконное, вызванное к своему существованию силою вещей и необходимостью»¹². С.И. Зарудный, указывая на употребления своим оппонентом слова «адвокат» в слишком «обширном смысле», возражает: «...Для введения адвокатов необходимы *предварительные меры, допускающие возможность* (выделение в тексте: *Гессен И.В.* История русской адвокатуры) образования сего сословия»¹³.

«Предварительные меры», предлагаемые С.И. Зарудным, представляли собой институционализацию практик судебного представительства по модели, заложенной в законе «Об учреждении коммерческих судов» (1832). Однако дальнейший ход разработки судебной реформы показал недостаточность подобных мер¹⁴. Распространение состязательного процесса на все типы судопроизводств, замена канцелярской тайны и системы формальных доказательств гласным «судоговорением», дифференциация гражданских и уголовных дел предполагали возникновение наряду с судебным представительством новых практик судебного правозащитничества, отправление которых, по мнению авторов Судебных Уставов, могло быть доверено только строго определенной категории лиц, чье отношение к судебным местам и друг к другу было бы нормативно опосредовано и подвержено формальному контролю.

Институционализация практик судебного представительства и правозащитничества, а также оформление социально-правовой категории судебных представителей и правозащитников, объединенных под общим названием

---

¹² Цит. по: *Гессен И.В.* История русской адвокатуры. Т. 1: Адвокатура, общество и государство. М.: Изд. Советов Присяжных Поверенных, 1914. С. 38–39.

¹³ Там же. С. 41.

¹⁴ *Коротких М.Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России: Сущность и социально-правовой аспект формирования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 132–133.

присяжных поверенных¹⁵, были осуществлены «Учреждением судебных установлений» Судебных Уставов 1864 г., разделом «О лицах, состоящих при судебных местах», главой «О присяжных поверенных»¹⁶. Согласно данному документу, вводимый институт присяжных поверенных представлял собой независимую от государства профессиональную корпорацию, включенную в систему судопроизводства на основании права и обязанности ведения уголовных и гражданских дел во всех судебных инстанциях империи¹⁷. Документом законодательно закреплялись принципы формирования персонального состава адвокатуры¹⁸, права и обязанности присяжных поверенных¹⁹, а также правовые основания профессиональной самоорганизации и самоуправления, органами которого выступали общее собрание присяжных поверенных округа судебный палаты и избираемый ими совет, обладающий функциями административной и дисциплинарной власти²⁰.

Несомненно, одной из центральных идей положения о присяжных поверенных являлось конституирование адвокатской деятельности как альтернативы государственной службе. Об этом недвусмысленно свидетельствует прямой запрет поступать в присяжные поверенные лицам, «состоящим на службе от правительства, или по выборам» (ст. 355), а также текст комментария к 406 ст.: «При составлении этой статьи предполагалось установить правило о праве поверенных, при переходе их из сего звания в государственную службу на производство в чины... Но как присяжные поверенные не

---

¹⁵ Термин «присяжные поверенные» предложен графом Д.Н. Блудовым с целью отмежеваться от европейского опыта существования адвокатской корпорации. Об этом: *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 46.

¹⁶ Учреждение судебных установлений // Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений на коих они основаны: Официальное издание Государственной канцелярии. СПб., 1867. 2-е изд. Ст. 353–406.

¹⁷ Там же. Ст. 353.

¹⁸ Там же. Ст. 354.

¹⁹ Там же. Ст. 383–406.

²⁰ Там же. Ст. 357–378. Далее ссылки на статьи уставов даются в тексте в круглых скобках, ссылки на примечания к статьям и на «Рассуждения», а также ссылки на другие издания Судебных Уставов – в постраничных сносках.

могут считаться состоящими на действительной службе, то не может быть и речи о праве их на производство в чины, предоставляемые только лицам, состоящим на государственной службе»²¹. Тот факт, что присяжным поверенным было отказано в праве на производство в чин, представляется весьма значимым, поскольку система чинопроизводства служила одним из основных принципов социальной организации имперской бюрократии. Исключение из этой системы предполагало эмансипацию адвокатской корпорации не только на институциональном, но и на социальном уровне: юристы, занятые адвокатской практикой, и юристы, включенные в бюрократическую систему, уже не могли быть объединены в одну социальную категорию и тем более не могли сформировать одну социальную группу.

Допуская образование независимой адвокатской профессии, ориентированной на удовлетворение спроса частных лиц на юридические услуги (ст. 353)²², государство отказывалось от своей роли единственного работодателя в области юриспруденции²³. Уход с монопольных позиций на рынке интеллектуальных услуг, однако, не означал полного отказа от государственного регулирования становящегося «мира профессий», которое в институциональных условиях Российской империи приобретало форму кренденциализма²⁴. Явным выражением кренденциальной идеологии явилась статья Судебных

²¹ Там же. Ст. 406. Примечание.

²² «Присяжные поверенные состоят при судебных местах для занятия делами по избранию и поручению тяжущихся, обвиняемых и других лиц, в деле участвующих, а также по назначению...» — Учреждение судебных установлений. Ст. 353.

²³ *Balzer H.D.* Introduction // *Russia's Missing Middle Class*. P. 13.

²⁴ Кренденциализм — распределение людей по социальным позициям, особенно по местам занятости, на основе свидетельств о квалификации // *Джерри Д., Джерри Дж.* Большой толковый социологический словарь. — Т.1. — М., 2001. Российский вариант кренденциализма не является специфичным и, в общем, характерен для континентальной модели профессионализации, тесно связанной с университетской системой и бюрократией. О месте кренденциализма в континентальной модели профессионализации см.: *Абрамов Р.Н.* Толкотт Парсонс о профессиях и профессионализме // Социологический форум, 2001, № 1–4, Зима–Осень / Internet: club.fom.ru/books/doc2307071331.pdf [Посещение: 26.10.2011]

Уставов, посвященная «положительным» условиям приема в адвокатскую корпорацию (ст. 354): поступающий в присяжные поверенные должен был обладать дипломом университета или другого высшего учебного заведения²⁵ об окончании курса юридических наук или о сдаче соответствующего экзамена, а также не менее пяти лет состоять на службе по судебному ведомству или в качестве кандидата на должности при судебных местах. Таким образом, креденциальный и социальный ресурс, накопленный в процессе образования и прохождения стажа в рамках бюрократической системы, по мнению авторов судебной реформы, могли быть конвертированы в профессиональный статус в сфере частноправовых отношений. При этом конвертируемость социальных ресурсов при переходе из государственной службы в адвокатуру как свободную профессию имела односторонний характер, о чем свидетельствует рассмотренное выше положение об исключении срока деятельности в качестве присяжного поверенного из стажа, необходимого для чинопроизводства.

Прохождение пятилетней практической подготовки для поступления в присяжные поверенные допускалось и в рамках профессиональной корпорации посредством занятий судебной практикой в качестве помощника присяжного поверенного (ст. 354). В самих Судебных Уставах упоминания о помощниках исчерпываются этим положением, а в «Рассуждениях», дополняющих основной текст в издании 1867 г., данная категория характеризуется как лица, «которые, кончив курсы юридических наук, но нигде не служивши», могли бы, тем не менее, «иметь сведения и в судебной практике»²⁶. Помощникам, однако, не предоставлялось право самостоятельно приобретать необходимые практические сведения, т. е. самим ходатайствовать по чужим делам. Их деятельность, предположительно, должна была ограничиваться секретарскими функциями при патронах. Введение в текст Судебных Уставов данной полупрофессиональной категории без каких-либо дальнейших разъяснений ее объема и соотношения с

---

²⁵ Александровское Училище Правоведения, Демидовский Юридический Лицей, Нежинское Училище кн. Безбородко.

²⁶ Учреждение судебных установлений. Ст. 354. Прим.

категорией присяжных поверенных имело противоречивые последствия для становления профессии. С одной стороны, у адвокатской корпорации появлялась возможность создать внутренний, независимый от бюрократии, механизм воспроизводства группы. С другой, отсутствие правовой нормы, регулирующей прием в помощники и их деятельность, провоцировало возникновение на границах группы специфической «переходной зоны», статус которой оставался неопределенным до конца имперского периода.

Прием в профессиональную организацию на основании критериев теоретического знания и практического стажа должен был осуществляться органами корпоративного самоуправления — советами, ежегодно избираемыми на общих собраниях присяжных поверенных (ст. 364). Передавая в ведение корпорации вопрос о приеме и исключении, правительство, тем не менее, оставляло за судебными местами (судебными палатами и окружными судами) административную функцию «приписки к сословию присяжных поверенных» и приведение последних к присяге (ст. 381). Судебные палаты также выступали по отношению к органам корпоративного самоуправления в качестве апелляционных инстанций: туда могли быть приносимы жалобы и протесты прокуроров на все постановления советов, кроме таких дисциплинарных взысканий, как предостережение или выговор (ст. 376). Определения палат не подлежали дальнейшей апелляции (ст. 377), однако могли кассироваться в Правительствующем Сенате²⁷.

Передача корпоративным органам функции контроля над «входом» и «выходом» из профессиональной группы сопровождалась весьма любопытной рекомендацией, зафиксированной в «Рассуждениях» со ссылкой на журнал Государственного совета (Журн. 1864 г. № 48, с. 5): «При рассмотрении чьей либо просьбы о принятии в присяжные поверенные, совет должен, не только рассматривать представленные этим лицом письменные доказательства прав его на принятие в сие сословие [университетский диплом и аттестат о службе]...

---

²⁷ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие центральные государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. С. 119.

но сверх того собирать и необходимые о нравственных качествах его сведения»²⁸. Собранные сведения, если они могли быть расценены советом как неблагоприятные, признавались достаточным основанием для немотивированного отказа в приеме (ст. 380). При этом отказ по причине неблагоприятных сведений не мог быть обжалован в апелляционном порядке, поскольку «совету присяжных [поверенных] должны быть ближе и вернее известны нравственные качества человека, которого он не хочет принять, и высшее место... не должно предписывать принять в сословие присяжных человека, нравственная ответственность за которого будет падать на все сословие»²⁹. Таким образом, критерии знания и стажа дополнялись неформальным этическим критерием, отражающим как общепринятые моральные конвенции, так и субъективные представления руководящих членов профессиональной корпорации о нравственном поведении индивида в публичной сфере. Законодательное закрепление идеи о необходимости оценки моральных качеств субъекта, желающего поступить в адвокатуру, явилось развитием той системы аргументации, которой было подкреплено введение формальных условий приема, призванных, по мнению разработчиков Судебных Уставов, не только гарантировать знания и опытность кандидата, но и служить речительством его «нравственности... и честности убеждений»³⁰.

Кроме законодательно создаваемых ограничений в доступе к адвокатским занятиям, задачам обеспечения «нравственности» вновь образующегося «сословия» должен был служить специальный «надзор, который, не лишая их [присяжных поверенных] необходимой для защиты их доверителей самостоятельности, вместе с тем, с одной стороны, представил бы скорое и действительное ограждение частного лица от их стеснения, а с другой — служил бы средством к водворению и поддержанию между поверенными чувства нравственной ответственности перед правительством и обществом»³¹. Функ-

---

²⁸ Учреждение судебных установлений. Ст. 367. Прим.

²⁹ Там же. Ст. 357. Прим.

³⁰ Там же. Ст. 354. Прим.

³¹ Там же.

ция «надзора» также препоручалась органам корпоративного самоуправления (ст. 357), которые с этой целью были наделены весьма широкими дисциплинарными полномочиями. Рассматривая жалобы на действия присяжных поверенных и наблюдая «за точным исполнением ими законов, установленных правил и всех принимаемых ими на себя обязанностей, сообразно с пользой их доверителей» (ст. 367), советы имели право налагать на членов корпорации следующие дисциплинарные взыскания: предостережение, выговор, запрещение отправлять обязанности поверенного в продолжение определенного срока (не более года), исключение из присяжных поверенных, предание уголовному суду (ст. 368). Наложение взыскание не имело срока давности и могло вступать в силу через весьма длительный промежуток времени, например, при повторном зачислении в сословие³². Исключение из числа присяжных поверенных навсегда преграждало путь к повторному поступлению в корпорацию (ст. 355, § 8), а следовательно, лишало права на профессиональную деятельность в качестве судебного представителя и правозаступника.

Таким образом, та административная (прием в сословие) и дисциплинарная власть, которой Судебные Уставы наделяли советы, представляла собой выражение идеи о необходимости контроля не только над формальной стороной адвокатской практики, ее соответствием текущему состоянию правовой науки и законодательной базы, но и над этическим измерением действий присяжных поверенных. Столь пристальное внимание разработчиков судебной реформы к моральному аспекту отправления функций правозаступничества и судебного представительства, по мнению дореволюционных исследователей, обуславливалось несоответствием задач института адвокатуры, понимаемых в свете универсальной концепции прав человека, уровню развития частного и, в большей степени,

---

³² ЦИАМ. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 20. Л. 64. Подтверждено решением Правительствующего Сената 1893 г. № 42 // Полный свод решений общего собрания первого и кассационных департаментов и кассационных департаментов Правительствующего Сената: за 1886-1896 гг. / Сост. Л.М. Ротенберг. Издание неофициальное. Екатеринослав: Тип. М.С. Копылова, 1909. С. 570.

публичного права империи³³. На наш взгляд, причина явного акцента на этической стороне вопроса кроется в специфике правовой культуры реформаторов, в различных пропорциях сочетавшей в себе как элементы западной правовой идеологии, так и традиционное, закрепленное на культурном уровне, недоверие к формальному праву как институту социального регулирования³⁴.

Возможность использования профессиональными адвокатами формальных правовых норм во вред интересам частных лиц или, что еще более важно, интересам правительства ставила эту категорию юристов в глазах имперской бюрократии в особые, по сравнению с другими профессионализирующимися слоями, условия. Эти условия, с одной стороны, требовали наличия наделенной достаточно широкими полномочиями внутрикорпоративной инстанции, репрезентирующей профессиональную группу в публичном пространстве — перед лицом «правительства и общества» — и отвечающей за нравственный уровень каждого отдельного члена корпорации. С другой, они не позволяли однозначно и положительно решить один из главных вопросов, возникающих в процессе становления профессии: вопрос о монопольном контроле над сферой предоставляемых услуг. Установление монополии откладывалось Судебными Уставами на неопределенный срок и ставилось в зависимость не только от достаточного количества присяжных поверенных в том или ином судебном округе, но и от решения министерства юстиции, утвержденного высочайшей волей (ст. 387–388).

Таким образом, получив право контроля над «входом» и «выходом» из профессии и внутрикорпоративную дисциплинарную власть, профессиональная группа, однако, была лишена возможности самостоятельно регулировать предложение на рынке интеллектуальных правовых услуг и не обладала внутренним механизмом воспроизводства профессии (законо-

---

³³ Гессен И.В. Указ. соч. С. 140; Винавер М.М. Адвокатура и правовое государство. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1905. С. 19.

³⁴ Живов В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Живов В.М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Изд. «Языки славянской культуры», 2002. С. 256.

дательно оформленным институтом помощников). В области профессионального дискурса, призванного легитимировать положение профессионала-эксперта в обществе, единственным ориентиром для формирующейся корпорации служила та система аргументации, которая была создана разработчиками Судебных Уставов и построена вокруг этического императива служения.

Амбивалентное наследие эпохи Великих реформ во многом предопределило траекторию развития профессионального сообщества адвокатов, специфику методов самоорганизации и позиционирования группы на уровне внешних социальных связей. Основным вектором этого развития являлась работа по созданию в рамках профессионального дискурса нового типа самоидентификации, которая бы позволяла индивидам, разделявшим такой категориальный атрибут, как звание присяжного поверенного, осознать и артикулировать общность своего социального положения и интересов³⁵. Создание разделяемого всей группой самопонимания или групповой идентичности, с одной стороны, основывалось и поддерживалось институциональными и символическими границами, возводимыми между представителями корпорации и значимыми «Другими», с другой — было тесно связано с формированием профессионального проекта адвокатуры, ориентированного на восходящую социальную мобильность группы.

Установление и артикуляция общности посредством институциональных и символических практик исключения являлось основным инструментом создания самоидентификации профессионального адвоката в условиях отсутствия монополии на рынке труда³⁶. Суть эксклюзивных практик, применяемых корпорацией, заключалась как в закрытии доступа к профессии определенным категориям лиц, так и в конструировании этих категорий, противостоящих в качестве символических «Других» базовой категории «присяжный поверенный». Не только регулируя возможность тех или иных социальных элементов войти в состав корпорации, но и

---

³⁵ Брубейкер Р., Кунер Ф. За пределами идентичности // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 78.

³⁶ Balzer H.D. *Op. cit.* P. 15.

определяя на категориальном уровне черты, соответствующие и не соответствующие профессиональному облику адвоката, органы корпоративного самоуправления создавали идеальный образ, с которым следовало себя идентифицировать рядовым членам сословия и который должен был репрезентировать профессию перед общественным мнением и бюрократией.

Несмотря на ключевую роль органов самоуправления в конструировании символической границ и создании на их основе нового типа идентификации, эти процессы представляли собой результат разнонаправленных, зачастую конфликтных индивидуальных и групповых стратегий, реализуемых судебными инстанциями, советами, группами интересов внутри сословия и отдельными его представителями. Проследить эти стратегии возможно на основании внутрикорпоративной документации (отчетов советов и протоколов общих собраний поверенных³⁷) и постановлений апелляционных (судебные палаты) и кассационных (Правительствующий Сенат) инстанций, где мотивированно излагаются основания приема, отказа в приеме или исключения из сословия. Также значительный объем информации относительно конструирования границ группы посредством символической системы значимых «Других» содержится в публицистических произведениях, принадлежащих как самим присяжным поверенным, так и их оппонентам.

Разработанная в рамках профессионального дискурса символическая система значимых «Других» наиболее полно отразила разнообразие эксклюзивных практик, не всегда успешно реализуемых вне дискурсивного пространства. Данная система разворачивалась как в диахронном, так и в синхронном измерении. В свою очередь, в синхронном срезе различались внешние по отношению к корпорации (частные поверенные, присяжные стряпчие, «подпольная» адвокатура) и внутренние (помощники присяжных поверенных) «Другие». Для начального периода существования адвокатуры

---

³⁷ Поскольку Высочайшим повелением 5 декабря 1874 г. организация органов сословного самоуправления адвокатуры была приостановлена вплоть до начала XX в., в статье рассматриваются делопроизводственные материалы лишь трех, открытых до 1874 г., советов: Санкт-Петербургского, Московского и Харьковского.

(1866–1874)³⁸ характерно преимущественное внимание к установлению символических границ в диахронной перспективе. Базовой дихотомией для разграничения «своих» и «чужих» в этом случае является противопоставление присяжного поверенного и дореформенного ходатая, сопровождаемое радикальными утверждениями об отсутствии преемственности между практиками судебного представительства до и после реформы 1864 г., а также крайне негативными характеристиками предшественников.

«Мы народились не из них [дореформенных ходатаев], мы даже произошли не из пепла их, мы совсем новые люди, ни исторического родства, ни последовательной связи с ними не имеем, чем и можем гордиться», — пишет в своих воспоминаниях одна из центральных фигур Санкт-Петербургской корпорации П.А. Потехин³⁹. Ту же мысль проводит в торжественной речи на обеде в честь К.К. Арсеньева другой корифей петербургской адвокатуры В.Д. Спасович: «Зоологи доискиваются, но пока не доискались, а верят в первичное самозарождение организма (*spontanea generatio*). У нас именно имеется пример такого самозарождения. Ничего подобного не бывало на Руси. Мы пошли не *ex ovo*, мы не вылупились из скорлупы, мы без роду и племени»⁴⁰. Оба высказывания, несмотря на различные интенции говорящих, — речь Спасовича, произнесенная в 1875 г., была ориентирована на мобилизацию и сплочение слушающей аудитории, в то время как воспоминания Потехина, опубликованные лишь в 1901 г., выполняли функцию ретроспективной легитимации сложившегося порядка, — заключают в себе устойчивый образ разрыва преемственности и творения *ex nihilo*.

---

³⁸ Хронологические рамки периода обусловлены тем, что в 1866 г. новые Судебные Уставы вступили в силу в Санкт-Петербургском и Московском округе, после чего последовало образование двух первых региональных корпораций адвокатуры в Санкт-Петербурге и Москве; в 1874 г. был принят закон, регулирующий практики судебного представительства и правозаступничества вне присяжной адвокатуры и конституирующий на правовом уровне полупрофессиональную категорию частных поверенных.

³⁹ Потехин П.А. Указ. соч. С. 2213.

⁴⁰ Спасович В.Д. Речи. Лейпциг, 1903. С. 86.

Конструирование символической границы между индивидами, осуществлявшими практики судебного представительства до реформы, и формирующейся профессиональной группой посредством мифологемы «творения из ничего» сопровождалось постоянной актуализацией и тиражированием негативного образа дореформенных ходатаев. Особой популярностью в этом отношении пользовалась броская формулировка, данная еще в 1860 г. будущим присяжным поверенным А.В. Лохвицким: «Поверенные, для которых стряпческое занятие составляет профессию[,] у нас двух родов. Одни прямые наследники подьячих старого времени, — они берут по двугривенному и штофу водки за сочинение просьбы, по пяти и десяти целковых за фальшивый паспорт; есть у них и такса за фальшивое свидетельство, за фальшивую подпись и проч. <...> Есть и другой род частных поверенных — аристократический. Эти люди с приличными манерами, хорошо одевающиеся, берущие за составление бумаги по несколько сот рублей, — они бывают большею частью из кончивших курс в высших учебных заведениях. ...Есть лица, пользующиеся громкой известностью, нажившие себе большое состояние, и самый невинный недостаток которых состоит в том, что они в одно и то же время пишут бумаги и истцу и ответчику и, конечно, с обоих берут деньги»⁴¹. Классифицируя и типологизируя дореформенных ходатаев, Лохвицкий тем не менее объединял их в одну категорию по признаку неэтичности их деятельности, в некоторых случаях граничащей с преступлением закона. Такое «подведение под общий знаменатель» регионально и социально специфичных практик судебного представительства обуславливалось тем, что только обобщенный образ ходатая мог стать функциональным элементом дихотомии, на одном полюсе которой располагалось новое сословие присяжных поверенных, а на другом — дореформенное «крапивное семя».

Задачи, которые были призваны решать дихотомия «дореформенный ходатай — присяжный поверенный» и мифологема «разрыва» преемственности практик, осуществляемых этими двумя категориями, обуславливались спецификой по-

---

⁴¹ Лохвицкий А.В. Русское слово. 1860. Февраль. Цит. по: Гессен И.В. Указ. соч. С. 10–11.

реформенного положения социо-профессиональной группы. Фактически наследуя у дореформенных ходатаев функцию судебного представительства, адвокатская корпорация не была гарантирована от притока кадров, обладающих опытом хождения по делам в прежних судебных установлениях, как это изначально предполагалось составителями Судебных Уставов. Дело в том, что для быстрого формирования корпуса юристов, способных и готовых к осуществлению правозаступнической деятельности в обновленных судах, в правилах приема был сделан ряд временных послаблений. С 1865 по 1871 гг. в сословие допускались лица, 1) «кончившие курс юридических наук в высших учебных заведениях, если они прослужили четыре года по судебному ведомству или же занимались не менее пяти лет ведением дел в судебных местах в качестве поверенных»; 2) «лица, кончившие курс наук в высших учебных заведениях, хотя и не по юридическому факультету, или же не получившие воспитания в высших учебных заведениях, если они прослужили по судебному ведомству не менее пяти лет и в течение этого времени занимали не менее года должность секретаря Сената, или такие должности не ниже VII класса, на коих могли приобрести практические сведения в производстве и решении судебных дел»⁴².

Как утверждают авторы ряда исторических обзоров, доля лиц, не имевших высшего образования, была весьма незначительна по сравнению с общим количеством присяжных поверенных, принятых в сословие по облегченным правилам, например, для Москвы этот процент не превышал 7%⁴³. По свидетельству К.К. Арсеньева, санкт-петербургским советом также, в основном, использовался первый пункт 44-й статьи «Положения», сокращавший необходимый для поступления минимальный стаж государственной службы или допускав-

---

⁴² Положение о введении в действие судебных уставов, Высочайше утвержденное 19 октября 1865 г. 44 ст. («Временные правила»). Цит. по: Макалинский П.В. С.-Петербургская присяжная адвокатура. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1889. С. 2–3.

⁴³ Тагер П.С. Административная деятельность советов // История русской адвокатуры. Т. 2: Сословная организация адвокатуры. 1864–1914. М.: Изд. Советов Присяжных Поверенных, 1916. С. 188.

ший зачет в стаж практику в качестве частного ходатая⁴⁴. Таким образом, в первые годы своего существования корпорация фактически была открыта для входа лиц, осуществлявших практики судебного представительства до реформы, что в контексте публичной дискуссии об адвокатуре времен разработки Судебных Уставов создавало значительные трудности для последующей легитимации и создания позитивного образа новой профессии.

Кроме того, отсутствие монополии на рынке предоставляемых услуг ставило присяжных поверенных в жесткие условия конкуренции с лицами, осуществляющими ходатайство по делам на основании не отмененных Судебными Уставами статей Свода законов 1857 г. Вопрос об установлении комплекта, т. е., по сути, введения профессиональной монополии, дважды ставился санкт-петербургским советом присяжных поверенных в 1866 и 1868 гг., оба раза был поддержан судебной палатой, но оставлен без разрешения министерством юстиции⁴⁵. Таким образом, в ситуации, когда установленные Судебными Уставами институциональные границы были в значительной степени проницаемы, а хождение по делам не являлось монопольным правом профессиональной корпорации, выстраивание символической границы в диахронной перспективе проецировалось на актуальное состояние судебной системы и служило инструментом борьбы, направленной на завоевание рынка и повышение престижа профессии.

Поворотным моментом в урегулировании практик судебного представительства вне адвокатского сословия стало издание закона 25 мая 1874 г. о частных поверенных, предоставившего право хождения по чужим делам в общих и мировых судебных установлениях не только присяжным поверенным или родственникам тяжущихся⁴⁶, но любому правоспособному лицу, получившему специальное свидетельство от определен-

---

⁴⁴ *Арсеньев К.К.* Заметки о русской адвокатуре: Обзор деятельности санкт-петербургского совета присяжных поверенных за 1866–1874 гг. СПб.: Тип. В. Демакова, 1875. Ч. 2. С. 3.

⁴⁵ *Макалинский П.В.* Указ. соч. С. 42–44.

⁴⁶ Учреждение Судебных Установлений. Ст. 389.

ного судебного учреждения (мирового съезда, окружного суда, судебной палаты)⁴⁷. Частным поверенным, согласно новому закону, мог стать человек, не имеющий университетского диплома, но прошедший испытание в судебном месте, от которого он получал свидетельство (§7), а также внесший в казну специальный денежный сбор: 40 рублей в год за свидетельство, полученное от мирового съезда, и 75 рублей — за свидетельство окружного суда или судебной палаты (§10). Свидетельство имело силу только в рамках юрисдикции того судебного установления, которым было выдано, однако число свидетельств, полученных одним лицом от разных судебных мест, законом не ограничивалось.

Таким образом, законом 1874 г. наряду с присяжными поверенными конституировалась вторая — полупрофессиональная — категория «частных поверенных», представителей которой объединяло занятие практикой судебного представительства и правозаступничества, отсутствие корпоративных институтов самоуправления и прямое подчинение органам юстиции (судебным палатам, окружным судам и мировым съездам). Впоследствии в процессе кассационной деятельности Правительствующего Сената эти социально-правовые категории обретали все более эквивалентный статус, о чем свидетельствуют как неоднократные решения, призванные подчеркнуть тот факт, что судебные установления обладают такой же властью в отношении частных ходатаев, что и органы корпоративного самоуправления — в отношении присяжных поверенных (решение по делу Рихтера 1876 г., № 11, по делу Авксентьева 1881 г., № 53, решение 1885 г. № 14)⁴⁸, так и регулирование механизма апелляций, приносимых на постановления советов на основе закона о частных поверенных (дело Фектушева 1879 г., № 14, дело Бернера 1885 г., № 13—14: отказ в приеме в присяжные поверенные и их помощники не подлежит опро-

⁴⁷ Правила о частных поверенных // ПСЗ. Т. XLIX. № 53573 (25.05.1874).

⁴⁸ Сборник решений общего собрания кассационных и первого с кассационными департаментов Правительствующего Сената за 30 лет (с 1866—1896 г.) / Сост.-ред. члена Санкт-петербургской судебной палаты А.К. Гаугер. Издание неофициальное. СПб.: Изд. юр. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1905.

тестованию в судебных палатах, так же, как и решения судов относительно приема в частные поверенные)⁴⁹.

Реакция на подобное урегулирование вопроса, следовавшая со стороны профессиональной адвокатуры, представляла собой развитие и переориентацию той дискурсивной системы, которая была направлена на конструирование диахронной символической границы. Образ частных поверенных в профессиональном дискурсе начал выстраиваться по аналогии и в качестве преемственного образу дореформенных ходатаев. Прежде всего, утверждалась прямая социальная преемственность: «Из кого состоит за немногим исключением частная адвокатура? К дореформенным дельцам, получившим на это занятие по закону 25 мая 1874 года официальный патент, присоединялись во множестве отставные военные и судебные пристава после разных неприятностей на службе, ремесленники и проторговавшиеся купцы, напрактиковавшиеся в ведении своих собственных дел...»⁵⁰. Кроме того, частный поверенный наделялся теми же базовыми характеристиками, что и дореформенный ходатай: отсутствием профессионального образования и нравственных принципов в области своей непосредственной деятельности: «Неразвитый и невежественный, не имеющий никакого понятия о нравственных принципах, без всякой солидарности даже со своими ближайшими товарищами, частный поверенный решительно невыносим, как противник, потому, что для него все средства хороши...»⁵¹.

Таким образом, образовательный и морально-нравственный факторы разграничения профессиональной группы и полупрофессиональных слоев оставались значимыми элементами конструирования символических границ и в синхронном срезе дискурсивного пространства. Однако основной акцент при выстраивании дихотомии «присяжный — частный по-

---

⁴⁹ Полный свод решений общего собрания первого и кассационных департаментов и кассационных департаментов Правительствующего Сената: за 1878—1885 гг. / Сост. Л.М. Ротенберг. Издание неофициальное. Екатеринбург: Тип. М.С. Копылова, 1909.

⁵⁰ *Грацианский Н.И.* Безурядица в адвокатуре // Юридическая летопись. 1890. № 7. С. 91.

⁵¹ *Вильский Н.Н.* Деморализуется ли наша адвокатура // Журнал гражданского и уголовного права. 1891. Кн. 1. С. 73.

веренный» был перенесен с описательного на категориальный уровень анализа: низкий нравственный уровень частной адвокатуры по сравнению с присяжной, объяснялся с точки зрения качественного различия данных социальных категорий. Наиболее последовательно этот взгляд был проведен в труде К.К. Арсеньева, вышедшем через год после закона о частных поверенных. По утверждению этого видного представителя санкт-петербургской адвокатуры, «корпорация, сплоченная тройною связью обычаев и преданий, самоуправления и нравственной солидарности, обладает такою внутреннею силой, которая недоступна для частных ходатаев, не имеющих, кроме однородности занятий, ничего общего друг с другом. <...> Состояние присяжных поверенных имеет такое же преимущество перед *совокупностью* частных ходатаев, как органическое целое перед отдельными частицами, ничем не соединенными между собою (курсив — автора)»⁵². Очевидно, что в работе Арсеньева присяжная адвокатура, рассматриваемая в качестве сообщества, основанного на разделяемой всеми его членами традиции и внутренней солидарности, противопоставляется механической «совокупности» частных поверенных, т. е. фактически частная адвокатура лишается статуса социальной группы. Данная позиция во многом наследовала взглядам составителей Судебных Уставов на дореформенных ходатаев как не связанных друг с другом частных лиц и на профессиональную корпорацию как инструмент консолидации группы, гарантирующий ее морально-нравственный уровень.

Разнонаправленные тенденции уравнивания статуса социально-правовых категорий «присяжный» и «частный поверенный» в решениях Правительствующего Сената, представлявших собой подзаконные акты, и активное символическое отмежевание адвокатской корпорации от своих полупрофессиональных «коллег» в середине 1880-х гг. привело к институциональной коллизии, имевшей значительное влияние на дальнейшее развитие профессии. В 1884 г. решением Правительствующего Сената по делу И. Чирихина (1884, № 7), являвшегося частным ходатаем в округе Казанской судебной палаты, было постановлено, что практика в качестве частного

---

⁵² Арсеньев К.К. Указ. соч. Ч. 1. С. 11.

поверенного может быть засчитана в стаж, необходимый для поступления в присяжные поверенные⁵³. Данное постановление игнорировало право адвокатской корпорации на контроль «входа» в профессию и ставило под удар хрупкие и все еще не устоявшиеся внутренние механизмы воспроизводства группы, прежде всего институт помощников. В качестве мотивировки принятого решения были выдвинуты аргументы о том, что согласно «точному смыслу и разуму закона 1864 г.» неперменным условием для поступления в адвокатуру является не наличие стажа в качестве помощника присяжного поверенного, а занятие практикой в качестве поверенных не менее пяти лет. Более того положение частных ходатаев, подконтрольных судебным местам, не отличается от положения помощников, лишь опосредованно подчиненных советам⁵⁴.

На основании сенатского постановления по делу Чирихина в Харьковский совет присяжных поверенных в 1886–1887 гг. были поданы два прошения от частных поверенных, желающих поступить в корпорацию. Определения совета, вынесенные на основании этих прошений, в обоих случаях были отрицательными, на уровне же аргументационных стратегий задействовали весь арсенал символических средств, который был выработан с момента введения в силу закона 25 мая 1874 г. Формальным поводом для отказа служил тот факт, что Чирихин состоял частным поверенным в Казанском округе, где присяжная адвокатура не представлена органами корпоративного самоуправления и наравне с частными ходатаями подчинена судебным местам⁵⁵. Следовательно, постановление Правительствующего Сената, если распространять его на практику других судебных округов, имеет силу лишь в тех областях, где не введено корпоративное самоуправление адвокатуры⁵⁶.

---

⁵³ Полный свод решений... за 1878–1885 гг. С. 658–659.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1886–1887. Харьков, 1887. С. 7.

⁵⁶ Корпоративное самоуправление с 1866 по 1874 г. было введено лишь в трех судебных округах: Санкт-Петербургском, Московском и Харьковском.

«Идеологическое» обоснование отказа было более развернутым и отталкивалось, прежде всего, от истолкования интенций составителей Судебных Уставов, намеревавшихся, по мнению Харьковского совета, «дать обществу не толпу практически опытных юристов, не соединенных между собой никакой нравственной связью, а организованное сословие, которое бы «представляло собой самое верное ручательство нравственности, знаний и честности убеждений». Соответственно и практическая подготовка к поступлению в сословие должна проходить «под постоянным воздействием корпоративного духа в среде или магистратуры и прокуратуры, или присяжной адвокатуры»⁵⁷. «Самостоятельное занятие адвокатурой вне связи с людьми той же профессии» и последующий прием таких лиц в корпорацию упраздняли бы «нравственную связь сословия с его будущими членами, и оно пополнялось бы элементами, чуждыми того направления, которое вырабатывается в сословии в соответствии с теми нравственными задачами, для каких оно создано в судебных уставах 20 ноября 1864 года»⁵⁸. Аргументация Харьковского совета, таким образом, опиралась на разрабатываемую с момента публикации К.К. Арсеньевым «Заметок о русской адвокатуре» символическую оппозицию присяжной адвокатуры как скрепленной этической связью профессиональной группы и совокупности («толпы») частных поверенных.

Решение Харьковского совета в обоих случаях было поддержано судебной палатой⁵⁹, что послужило созданию прецедента, закрепившего на институциональном уровне границу, проводимую представителями корпорации в дискурсивном пространстве профессионального проекта. Однако вопрос о допуске в сословие частных ходатаев актуализировал существовавшую с момента ведения новых Судебных Уставов проблему механизмов воспроизводства профессиональной группы

---

⁵⁷ Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1886—1887. С. 9.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1886—1887. С. 3—4.

и, прежде всего, спорный вопрос о положении и статусе помощников присяжных поверенных⁶⁰. Данный вопрос, с точки зрения самоорганизации сословия присяжных поверенных, был наиболее болезненным, поскольку в этом случае корпорация не выступала в качестве единого, взаимодействующего с внешним социальным окружением, актора, но раскалывалась изнутри на противостоящие друг другу группы интересов.

Проблема институционализации помощничества имела два тесно связанные друг с другом аспекта: с одной стороны — помощничество как форма прохождения стажа предполагало организацию «профессионально-педагогических институтов», объединенных понятием патроната⁶¹, с другой — обозначало категорию лиц, занимающих промежуточное положение на границах профессиональной корпорации. Предпочтение той или иной формы организации патроната обуславливалось определенным представлением о социальной категории помощников как совокупности частных лиц, части профессиональной корпорации или независимой полупрофессиональной организации с собственными представительными органами. За каждым из перечисленных представлений на определенном этапе развития сословия стояла конкретная группа интересов, утверждавшая собственную концепцию института помощничества с помощью доступных ей институциональных и символических средств.

Изначально доминирующей формой организации профессионального стажа являлся личный патронат, основанный на положении Судебных Уставов о том, что для поступления в присяжные поверенные необходима либо пятилетняя служба по судебному ведомству, либо занятия судебной практикой «под руководством присяжного поверенного в качестве его помощника» (ст. 353). Система личного патроната предоставляла присяжным поверенным самостоятельное право принимать в помощники тех или иных лиц, оставляя, однако, за органами

---

⁶⁰ Макалинский. П.В. Указ. соч. С. 96; Гессен И.В. Указ. соч. С. 289.

⁶¹ Чарыхов Х.М. Помощники присяжных поверенных. Их организация // История русской адвокатуры. Т. 3: Сословная организация адвокатуры. 1864—1914. М.: Изд. Советов Присяжных Поверенных, 1916. С. 168.

корпоративного самоуправления формальное зачисление в стажеры, ограничивала сферу деятельности помощников секретарскими обязанностями при патронах и не предполагала унифицированной формы отчетности. В условиях отсутствия профессиональной монополии помощники имели вполне легальную возможность самостоятельно заниматься адвокатской практикой, не консультируясь со своими патронами⁶². В свою очередь, присяжные поверенные не считали себя обязанными осуществлять по отношению к помощникам какие-либо педагогические или организационные функции (исключением здесь являлся учрежденный среди помощников Ф.Н. Плевако товарищеский суд⁶³).

Абсолютно формальная связь помощников со своими патронами и фактическое отсутствие таковой с органами корпоративного самоуправления, очевидно, снижали степень контроля корпорации над «входом» в профессию. Поэтому уже в 1869 г. санкт-петербургский совет принял решение о том, что зачисление в помощники не просто фиксируется, но оформляется решением самого совета, при этом кандидат должен отвечать всем требованиям, предъявляемым к поступающим в присяжные поверенные за исключением возрастного ценза⁶⁴ (журнал совета 11 декабря 1869 г.)⁶⁵. В округе Московской судебной палаты также намечалась тенденция к установлению корпоративного контроля над приемом в помощники, однако вплоть до 1885 г. данная практика не находила последовательного применения: во многих случаях совет ограничивался внесением в список после заявления присяжного поверенного о принятии к себе в помощники того или иного лица. Даже наиболее близкие к идее сословного патроната «Танеевские» правила (1878) признавали за патроном монопольное право на прием в помощники: «Помощник состоит при отдельном

---

⁶² Организация помощников присяжных поверенных, установленная Московским Советом // *Макалинский П.В.* Указ. соч. С. 526; *Чарыхов Х.М.* Указ. соч. С. 223.

⁶³ *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 149.

⁶⁴ Присяжным поверенным не могло быть лицо, не достигшее 25 лет. Об этом см.: Учреждение судебных установлений. Ст. 355.

⁶⁵ *Макалинский П.В.* Указ. соч. С. 53, 56.

присяжном поверенном. Поэтому принятие его зависит исключительно от того присяжного поверенного, который его и принимает»⁶⁶.

Однако в середине 1880-х гг. в московской корпорации возник прецедент, результатом которого стало расширенное толкование полномочий совета в отношении помощников и частичное урегулирование практики приема на уровне постановлений Правительствующего Сената (решение по делу Бернера, 1885 № 13)⁶⁷. Суть возникшего еще в 1884 г. дела заключалась в том, что московский совет отказался занести в список помощников лицо, принятое присяжным поверенным С.С. Шайкевичем, по причине неблагоприятных сведений о морально-нравственных качествах кандидата. На решение совета Шайкевичем и его «помощником» Б.М. Бернером была подана апелляция в Московскую судебную палату, которая посчитала, что разрешение данного вопроса находится вне рамок ее компетенции, поскольку подобные постановления советов «имеют характер частных домашних распоряжений, подчинение коим не переходит из области нравственного в область законного», т. е. Бернер, даже не будучи зачислен в помощники, остается таковым и не теряет права поступления в корпорацию после отбытия пятилетнего стажа⁶⁸. Такое открытое отрицание палатой прав корпоративного контроля над механизмами воспроизводства профессиональной группы, однако не встретило понимания в Правительствующем Сенате, постановившем, что на отказ советов в приеме по неформальным причинам распространяется действие правил 25 мая 1874 г., предполагающих безапелляционность подобного рода постановлений, независимо от того, вынесены они по делу присяжного поверенного или помощника⁶⁹.

Мысль, высказанная Московской судебной палатой относительно законности административной власти советов по

---

⁶⁶ Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1877-1878. М., 1878. С. 11. Текст также приведен в: Макалинский П.В. Указ. соч. С. 528; Тагер П.С. Указ. соч. С. 195.

⁶⁷ Полный свод решений... за 1878—1885 гг. Дело № 13 (11.03.1885).

⁶⁸ ЦИАМ. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 26. ЛЛ. 25 об.—26.

⁶⁹ Полный свод решений... за 1878—1885 гг. Дело № 13 (11.03.1885).

отношению к помощникам, была прямым следствием системы личного патроната и неоднократно воспроизводилась как представителями самой корпорации, так и судебными инстанциями. Те же сомнения обнаруживались и в случае дисциплинарной власти советов над помощниками в условиях личного патроната. Первым значительным конфликтом, возникшем на данной почве, стало дело М.Ф. Люце, помощника присяжного поверенного А.Н. Турчанинова, который в 1870 г. публично отказался признать над собой власть санкт-петербургского совета, за что и был исключен последним из списков помощников. Данное постановление, однако было отменено судебной палатой, и совету пришлось предложить Турчанинову исключить Люце из числа помощников собственным частным решением. Мотивы, которыми руководствовалась санкт-петербургская судебная палата, во многом предвосхищали аргументы последовавшего пятнадцать лет спустя постановления той же судебной инстанции в Москве. По мнению палаты, в Учреждении судебных установлений «нигде не проведена мысль — ни о том, чтобы помощники присяжных поверенных составляли особую корпорацию, тесно связанную и вполне солидарную с сословием присяжных поверенных, ни о том, чтобы помощники входили, как часть целого, в самый состав общества поверенных, из чего и следует заключить... что предположение Совета о безусловном праве его иметь прямой и непосредственный за помощниками поверенных надзор и обязанности помощников подчиняться, наравне с присяжными поверенными, контролирующей и дисциплинарной власти Совета, не имеет твердой точки опоры в действующем законе...»⁷⁰.

Прецедент, созданный делом М.Ф. Люце, побудил санкт-петербургскую адвокатуру поставить на повестку дня вопрос о замене личной формы патрона корпоративной, причем установление «непосредственных отношений» между помощниками и советом обосновывалось тем, что «доверие к помощникам присяжных поверенных, распространяющиеся постепенно в среде нашего общества, основано, между прочим, именно на том предположении, что помощники, как и присяжные поверенные, составляют корпорацию, ответ-

---

⁷⁰ Макалинский П.В. Указ. соч. С. 80—81.

ственную перед советом» (журнал совета 9.11.1871)⁷¹. Представление о помощниках как об отдельной корпорации и идея установления корпоративного патроната в результате обрели свое выражение в образовании из представителей помощников выборной и действующей на постоянной основе Комиссии⁷², чьей основной функцией должно было стать информационное обеспечение решений совета относительно зачисления в помощники и последующего приема непосредственно в присяжные поверенные. Образованную в 1872 г. Комиссию пять лет спустя дополнили юридические конференции, направленные на разрешение практических вопросов, встречающихся в самостоятельной судебной практике помощников⁷³.

В 1874 и 1881 гг. Комиссия предприняла ряд попыток расширить свои полномочия при приеме в помощники и придать своим постановлениям в этой области окончательный, неверяемый советом, характер. Опираясь на утверждения о том, что она возникла как «установление, представляющее собой интересы сословия помощников присяжных поверенных» (1874), Комиссия утверждала свой статус органа корпоративного самоуправления помощников, действующий «по отношению к ним на тех же основаниях и по тем же правилам, как Совет по отношению к присяжным поверенным» (1881)⁷⁴. Оба «демарша» были нейтрализованы со стороны санкт-петербургского совета, вновь взявшего в 1874 г. на вооружения аргументы, рассматривавшие помощников в рамках системы личного патроната. Комиссия, с этой точки зрения, интерпретировалась как «частное» собрание уполномоченных, не устраняющее подчинение помощников совету через посредство присяжных поверенных.

В 1881 г. в ответ на заявление Комиссией своих претензий на статус равного ему органа самоуправления совет еще более

---

⁷¹ Там же. С. 107.

⁷² Дореволюционные историки адвокатуры утверждали, что возникновение Комиссии было исключительно результатом самоорганизации помощников, отреагировавших таким образом на исход дела Люце. Об этом см.: *Чарыхов Х.М.* Указ. соч. С. 253.

⁷³ Там же. С. 176.

⁷⁴ *Макалинский П.В.* Указ. соч. С. 70–71.

последовательно стал проводить линию, ориентированную на личный патронат и отказ от интерпретации помощников в качестве корпоративного целого. «Помощники не образуют из себя самостоятельно пополняющегося сословия, — сказано в журнале заседаний совета за восьмое апреля 1881 г., — а представляют собой лишь группу лиц, принимаемых присяжными поверенными к себе для занятий и примыкающих таким образом, через посредство своих патронов, к сословию присяжных поверенных, как контингент для пополнения этого сословия, и что поэтому о существовании у помощников присяжных поверенных такого органа самоуправления, который контролировал бы правильность зачисления присяжными поверенными к себе помощников и имел бы право воспретить присяжным поверенным принимать то или другое лицо в число своих помощников и тем преграждать последним возможность вступления этим путем в корпорацию присяжных поверенных, конечно, не может быть и речи...»⁷⁵. Таким образом, совет, вопреки своему мнению 1871 г., утверждал приоритетность права присяжного поверенного на принятие к себе в помощники того или иного лица, лежащую в основе идеи личного патроната.

В отличие от Санкт-Петербургского совета, изменявшего на протяжении 1870-х гг. в зависимости от складывающейся ситуации свою точку зрения на статус института помощничества, Московский совет никогда не признавал за помощниками права на «учреждение и организацию отдельного самостоятельного общества», обладающего корпоративной организацией⁷⁶. С точки зрения руководителей московской корпорации, организация помощников должна была иметь вид неформального «кружка», где молодые люди, получившие образование и знакомые между собой, могли бы «следить друг за другом в лучшем смысле этого слова, предупреждая друг друга от дурных поступков», ведь, «сознавая свою принадлежность к кружку, в котором всегда существует общественное мнение, каждый воздерживается от поступков, нарушающих

---

⁷⁵ Там же. С. 71–72.

⁷⁶ Организация помощников присяжных поверенных, установленная Московским Советом // *Макалинский П.В.* Указ. соч. С. 529.

адвокатское и человеческое достоинство»⁷⁷. Руководствуясь этими представлениями, создатели упомянутых выше «Таннеевских правил» 1878 г., хотя и санкционировали работу Комитета помощников и групповые занятия, аналогичные Санкт-Петербургским конференциям, не ставили под сомнение базовый элемент личного патрона — причисление помощника к определенному присяжному поверенному. Об этом свидетельствует не только сохранение самой процедуры «приписки к патрону», но и обязанность присяжных поверенных предоставлять в совет отчеты своих помощников, обязательное для помощников условие иметь место жительства в том же городе, что и патрон, отчисление помощников от присяжных поверенных, которым временно воспрещалась адвокатская практика⁷⁸.

В 1883—1885 гг. в Санкт-Петербургской корпорации было продолжено обсуждение вопроса реорганизации института помощников, в процессе которого совет обосновал необходимость ограничения их самостоятельной деятельности. Возвращаясь к непосредственному толкованию 354 ст. Учреждения судебных уставов и интерпретации помощника в качестве личного секретаря присяжного поверенного, совет стремился, таким образом, найти легитимную основу для распространения своей административной и дисциплинарной власти в среде помощников. Сосредоточение деятельности помощников «в круге дел» патронов создавало ситуацию, когда «всякое упущение или неправильное их действие» касалось бы дел присяжных поверенных, затрагивало бы «интересы и нравственную репутацию» патронов, а следовательно, и «интересы всей корпорации», давая совету возможность применять свою власть в установленных законом рамках.

Распространение внутрикорпоративной власти на помощников присяжных поверенных предполагало ре-интерпретацию их группового статуса. Помощники уже не могли рассматриваться ни как отдельная корпорация, ни как примыкающий к сословию контингент частных лиц. «Совет является законным представителем присяжной адвокатуры. Поэтому, если по-

---

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Тагер П.С. Указ. соч. С. 194—195.

мощники должны составлять часть, хотя и неполноправную, этого целого, то совершенно естественно, чтобы законный представитель присяжных поверенных был вместе и законным представителем помощников присяжных поверенных», — говорилось в проекте специальной комиссии по реорганизации помощничества (1884). — С другой стороны, нет никакого основания, чтобы Совет, контролирующий действия присяжных поверенных, не простирал своего контроля на действия помощников. Обособление в этом отношении помощников присяжных поверенных было бы вредно как потому, что до известной степени парализовало бы слияние присяжных поверенных и помощников в одно целое, так и потому, что мешало бы образованию единых корпоративных традиций»⁷⁹. Таким образом, помощники должны были раствориться как отдельная группа в общем корпоративном целом, потеряв не только самостоятельный групповой статус, но и индивидуальное право на независимую от патронов адвокатскую практику.

Наиболее последовательным выражением приведенной выше позиции стал проект правил о помощниках присяжных поверенных, предложенный 4 февраля 1890 г. на обсуждение общему собранию Санкт-Петербургской корпорации. После бурных дебатов проект не был принят, однако, отвергнутый общим собранием присяжных поверенных Санкт-Петербурга, он был проведен в жизнь административным решением московского совета и обрел форму так называемых «Правил 3 марта», одного из самых одиозных документов во всей истории развития института присяжной адвокатуры. Суть «Правил» заключалась в последовательном проведении начал личного патроната, предполагающего запрет самостоятельной практики помощников, ходатайство только по делам патрона по передоверию, обязательную приписку к практикующему адвокату (причем число помощников у каждого присяжного поверенного было ограничено до одного стажера), непосредственное подчинение совету и ликвидацию Комитета и групп помощников⁸⁰.

---

⁷⁹ Макалинский П.В. Указ. соч. С. 117.

⁸⁰ Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1889—1890. М., 1890. С. 7—8.

Доводы московского совета в поддержку принятых правил сводились к тому, что «организация сословия помощников и патронат сословия оказались бессильными в деле подготовки членов корпорации присяжных поверенных в такой же мере, как и те мероприятия Совета, которые требовали личного надзора присяжных поверенных за их помощниками». Причину этого представители совета видели в «ложном взгляде на помощников, как на особое подготовительное сословие», который удалял стажеров от их «естественных руководителей»⁸¹. Более того в разъяснениях к «Правилам» отмечалось, что «звание помощника присяжного поверенного не есть открытое для всех дипломированных юношей», для его получения прежде всего «нужно иметь присяжного поверенного, которых нуждался бы в сотруднике, в помощнике; нужно, чтобы был запрос на его труд»⁸². Таким образом, поступление в корпорацию в качестве помощника переставало быть исключительно индивидуальным решением лица, обладающего образовательным цензом, а ставилось в зависимость от «спроса» представителей сословия на его услуги как стажера.

Введение «Правил 3 марта» вызвало огромный резонанс в среде московской корпорации: в совет были поданы ряд петиций как в поддержку принятой меры («Письмо 98-ми»), так и с заявлениями о ее потенциальном негативном влиянии на развитие сословия («Письмо 48-ми») ⁸³. Отчисление помощников на основании вновь вводимых правил вызвало волну протестов и апелляций, результатом которых стала отмена решением Правительствующего Сената (4 мая 1890 г.) наиболее радикальных положений новой организации помощников: запрета самостоятельной практики и ограничения числа стажеров, приписанных к одному присяжному поверенному. Отменив «наиболее крайние выводы основного начала» личного патрона, Правительствующий Сенат, однако, не стал входить в обсуждение самого базового принципа, вызвавшего возникновение «Правил 3 марта»⁸⁴. В результате перед московской,

---

⁸¹ Там же. С. 14.

⁸² Там же. С. 21.

⁸³ *Чарыхов Х.М.* Указ. соч. С. 200–201.

⁸⁴ Там же. С. 202.

так же как и перед Санкт-Петербургской, корпорацией вновь встала проблема организации механизма воспроизводства группы исключительно на основании средств и ресурсов, предоставляемых внутрикорпоративной властью.

На протяжении второй половины 1890—1900-х гг. деятельность обоих столичных советов в области организации помощников была направлена на создание паллиативного варианта патроната, сочетающего в себе элементы как личной, так и корпоративной форм. В результате в Москве 2 июня 1900 г. были изданы правила, сохраняющие принцип личного патроната, как имеющий «твердое основание в самом законе», но восстанавливающие обязательные групповые занятия помощников и функции Комитета в качестве органа информационной поддержки решений совета и товарищеского суда⁸⁵. В Санкт-Петербурге заключения Комиссии помощников присяжных поверенных и участие в конференциях стали обязательными условиями при принятии в корпорацию после прохождения сословного стажа, решения относительно принятия в стажеры перестали мотивироваться, что фактически делало их не поверяемыми советом, а следовательно, окончательными⁸⁶. Однако возобновившиеся попытки Комиссии расширить свои полномочия в области дисциплинарной ответственности помощников (Проект правил о дисциплинарном производстве 1909 г.) продолжали блокироваться советом на основании того, что орган корпоративного самоуправления не может делегировать свою власть учреждению, «не предусмотренному законом», и Комиссии не следует «стремиться к установлению самостоятельно-обособленного положения помощников как сословия»⁸⁷.

Очевидно, что использование той или иной модели патроната на протяжении развития адвокатской корпорации обуславливалось не только необходимостью создания вну-

---

⁸⁵ Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1899—1900. М., 1900. С. 26.

⁸⁶ Сборник правил для помощников присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1907. С. 19; *Чарыхов Х.М.* Указ. соч. С. 254.

⁸⁷ Отчет Комиссии помощников присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты за 1910 г.: Год 38-й. СПб., 1911. С. 24.

тренних механизмов воспроизводства группы, но и задачами внутрикорпоративной борьбы за распределение властного ресурса и определение символического статуса той промежуточной социальной зоны, которая заполнялась лицами, попадающими в категорию «помощников присяжных поверенных». В отличие от стратегий поведения по отношению к «внешним Другим» действия корпоративной элиты, направленные на институциональное и символическое конструирование категории «помощник» как «внутреннего Другого», не отличались последовательностью и в значительной мере зависели от соотношения сил внутри корпорации. Изначальное представление о помощнике как частном лице, состоящем в отношениях патроната с конкретным присяжным поверенным (крайняя форма личного патроната), не устраивало органы корпоративного самоуправления, поскольку снижало степень контроля над прохождением стажа и «входом» в профессию. Для противостояния сложившейся и поддерживаемой апелляциянными инстанциями практике советами была использована идея корпоративного патроната, последовательная реализация которой, правда, оказалась не менее опасной для власти советов, чем система личного патроната.

Идея корпоративного патрона и связанный с ней комплекс представлений о правах помощников на самостоятельную адвокатскую практику и корпоративную организацию оказались «благодотворной почвой» для борьбы стажеров за эмансипацию от сословия присяжных поверенных и институционализацию в качестве самостоятельной (полу) профессиональной группы⁸⁸. В данной ситуации возвращение к элементам личного патроната, как реакция советов на претензии представительных органов помощников, являлось стратегией инкорпорирования «Другого», включавшей в себя признание помощников «младшей частью сословия» присяжных поверенных и, соответственно,

---

⁸⁸ «Корпорация, какой является младшая часть сословия, не может быть лишена в лице своего представителя права голоса и контроля при приеме в свою среду новых членов и что таковое право проистекает из самого существа понятия корпорации и без него вообще не может быть мыслимо сословия, несущего ответственность перед обществом за своих членов» // Отчет Московского Комитета помощников за 1908-1909 г. Цит. по: *Чарыхов Х.М.* Указ. соч. С. 270.

распространение на них административной и дисциплинарной власти советов. Будучи в безопасности после ряда решений палат и Правительствующего Сената (решения 1885, 1890 и 1898 гг.) от крайних форм личного патроната, советы широко использовали элементы данной системы организации стажа для сдерживания устремлений своих «младших» товарищей к независимости и сепаратному социопрофессиональному статусу.

Таким образом, сложившаяся к началу XX в. институциональная и символическая система внешних и внутренних границ профессионального сообщества адвокатов основывалась на дискурсивном и практическом применении критериев наличия образования, нравственного достоинства и корпоративного самоуправления в качестве идентификационных маркеров профессиональной группы. В процессе конструирования и самоопределения в отношении «внешних Других», как само собой разумеющийся, использовался образовательный критерий и критерий морально-нравственного превосходства представителей профессиональной адвокатуры. Последний был тесно связан с заложенной в Судебных Уставах идеей корпоративного самоуправления как гарантии высокого этического уровня «сословия присяжных поверенных». Право на самоорганизацию в рамках самоуправляющихся корпоративных структур, в свою очередь, выступало основанием для проведения демаркационной линии внутри самого «сословия», ставшей необходимой в процессе инкорпорирования в «тело» корпорации института помощничества.

Не обладавшие корпоративным самоуправлением до реформенные ходатаи, частные поверенные и помощники репрезентировались в профессиональном дискурсе адвокатуры как «механические» (статистические) совокупности частных лиц, не являющиеся «реальными» социальными группами. Таким образом, тесно связанные между собой групповой статус, самоуправление и этичность деятельности образовывали единый дискурсивный комплекс. Истинность утверждений об этическом превосходстве полноправного члена адвокатской корпорации — профессионала — над другими лицами, осуществляющими те же судебные функции, обеспечивалась дискурсивной локализацией морально-нравственного достоинства не в сознании отдельного ин-

дивиды, а в «символическом теле» корпорации, «сплоченной тройной связью обычаев и преданий, самоуправления и нравственной солидарности»⁸⁹.

Данная дискурсивная стратегия широко использовалась как во внутрикорпоративной документации (постановлениях советов), так и в публицистических выступлениях лидеров профессиональной корпорации. Ее наиболее ярким и отточенным выражением стало выступление В.Д. Спасовича в 1874 г. на публичном обеде в честь К.К. Арсеньева. «По чувству самосохранения, — говорил мэтр Санкт-Петербургской адвокатуры, — мы изобрели и возложили на себя вериги самой строгой, самой беспощадной дисциплины, вследствие которой мы, не колеблясь, жертвуем своим вкусом, своими мнениями, своею личной свободой тому, что изречет громада — великий человек. Это подчинение особого рода не физическому человеку, не людям, а началу, себя лично себе же самому с безличной громадской стороны рассматриваемому, есть такая великая и дивная сила, которая способна совершать чудеса и которую ощущаешь только тогда, когда она из нас исходит»⁹⁰.

Корпоративность, таким образом, представлялась надличностной моральной сущностью, являвшей себя в каждом принадлежащем к профессиональной адвокатуре индивиде в форме специфического поведения (соблюдения этического кодекса профессионала), самопонимания и саморепрезентации. Диалектика личного и общественного начал в рамках профессионального проекта дополнялась концепцией «служения», подразумевавшей, что группа берет на себя перед остальным обществом (перед непрофессионалами) ответственность за определенный аспект развития России, в случае адвокатуры — за обеспечение законности⁹¹. Говоря словами М.М. Винавера, как «союз лиц, связанных одной, общей целью, — союз, направленный к тому, чтобы лучше обеспечить достижение этой цели», адвокатура ставила себя, «именно как носителя этой цели, под общественный контроль»⁹².

---

⁸⁹ Арсеньев К.К. Указ. соч. Ч. 1. С. 11.

⁹⁰ Спасович В.Д. Указ. соч. С. 86.

⁹¹ Balzer H.D. Op. cit. P. 16.

⁹² Винавер М.М. Очерки об адвокатуре. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. С. 36.

Формирование «корпуса» профессиональных адвокатов как символического «тела» корпорации, элементы которого «сочленялись» (В.Д. Спасович) общим чувством профессионального достоинства, общественного служения и ответственности за правильное отправление правосудия, представляло собой генезис на основе описанного выше набора эксклюзивных и инкорпорирующих практик нового типа групповой идентификации. Заложенные в основу данного типа идентификации 1) механизмы создания внутрикорпоративной солидарности на основе горизонтальных эгалитарных связей, 2) элементы культуры политического участия, существовавшей внутри сословия (корпоративное самоуправление), а также 3) модель индивидуального и коллективного поведения, легитимируемая идеалом служения общественному благу, позволяют интерпретировать его в терминах гражданственности и гражданской идентичности.

Формирование в рамках профессионального проекта присяжной адвокатуры гражданского типа идентификации свидетельствует о тесной взаимосвязи процессов профессионализации и становления гражданского общества в России во второй половине XIX — начале XX в. Эгалитаристские принципы самоорганизации, культура участия и ориентация на ценности общественного служения позволяют расценивать профессиональную корпорацию присяжных поверенных в качестве структурного элемента гражданского общества, возникающего в процессе социальной модернизации Российской империи.

Глава 5.

ГРАЖДАНСКИЕ ПРАКТИКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-МОДЕРНИСТОВ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

*Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.*

Н.А. Некрасов

*Поэтом можешь ты не быть,
Но человеком быть обязан.*

З. Гиппиус¹

Проблема взаимоотношений художника с властью и обществом принадлежит к числу сложных и специфических проблем русской культуры. Исторические обстоятельства с определенной периодичностью вынуждали художников выходить за рамки собственно деятелей искусства и выдвигали их на роль лидеров, идеологов общества. Особенно показательна в этом отношении судьба русской литературы и русских писателей. Долгое отсутствие легальных политических партий и постоянное ограничение политической свободы способствовали тому, что искусство, особенно словесное, нередко превращалось в общественную трибуну, заменяя собой парламент и другие демократические институты.

В истории русской культуры можно выделить три наиболее характерные формы диалога художника с властью: конструктивный; деструктивный; нейтральный (аутичный)².

---

¹ Гиппиус З.Н. «Судьба Аполлона Григорьева» (По поводу статьи А. А. Блока, приложенной к «Стихотворениям Аполлона Григорьева») // Огни. Пг., 1916; См. также: Гиппиус З.Н. Мой лунный друг. О Блоке // Ничего не боюсь. М., 2004. С. 265.

² Есупов В.В. Диалог «художник и власть» как инновационный ресурс культуры / Автореф. дисс. канд. культур. СПб., 2007.

Изменение форм диалога зависит от политических установок власти, ценностных ориентаций и творческих стратегий художника, эволюции его мировоззрения.

Форму конструктивного диалога художника с властью иначе можно охарактеризовать как сотрудничество. Данная модель подразумевает стремление к определенным коррекциям действий власти, но при этом не отрицает ее легитимность, и диалог ведется исключительно легальными, взвешенными средствами на основе поисков консенсуса. Таковыми можно считать случаи добровольного вхождения художественной интеллигенции во властные структуры ради охраны культурного наследия и контроля за осуществлением культурной политики. Одним из ярких примеров данного типа взаимодействия было сотрудничество некоторых представителей дореволюционной культурной элиты с советским правительством.

Детерминантой подобного участия может быть не столько личное стремление во власть представителей художественной интеллигенции, сколько потребность в нем правящих кругов, которая может носить либо сиюминутный характер с целью проведения квалифицированного анализа реально возникшей проблемы, либо более устойчивый для регулярного осуществления экспертиз определенных действий политической элиты³.

Деструктивная модель взаимодействия художника с властью соответствуют диалогу — полемике в крайней, конфронтационной форме. Признаками данного типа диалога являются «непримиримая оппозиционность» и установка на радикальное изменение существующей формы власти. В условиях динамического равновесия культурной системы, подобные настроения характеризуются как маргинальные и служат основой для создания различных субкультур. Однако примером данной модели может быть и опыт отдельной личности (Л.Н. Толстой вступал в весьма жесткий диалог-полемику не только со светской властью, но и церковью и др.).

Следующая, нейтральная или аутичная, форма диалога художника с властью характеризуется безоговорочным отказом

---

³ Примером данной модели может служить учреждение в 2005 г. Общественной палаты, призванной осуществлять общественную экспертизу принимаемых законов. Значительное представительство в новом органе имеют деятели культуры и искусства.

художественной интеллигенции от взаимодействия со сферой государственной политики и общественными институтами. Именно последняя модель взаимоотношений художника с властью и обществом оказалась наиболее продуктивной на рубеже XIX–XX вв. и, в конечном счете, определила эстетику культурного ренессанса.

Основную группу источников по данной теме составили опубликованные источники личного происхождения: воспоминания, мемуары и частная переписка. Данная группа источников позволяет полнее и глубже реконструировать социально-психологические процессы, протекавшие в сознании людей прошлых эпох⁴. Мемуаристика, принадлежащая перу современников модернистов⁵ позволяет раскрыть духовную атмосферу эпохи, а также дает представление о восприятии творчества, образа жизни и идей модернистов. Труды, относящиеся к этому разделу, особенно интересны тем, что они, наряду с фактическим материалом и отражением особенностей эпохи, содержат и определенные культурологические и историософские концепции.

Мемуары⁶ позволяют воссоздать целостный облик людей и эпохи Серебряного века, запечатлевают эпоху с полнотой,

---

⁴ Никс Н.Н. Московская профессура второй половины XIX — начала XX в. Социокультурный аспект / Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2004. С.1.

⁵ См.: Бердяев Н.А. Самопознание: (Опыт философской автобиографии) // Собр. соч.. Париж: YMCA-PRESS, 1981. Т. 1. 425; *Он же*. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь»: (К десятилетию «Пути») // Н. Бердяев о русской философии: В 2 ч. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Ч. 2. С. 217–236; *Он же*. Ивановские среды // Русская литература XX века: 1890–1910. М.: Мир, 1916. Кн. 8. С. 97–100; Степун Ф.А. Россия накануне 1914 года // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 85–120; Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс: Б. и., 1991. 601 с.; Ходасевич Вл. Некрополь // Серебряный век: Мемуары. М.: Известия, 1990. С. 177–277; Сабанеев Л. Мои встречи: «Декаденты» // Воспоминания о серебряном веке. М.: Республика, 1993. С. 343–353; См.: Пяст В. Встречи. М.: Новое лит. обозрение, 1997. 413 с.

⁶ Брюсов В. Из моей жизни. Моя юность. Памяти. М., 1927; Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989; Белый А. Начало века. М., 1990; Белый А. Между двух революций. М., 1990; Гиппиус З.Н. Живые лица. Т. 1. Стихи. Дневники; Т. 2. Воспоминания. Тбилиси, 199; Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004.

недоступной документам, погружают читателя в духовный и психологический климат модернистской литературной среды. В качестве специфики данных источников следует указать их «исповедальный автобиографизм». По признанию самих авторов, многие из них написаны в форме исповеди, в частности, воспоминания В.Я. Брюсова⁷, З.Н. Гиппиус⁸, А. Белого⁹.

Наряду с перечисленными источниками в работе были использованы и такие виды мемуарной литературы как автобиографические записки¹⁰, а также автобиографическая проза¹¹. Ценность прозаических произведений для исторической науки еще не раскрыта. При этом многие из них содержат богатейший материал о быте и культурных нравах дореволюционной России. К примеру, знаменитая трилогия Андрея

---

⁷ Брюсов В. Из моей жизни. Моя юность. Памяти. М., 1927.

⁸ См.: Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004.

⁹ См.: Белый А. На рубеже двух столетий. М.; Л.: Земля и Фабрика, 1930. 496 с.; *Он же*. Начало века. М.: В/О «Союзтеатр», 1990. 526 с.; *Он же*. Между двух революций: (Воспоминания 1905–1911). Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934.

¹⁰ Блок А. Автобиография // Блок А. Собрание сочинений в 6 томах. — Т. 5. Л., 1982; Автобиография // Русская литература XX века. 1890–1914 / Под ред. С. А. Венгерова. М.: 1914. — Т. 1; Белый А. Автобиография // Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1904; Гиппиус З.Н. Автобиографическая заметка // Гиппиус З.Н. Чертова кукла. Проза. Стихотворения. Статьи. М., 1991; Гиппиус З. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Под ред. С.А. Венгерова. М., 1914; Хлебников В. Автобиографическая заметка // Хлебников В. Проза. М., 1990; Бурлюк Д. Лестница лет моих (Автобиографический конспект Отца Российского футуризма Д. Бурлюка) // Д. Бурлюк пожимает руку ВульвортБильдингу. Нью-Йорк. 1924.

¹¹ Блок А. Возмездие // Блок А. Сочинения в 2 т. — Т. I. М., 1955; Валерий Брюсов. Дневники «Моя юность» // Валерий Брюсов. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 182–242; Обручение Даши. Повесть из жизни 60-х годов. М., 1915. (История семьи Брюсовых); Белый А. Котик Летаев // Белый А. Собрание сочинений: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. — М., 1997; Белый А. Крещеный китаец // Там же; Мережковский Д. М. Старинные октавы // Мережковский Д.С. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М., 1990; Маяковский В. Люблю // Маяковский В. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1982.

Белого¹² содержит богатый и выразительно интерпретированный материал об эпохе, охватывающей около тридцати лет исторической, культурной, бытовой жизни России. «Белый создал обобщающий образ времени — катастрофического, чреватого взрывами и потрясениями мирового масштаба и значения, хотя описал только одну сторону, одну линию литературного движения начала века»¹³.

К работе был привлечен значительный эпистолярный материал — переписка писателей-модернистов с родственниками, друзьями, современниками (около 2000 писем)¹⁴.

---

¹² *Белый А.* На рубеже двух столетий. М., 1989; Белый А. Начало века. — М., 1990; Белый А. Между двух революций. — М., 1990.

¹³ *Долгополов Л.* Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С. 401.

¹⁴ *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002; Валерий Брюсов — Нина Петровская. Переписка: 1904—1913. М., 2004; Записные книжки и письма Д.С. Мережковского // Русская речь. 1993. № 5; Из переписки Валерия Брюсова и Акима Волинского // Неизвестный Брюсов (публикации и републикации). Ереван, 2005; Итальянские письма А. Белого // ArchivioItalo-Russo II. Русско-итальянский архив II / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2002; Переписка Брюсова с А. Е. Грузинским // Неизвестны Брюсов (публикации и републикации). Ереван, 2005; Переписка В. Брюсова с К. Чуковским // Корней Чуковский. Из воспоминаний. М., 1958; Переписка В. Брюсова с К. Чуковским // Корней Чуковский. Репин. Горький. Маяковский. Брюсов: Воспоминания. М., 1940; Переписка В.Я. Брюсова с А.И. Сумбатовым-Южиным // Неизвестный Брюсов (публикации и републикации). Ереван, 2005; Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Filosofova с В.Я. Брюсовым (1901—1903) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6; Письма А. А. Блока к Вл. Пясту // *Пяст Вл.* Стихотворения. Воспоминания. Томск, 1997; Письма А. Белого к Ф. Сологубу // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. 1972. Л., 1974; Письма Андрея Белого к Н.И. Петровской // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 13. М.—СПб., 1993; Письма Блока к А.А., С.А. и Ф.А. Кублицким-Пиоттх // Александр Блок: Новые исследования и материалы. Т. 9. Кн. 4. М., 1987; Письма В.Я. Брюсова Г. Чулкову // *Чулков Г.* Годы странствий. М., 1930; Письма Д.С. Мережковского к В.В. Розанову (1899—1908) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6; Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову // Русская литература. 1991. № 2; Письма Д.С. Мережковского к супругам Пети // Новое литературное обозрение. 1995. № 12; Письма З.Н. Гиппиус к П.П. Перцову // Русская литература. СПб., 1991. № 4; Письма З.Н. Гиппиус к А.Л. Волинскому // Минувшее. Историче-

ский альманах. Вып. 12. М.—СПб., 1993; Письмо Андрея Белого к Эллису // Лица: биографический альманах. Вып. 5. 1994; Письмо Д.С. Мережковского к А.Л. Волынскому // Российский архив. II-III. 1992; Рене Гиль — Валерий Брюсов. Переписка: 1904-1915. М., 2005; Белый А. «Ваш рыцарь»: Письма к М. Н. Морозовой. 1901-1928; предисл., публ. и примеч. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. М., 2006; «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...». Письма Д.С. Мережковского А. Белому // Вопросы литературы. 2006. Январь-февраль; Из переписки Зинаиды Гиппиус (Вступительная заметка и публикация А.Л. Соболева) // Русская литература. 1992. № 3; В. Брюсов — Л. Вилькиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома за 1973 г. Л., 1976; В. Брюсов. Сочинения. Т. 2: Статьи и рецензии. 1893—1924 // Из кн.: Далекие и близкие. Miscellanea. М., 1987; Записные книжки и письма Д.С. Мережковского (Публикация Е.А. Андрущенко и Л.Г. Фризмана) // Русская речь. 1993. № 5; Письмо Д.С. Мережковского к А.Л. Волынскому // Российский архив. II-III. 1992; «Я, петербуржец» (переписка А.А. Блока и М.Л. Лозинского) // Литературное обозрение. 1986. № 7; Письма А. Белого и В. Брюсова в Собрании Амхерстского центра русской культуры // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. М. 1998 (Ежегодник. 1996); Блок. А.А. Письма к Т.Н. Гиппиус (публикация С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. 1978. СПб., 1980; Письма З. Гиппиус к В.Д. Комаровой (предисловие, публикация и комментарии Н.А. Богомолова) // In Memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб., 2000; Письма З. Гиппиус к Б. Савинкову: 1908—1909 годы (вступительная статья и публикация писем Е.И. Гончаровой) // Русская литература. 2001. № 3; Переписка с Мережковскими // П. Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка. М., 2004; Переписка с А. Белым // П. Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка. М., 2004; Письма Д.С. Мережковского к Л.Н. Вилькиной (публикация В.Н. Быстрова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. 1991. СПб., 1994; Неизданная переписка А. Блока и Э.К. Метнера (публикация, предисловие и комментарии А.В. Лаврова) // А. Блок: исследования и материалы. СПб., 1998; Письма А. Белого к матери Блока (вступительная статья, публикация и комментарии А.В. Лаврова) // А. Блок: исследования и материалы. Л., 1991; Из прошлого. Неопубликованные письма В. Брюсова и А. Блока // Новый мир. 1932. № 1—2; А.А. Блок письма к В.А. Зоргенфрею // Русская литература. 1979. № 4; «...Современная русская жизнь есть революционная стихия». А. Блок в переписке с деятелями русской культуры (неизданные письма З.И. Гржебину и П.О. Морозову) // Новый мир. 1980. № 11; «Страница истории». Из неизданных писем А. Белого к А. Блоку // Литературное обозрение. 1980. № 10; «...Доброе прежде всего». Письма А.А. Блока к Д.В. Философову // Наше наследие. 1990. № 5—6; «Как бы мне хотелось с Вами о многом поговорить». Письма Д.С. Мережковского М.Н. Ермоловой // Театр. 1993. № 7; «Я, петербуржец». Переписка А.А.

Данный вид источников представляется наиболее репрезентативным и перспективным для изучения духовной жизни прошлого, так как письма являются массовыми текстами, функционирующими в повседневной жизни и отражающими не идеологический, а «социально-психологический уровень сознания»¹⁵.

Эффективность использования эпистолярных источников для воссоздания социально-психологической картины жизни общества переходной эпохи обосновала Е.Н. Марасинова. По мнению ученого, «письма заслуживают специального внимания из-за содержащейся в них информации о таких явлениях и процессах общественной психологии, которые менее отчетливо и полно отражены в других источниках личного происхождения»¹⁶.

В качестве иллюстрации своих слов об особенностях и преимуществах частной переписки для изучения общественного сознания Е.Н. Марасинова приводит образное высказывание А.И. Герцена о том, что «Случайное содержание писем, их легкая непринужденность, их будничные заботы сближают нас с писавшим»¹⁷.

К наиболее существенным признакам эпистолярных источников обычно относят такие свойства, как личностно-субъективное начало (чувства, эмоции, взгляды автора отчетливо выступают в переписке и имеют существенное значение для источниковедческого анализа), синхронный характер воссоздания действительности (письма отражают личное отношение автора к событиям без последующих наслоений и являются непосредственным материальным выражением внутри- и межгрупповых контактов, присущих той или иной социальной общности на определенном этапе ее развития), коммуникативные и информационные функции (письма

Блока и М.Л. Лозинского // Литературное обозрение. 1986. № 7; Блок А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. Письма 1898–1921. Л., 1983.

¹⁵ Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М., 1999. С. 4.

¹⁶ Там же. С. 5.

¹⁷ Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Соч. в 9 т. Т. 6. М., 1957. С. 510–511.

являются источником информации об авторе для адресата и документом общения и взаимодействия людей). Последний признак наделяет эпистолярные источники особой ценностью с точки зрения содержания сведений о сознании социальной группы, к которой принадлежит автор письма. В процессе общения вырабатывается, функционирует и развивается система ценностных ориентации, норм поведения, установок общности, формируется ее массовое сознание. Характер и интенсивность межличностных контактов является одним из показателей внутреннего состояния социальной группы¹⁸.

По социальным функциям и целям эпистолярные источники делятся на традиционно-ритуальные, эмоционально-интимные и интеллектуально-эмоциональные письма¹⁹.

Для традиционно-ритуальной переписки характерен официальный регистр общения и наличие определенной прагматической цели (прошения, жалобы, рекомендации, информативные письма и т. д.) или формы вежливости (соболезнования, поздравления, семейная переписка и т. д.).

Основное назначение эмоционально-интимной переписки — беседа с адресатом, а не простая передача ему конкретной информации. Как правило, они велась между близкими людьми, испытывающими потребность в духовном общении, и затрагивала самые разные темы: заинтересованные отклики на события социально-политической и культурной жизни; семейные, бытовые заботы; вопросы служебной карьеры; сведения об общих знакомых и т. д. Данному виду переписки свойственен неофициальный тон общения, присущи «свобода и непосредственность выражения, живые разговорные интонации»²⁰.

Наконец, целевое назначение интеллектуально-эмоциональных писем заключается в сообщении адресату мыслей, взглядов автора, его отношения к происходящим событиям, но в данном случае акцент делается не на сугубо интимных переживаниях, а на мировоззренческой позиции и взглядах.

---

¹⁸ *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М., 1999. С. 37.

¹⁹ Там же. С. 46.

²⁰ Там же. С. 48.

По своему стилю интеллектуально-эмоциональные письма близки эмоционально-интимным²¹.

Начиная с последней трети XVIII в., времени активного распространения переписки, наблюдается неуклонное развитие эпистолярных источников в сторону отказа от строгой регламентации повседневного общения и повышения интереса к внутреннему миру личности. Переписка становится более интенсивной и разнообразной, происходит обогащение содержания писем: развивается их язык, передающий новые понятия социальной жизни и сложный внутренний мир личности, появляются естественность и простота в выражении чувств, слабеет и нарушается связь с устойчивыми эпистолярными стереотипами. Наиболее адекватной формой для самовыражения и самораскрытия личности становятся эмоционально-интимные и интеллектуально-эмоциональные письма.

Главным фактором эволюции эпистолярных источников (от традиционно-ритуальных к эмоционально-интимным и интеллектуально-эмоциональным), по мнению Е.Н. Марасиновой, является рост самосознания представителей элитарных кругов российского общества²². Социально-психологические процессы, протекающие в сознании русской культурной и интеллектуальной элиты (стремление к раскрытию своей личности, сосредоточение на внутренних переживаниях, осознание своего положения в обществе) обусловили процесс превращения переписки в «человеческий документ». Своего апогея данная тенденция достигла на рубеже XIX–XX вв.

Эпистолярное наследие писателей-модернистов поражает своей эмоциональностью, интимностью, глубокой саморефлексией, доходящей до исповеди откровенностью («исповедальностью»), не говоря об образности и красочности языка, образов, заставляющих на физическом уровне ощущать и переживать описываемые эмоции и события.

На характере и общей тональности переписки сказалось стремление символистов «к разыгрыванию собственной жизни как бы на театре жгучих импровизаций»²³. Жизненные собы-

---

²¹ Там же. С. 48.

²² Там же. С. 51.

²³ *Ходасевич В.* Некрополь. М., 2006. С. 18.

тия, «в связи с неясностью, шаткостью линий, которыми для этих людей очерчивалась реальность, никогда не переживались как только и просто жизненные; они тотчас становились частью внутреннего мира и частью творчества»²⁴, а потому часто описывались в письмах в «неистовом напряжении», «обостренности». Иллюстрацией данной особенности эпистолярных произведений писателей-модернистов могут служить переписка В. Брюсова с Н. Петровской, письма А. Белого к матери и жене А. Блока (А.А. Блок, Л.Д. Блок), З. Гиппиус к А. Волынскому, З. Венгеровой и др., написанные в состоянии сильнейшего нервного напряжения и возбуждения. Некоторые исследователи склонны видеть в «эпистолярных обмороках и приступах болезни» проявление истерии — самого распространенного нервного заболевания на рубеже веков²⁵.

Еще одной особенностью эпистолярного наследия авторов Серебряного века, позволяющей делать исследователям смелые выводы, является их утонченная интимность или эротизация (эротичность), также вписывающаяся в общий культурный контекст эпохи. В своем дневнике «Contes d'amour» З. Гиппиус утверждает, что может писать письма только человеку, с которым ее связывает «телесная нить», подобная пуповине²⁶. Адресат ее писем, с которым у нее была эта «телесная связь», должен быть отцом этого письма ребенка в платоновском смысле, т. е. предоставить накопленную эротическую энергию для эпистолярного непорочного зачатия²⁷. Письма З. Гиппиус к А. Волынскому, Н. Минскому, З. Венгеровой, Л. Вилькиной, В. Злобину, написанные интимным языком, по мнению О. Матич, представляют собой «опыт эротического слияния»²⁸, при котором слова становились фетишами²⁹. «Романтическими» и эротическими

---

²⁴ Там же. С. 17.

²⁵ Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008. С. 195.

²⁶ Гиппиус З.Н. Contes d'amour // Дневники. Под ред. А.Н. Николюкина. М., 1999. Т.1. С. 56.

²⁷ Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008. С. 201.

²⁸ Там же. С. 218.

²⁹ Там же. С. 199.

импульсами также наполнены письма А. Белого и А. Блока к Л.Д. Блок-Менделеевой, А. Белого к М.К. Морозовой.

Сосредоточение на внутренних переживаниях, склонность к саморефлексии писателей-модернистов проявляется не только в частной переписке, но и в других источниках личного происхождения — дневниках, воспоминаниях, мемуарах. Многие авторы выстраивали свое биографическое повествование (жизнеописание) по аналогии с «человеческим документом»: стараясь не утаивать ни малейших деталей, подвергая себя изощренному интимному самоанализу. Особенно показательны в этом отношении тексты Андрея Белого, которые, по выражению Моники Спивак, столь очевидно пригодны для психоаналитических штудий, что без какого-либо насилия могут быть помещены в учебные хрестоматии³⁰.

Можно предположить, что развитию опыта самопознания и исповедального автобиографизма способствовало введение в литературный оборот описания клинических и криминальных случаев (патологических казусов) и «исповедей» («признаний» пациентов). Г.Ф. Элленбергер, историк медицины, автор классического труда «Открытие бессознательного», указывает на взаимовлияние медицинского (психоаналитического) и литературного дискурсов как на характерную черту эпохи³¹.

Следует также отметить, что в большинстве писем есть интеллектуальный стержень: авторы делились идеями, высказывали свои концепции, обсуждали актуальные вопросы, спорили, отстаивали свои мировоззренческие позиции. При этом письма не теряют своей «литературности», для них характерны обилие цитат, лишь внешняя направленность к конкретному адресату (внутренне они обращены к читателю вообще). Многие идеи,

---

³⁰ Спивак М. Мать, жена, сестра, дочь? (Объект влечения Андрея Белого) // http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_24.htm

³¹ Элленбергер Генри Ф. Открытие бессознательного. СПб., 2001. С. 343. Как часть единого дискурса рассматривает декадентство и вырождение Ольга Матич. Один из основных тезисов ее книги «Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России» заключается том, что «ранний модернизм возник на пересечении новых эстетических устремлений и медицинских исследований об упадке психического и физического здоровья». (Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. — М., 2008. С. 15).

высказанные в письмах, позже почти без изменений вошли в литературно-художественные и историко-публицистические произведения писателей. Как писал А. Волынский, «стиль писем З.Н. Гиппиус был действительно несравненным. Иные из этих писем лучше обширных статей Антона Крайнего с его причудливым тоном [...]. Тут все чеканно просто, коротко, содержательно. При этом в основе лежит философская серьезность [...] когда-нибудь собрание их могло бы явиться живейшим документом-иллюстрацией к картине нашей литературно-общественной жизни в момент зарождения декадентства»³².

В письмах также отражены темы, связанные с общественной деятельностью: писали о журналах, театральных постановках, переводах, сообщали отзывы на литературные произведения, решали организационные вопросы, связанные с изданием журналов и альманахов, основанием религиозно-философских собраний, высказывались на актуальные темы, обсуждали текущие новости.

Очевидно, что всему рассмотренному комплексу источников в высшей степени присуща полифункциональность, многообразие содержания и стилистических особенностей, различная степень следования эпистолярному канону, неоднозначность взаимоотношений автора и адресата.

На рубеже XIX–XX вв. художественная интеллигенция не осталась в стороне от объединительных усилий, предпринятых различными профессиональными группами³³. Это было тесно связано с убеждением, что юридическая и общественная легитимизация интеллигентских союзов не только позволит их членам отстаивать свои профессиональные интересы, но и обеспечит возможность открыто вести диалог с властью, заявлять о своей гражданской позиции.

Начиная с XVIII в. в столицах и провинциальных городах Российской империи начала прослеживаться тенденция к «освобождению» общества от государства, свидетельством

---

³² Письма З.Н. Гиппиус к А.Л. Волынскому // Минувшее, 12. 1993. С. 277.

³³ Зябликов А.В. Корпорация художественной интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.: кризис тактики политического «дрейфа» // Интеллигенция и мир. 3–4, 2005. Иваново. 41–55.

чему является возникновение различных форм так называемого «локального общества». По мнению Линднер Райнер, одного из авторов коллективного труда «Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века», в России в начале XX столетия возникло «фрагментарное общество со своими инициативными группами, частными владениями, социальной активностью, правовым сознанием, притязаниями на образование, профессиональной этикой и национальными контрпроектами»³⁴.

Так, в среде писательской интеллигенции, в 90-е гг. XIX в. при Русском Литературном обществе был создан Союз взаимопомощи русских писателей и ученых (ок. 660 литераторов); в 1905 г. (после подавления восстания 1905 г.) была зарегистрирована «Комиссия при московском обществе помощи литераторам и журналистам»³⁵, в середине 1900-х гг. в Москве организовалось «Общество деятелей периодической печати и литературы» (председатель — П.Д. Боборыкин)³⁶; существовала «Касса взаимопомощи литераторов и ученых», основанная в Петербурге при «Литературном фонде»³⁷.

В среде музыкантов в 1859 г. было образовано Русское музыкальное общество; в 1878 г. — Русское хоровое общество; Русское филармоническое общество; в конце 1902 г. — Санкт-Петербургское общество музыкальных собраний.

Объединив свои усилия, профессиональные сообщества организовывали и проводили съезды. Наибольшее их количество пришлось на последнее десятилетие XIX — первое десятилетие XX вв., период, названный «эпохой съездов»³⁸.

Самым крупным художественным форумом 90-х гг. XIX в. стал Первый Всероссийский съезд сценических деятелей, проходивший

---

³⁴ Линднер Р. «...Центр культуры и гражданственности...» — коммуникации и гражданская идентичность в Екатеринославе. 1860–1914 гг. // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2007. — С. 184–185.

³⁵ Белоусов И.А. Литературная среда. Воспоминания 1880–1928 гг. М., 1928. С. 181.

³⁶ Там же. С. 211–212.

³⁷ Там же. С. 229.

³⁸ Зябликов А. В. Корпорация художественной интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.: кризис тактики политического «дрейфа» // Интеллигенция и мир. 3–4, 2005. Иваново. 41–55.

в Москве с 9 по 23 марта 1897 г. Спустя несколько лет, 17 января 1900 г. в Императорской академии художеств состоялся съезд русских зодчих³⁹; в феврале 1906 г. прошел Первый съезд драматических и музыкальных писателей; 7 февраля 1905 г. — собрание членов Русского общества книгопродавцев и издателей, по итогам которого был создан Союз русских книгопродавцев и издателей и т. д.

В целом, как показала В.Р. Лейкина-Свирская, исследовавшая деятельность профессиональных и профессионально-политических союзов интеллигенции начала XX в., корпорации художественной интеллигенции не сыграли активных ролей в событиях начала XX в.⁴⁰ Художники и вовсе не смогли создать никакого творческого или профессионально-политического объединения. Из других лишь союз журналистов, насчитывавший к концу 1905 г. 220 членов, более радикально выражал свою позицию. Политические требования, сформулированные на Первом съезде российских журналистов 5–8 апреля 1905 г., включали в себя следующие пункты: замена самодержавно-бюрократического строя «представительным образом правления»; гражданское и политическое равноправие всех народностей; предоставление избирательных прав женщинам; свобода слова, собраний, коалиций, стачек; амнистия всем политическим узникам; передача земельного фонда в распоряжение трудового населения и др. Однако даже этот внешний радикализм не заслоняет умеренно-либеральной сути журналистских притязаний.

Писатели-модернисты довольно скептически относились к подобного рода профессионально-политическим союзам. По мере приближения революционных событий, они все более остро ощущали необходимость противопоставления культуры политике, а с началом революции помимо идеи общественного обновления переживали страх надвигающейся глобальной угрозы «непосыгаемым» началам гуманизма и культуры⁴¹.

В 1905–1907 гг. представители новой художественной элиты в большинстве своем не отказывались от традиционной для себя

---

³⁹ Новое время. 1900. 17 января.

⁴⁰ Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981.

⁴¹ Зябликов А. «Ясновидцы революции»: российская художественная интеллигенция в политических баталиях начала XX века. Кострома, 2001. С. 17.

общественной роли, но видели ее не только в служении идеи политического освобождения, сколько в сбережении культуры и спасении личности. К просвещению масс в «духе красоты» призвали в начале 1906 г. М.В. Добужинский, К.А. Сомов, Е.Е. Лансере, А.Н. Бенуа в письме «Голос художников». К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко в 1905–1907 гг. были едины в стремлении сделать Московский художественный театр ни революционным, ни черносотенным, понимая провоцирующую опасность какого-либо уклона. Аналогичную позицию заняли актеры Александринского театра в Петербурге.

По мнению исследователей⁴², выбор данной стратегии был связан с усилившейся к началу XX в. тенденцией к разделению сфер влияния искусства и политики, с появлением на общественной арене «профессиональных» политиков. Активное формирование в 1904–1907 гг. новой российской политической элиты, в связи с возникновением легальных политических партий и учреждением в России представительного органа — Государственной Думы, способствовало высвобождению многих областей искусства из «пут» политики⁴³. «Разведение» элит обусловило и «разведение» в мироощущении самих деятелей искусства начал «поэта» и «гражданина», прежде спаянных более прочно.

Как пишет З. Гиппиус, в девяностых годах XIX столетия совершился перелом: «Новые люди, с душами сложными и тонкими, поэты, художники, — праведно взбунтовались против выветрившихся «традиций». Освобождение искусства, художественной литературы было полным. Эстетический принцип торжествовал. Литература разрослась широко, расцвела небывало пышным цветом. И даже без особенного труда сломала она старые «законы»: когда смысл их, содержание, забывается или затирается, они, эти законы, хрупки. Возродился Тютчев, Боратынский (в тексте сохранена орфография оригинала — *Автор*) — не говоря о Пушкине. Радостно протянули мы руки тонкой молодой литературе Запада»⁴⁴. Права на такую же свободу получили и сами творцы искусства: все узы были сняты не только с «поэзии», но и «поэтов». «Где, когда, — продолжает З. Гип-

---

⁴² Там же. С. 13.

⁴³ Там же. С. 13.

⁴⁴ Гиппиус З. «Судьба Аполлона Григорьева» (По поводу статьи А.А. Блока, приложенной к «Стихотворениям Аполлона Григорьева») // Октябрь. № 8. 1992. С. 177.

пиус, — «обязывали» хоть бы того же Блока «быть гражданином»? Слыханное ли это дело?»⁴⁵.

В эстетическом плане авторы Серебряного века получили полную свободу, которая выразилась в невероятной творческой активности, поисках, экспериментах, не только в искусстве, но и жизни, а также расширении коммуникационного пространства. Никогда формы общения не были столь многогранны и многоплановы. Значительная часть творческой энергии Серебряного века ушла в «кружковую» жизнь, связи между поэтами, писателями, художниками, артистами были столь многосторонними и насыщенными, что можно говорить о них как о едином историко-культурном контексте. Удельный вес общего творчества в это время едва ли не столь же значителен, что и удельный вес творчества индивидуального.

Художественные и литературные объединения, число которых достигало несколько десятков только в столицах⁴⁶, стали важнейшими элементами общественной жизни рубежа XIX—XX вв. Это были «неформализованные виды объединений»⁴⁷ — кружки, салоны, вечера, литературно-артистические кабаре и т. п., — наиболее благоприятные для профессионального и человеческого общения. Возникавшие в конце XIX — начале XX в. профессиональные и социальные группы дискурса уплотняли сеть социальной коммуникации, расширяя традиционные и создавая новые «коммуникационные пространства». В результате сформировалась инфраструктура общественности и повседневного светского общения.

Указанные формы организации артистических групп отличались от литературных салонов и кафе конца XVIII — начала XIX в. отсутствием ритуализированности, задававшейся рамками светского политеса. Творческие объединения начала XX в. были свободными от любых внешних регламентаций и общественных стереотипов. Именно эта сфера «неотрефлексированного поведения» культивировалась и рассматривалась

---

⁴⁵ Там же. С. 177.

⁴⁶ *Березовая Л.Г.* Творческие объединения Серебряного века // *Новый исторический вестник*. М., 2001. № 3 (5). С. 234—238.

⁴⁷ *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 34.

как нельзя более органичная артисту среда спонтанных импровизаций, в которой внутренний мир художника проявлялся во всей обнаженности, импульсивности, парадоксальности несочетающихся полюсов⁴⁸.

Литературные кружки устраивались в начале XX в. в обеих столицах на квартирах известных деятелей литературы и искусства. Одним из первых клубов московской интеллигенции стал Литературно-художественный кружок⁴⁹, созданный в 1899 г. по инициативе А.П. Чехова, К.С. Станиславского, М.Н. Ермоловой, А.И. Южина-Сумбатова, А.Ф. Кони и др. С 1908 г. его возглавлял В. Брюсов. На знаменитых «вторниках» кружка выступали русские и зарубежные писатели, артисты, читались доклады и лекции, проходили диспуты, отмечались юбилеи⁵⁰. Особой популярностью пользовались выступления К.Д. Бальмонта, А. Белого, М.А. Волошина, Вяч. И. Иванова. Кружок финансировал заграничные гастроли МХТ в 1906 г., издавал «Известия» (№ 1–18, 1913–17). В 1907 г. при нём было организовано «Общество свободной эстетики» (1907–1917)⁵¹. В первом параграфе Устава Общества говорилось о том, что оно «имеет целью способствовать успеху и развитию искусств и литературы и содействовать общению деятелей между собой»⁵².

⁴⁸ Кривцун О.А. Художник и артистический мир // Человек, 1993, № 2.

⁴⁹ Устав Московского Литературно-художественного кружка. – М., 1898; Список членов Литературно-художественного кружка. – М., 1901; Гиляровский В.А. Два кружка // Гиляровский В.А. Москва и москвичи: Очерки старомосковского быта. М., 1955. С. 205–222; Литературно-художественный кружок (в немецком ресторане «Альпийская роза» на Софийке). С. 214–222; Телешов Н.Д. Литературно-художественный кружок // Телешов Н.Д. Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1953. С. 24–32; Вересаев В.В. Московский Литературно-художественный кружок: (1899–1917 гг.) // Вересаев В.В. Невыдуманные рассказы. М., 1968. С. 125–131; Собр. соч. М., 1985. Т. 4. С. 111–117.

⁵⁰ См.: Ходасевич В. Московский литературно-художественный кружок // Воспоминания о Серебряном веке. М.: Республика, 1993.

⁵¹ Устав общества «Свободная эстетика». Цит. по изд.: Валентин Серов в переписке, документах и интервью: Сб. В 2 т. / Сост. И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. Л., 1989. Т. 2. С. 368.

⁵² Там же. С. 368.

Важную роль в культурной жизни начала XX в. играл московский литературный кружок «Аргонавтов» (1903–1910), организованный Андреем Белым и группой его «мистических» единомышленников (Эллис, А.С. Петровский, С. Соловьев, В.В. Владимиров, М.И. Сизов и др.). «Аргонавты» не имели никакой организации; в «аргонавтах» ходил тот, кто становился нам близок»⁵³, — писал Андрей Белый. Помимо поэтов-символистов, в кружке принимали участие музыканты, живописцы, философы, ученые, общественные деятели. В беседах говорилось не только о поэтике символизма, но и религиозно-общественных проблемах⁵⁴.

В Петербурге популярным местом встреч литературной и философской интеллектуальной элиты Петербурга были «среды» Вяч. Иванова⁵⁵ и «воскресенья» Ф.К. Сологуба, пришедшие на смену знаменитым «пятницам» К.К. Случевского⁵⁶. На встречах обсуждались проблемы искусства, философии и религии⁵⁷.

Большую роль в культуре рубежа XIX–XX вв. сыграло художественно-литературное объединение «Мир искусства», возникшее в 1898 г. В дружественный круг художников (А.Н. Бенуа, Л.С. Бакст, К.С. Сомов и Е.Е. Лансере.) вошли критик и культурный деятель — меценат С.П. Дягилев, литераторы Д.С. Мережковский и Д.В. Filosoфов. Издававшийся объединением журнал «Мир искусства» стал творческой «площадкой» для ярчайших авторов Серебряного века.

Одним из основных центров модернистской развлекательной культуры и в то же время очагом творчества стали

⁵³ Андрей Белый. Начало века. С. 20–123.

⁵⁴ См. подробнее статью: *Лавров А.В.* Мифотворчество аргонавтов // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 137.

⁵⁵ *Белый А.* Начало века. М.—Л. 1933. С. 321. См.: *Бунатян Г.Г., Чарная М.Г.* Петербург Серебряного века. Дома, события, люди. СПб., 2002.

⁵⁶ *Брюсов В.Я.* Дневники. М., 2002. С. 69.

⁵⁷ Также литературные кружки устраивались на московских и петербургских квартирах Л.Н. Андреева и Н.Д. Телешова, на петербургских квартирах К.К. Арсеньева и М.Л. Лозинского, на московской квартире юриста и литератора Н.В. Давыдова, на квартире бар. Н.В. Дризена в Петербурге и др. См. подробнее: *Словарь Ш. Манфред* «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов». М., 2004.

литературно-артистические кабаре. Мода на заведения подобного типа как, в свое время, и мода на салоны пришла в Россию из Франции. Именно в Париже молодые поэты и писатели впервые задумали создать такой клуб, «где можно было бы чувствовать себя свободно и совершенно нестесненно»⁵⁸. Так, в 1878 г. было открыто первое кабаре «Chat Noir», во многом ставшее образцом для подобного типа заведений. Вскоре ночные артистические кабаре появились и в других городах Европы <...> — в Мюнхене, Берлине»⁵⁹.

В Москве первое артистическое кабаре «Летучая мышь» было открыто в 1908 г. при Московском Художественном театре в доме Перцова в 1908 г. Помимо учредителей — главных актеров МХТ (О.А. Книппер, В.И. Качалов, И.М. Москвин, В.В. Лужский, Т.С. Бурджалов, Н.Ф. Грибунин, Н.Г. Александров) кабаре посещали музыканты, художники, литераторы, люди близкие к театру⁶⁰. Позднее, в 1910 г., был создан «Дом интермедий» Вс. Мейерхольда, задуманный актером как «художественный клуб, содружество самых разных людей искусства»⁶¹.

Наибольшей известностью и популярностью пользовалось литературно-артистическое кабаре «Бродячая собака» (1911–1915 гг.), ставшее культурной достопримечательностью Петербурга⁶². Не только творческая атмосфера и ирреальная «таинственно-шуточная»⁶³ обстановка привлекали художественную богему, но, прежде всего то обстоятельство, что «Собака» не выработала своей платформы, объединяя самых

---

⁵⁸ Шульц мл. С.С., Склярский В.А. Бродячая собака: Век нынешний — век минувший. СПб., 2002. С. 44.

⁵⁹ Там же. С. 46.

⁶⁰ Тихвинская Л.И. Кабаре и театры миниатюр в России 1908–1917. М., 1995. С. 19–20.

⁶¹ Там же. С. 70–71.

⁶² Шульц мл. С.С., Склярский В.А. Бродячая собака: Век нынешний — век минувший. СПб., 2002; Воспоминания Б. Пронина, рассказанные им самим // История Петербурга. 2006. № 3(31); Судейкин С.Ю. Бродячая собака. Воспоминания. // Встречи с прошлым. М., 1984.

⁶³ Цит. по: Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. М., 1985. С. 172–173.

различных художников, каждый из которых приносил свое, личное»⁶⁴.

Объединяющими центрами для литературных кружков и обществ являлись также редакции столичных газет и журналов⁶⁵, среди которых наибольшей известностью пользовались книгоиздательство «Скорпион» В.Я. Брюсова и противостоящий ему «Гриф», организованный С.А. Соколовым (псевдоним — Сергей Кречетов). Литературные кружки собирались также вокруг художественно-литературных альманахов, на страницах которых оформлялись основные течения Серебряного века, наиболее последовательно — футуризм⁶⁶. Эпатажные альманахи-манифесты футуристов, как, например, отпечатанный на обоях сборник «Садок судей. Сборник футуристических рисунков и стихов» (СПб., 1913) и программный сборник «Пощечина общественному вкусу» ([М.], [1913]) представляли собой коммуникативный канал для трансляции своих идей в общество⁶⁷.

Своеобразными духовными центрами можно называть такие художественно-литературные альманахи, как «Северные цветы» (Кн. 1—5. М., 1901—1911), «Альманах книгоиздательства “Гриф”» (1903, 1904, 1905 и 1914 гг.), а также один из наиболее популярных и долговечных «Литературно-художественный альманах издательства “Шиповник”» (СПб., 1907—1917)⁶⁸,

⁶⁴ Петров Н. 50 и 500. М., 1960. С. 145.

⁶⁵ См.: Красовский М.И. Литературно-художественные издания конца XIX—XX веков и их издатели. Черновцы, 2002; Литературный процесс и русская журналистика конца XIX—начала XX века. 1890—1904: Буржуазно-либеральные издания. М., 1982; Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984; Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX века. М., 1975; Русская литература конца XIX — начала XX века: 1908—1917. М., 1972; Шестаков В. Искусство и мир в «Мире искусства». М., 1998.

⁶⁶ Балашова Ю.Б. Эволюция и поэтика российского литературного альманаха как типа издания. Автореф. дисс. док.фил. наук. СПб., 2011. С. 22.

⁶⁷ Там же. С. 22.

⁶⁸ Литературно-художественные альманахи «Шиповник» (кн. 1—26, 1907—1917) были полемически ориентированы против горьковских сборников «Знание» (СПб., 1904—1913). С 1910 г. в альманахах «Шиповник» печатались антиреволюционные произведения.

где сотрудничали модернисты: К.Д. Бальмонт, Г.И. Чулков, Ф.К. Сологуб, А. Белый, а также бывшие «знаньевцы» — Л.Н. Андреев, В.В. Вересаев, А.И. Куприн, Е.Н. Чириков, ушедшие из издательства после одобрения М. Горьким ленинского литературного проекта. «Я всегда хотел и особенно хочу теперь стоять вне каких бы то ни было программ. Я хочу быть свободен как художник, а программа связывает, и это мне ненавистно», — писал Л.Н. Андреев Г.И. Чулкову в 1906 г.

Таким образом, конституирующим признаком художественной интеллигенции служила исключительно духовная общность, которая отчасти социализировалась и превращалась в общность реально-групповую, но по самой своей слишком широкой и эфемерной природе не могла быть вполне материализована и закреплена. Так постепенно складывалось представление о приоритете профессионального сознания, артистический круг общения мыслился как самодостаточный и наиболее органичный для творчества и самовыражения. Главное, не противоречил духу индивидуализма, столь характерного для художественной элиты рубежа веков.

Позиционируя себя законодателями вкусов, центрами общественного притяжения, писатели-модернисты отдавали дань не столько своему творческому гению, сколько идеям своего времени. Говоря об индивидуализме начала века, отдельное внимание, по мнению исследовательницы Шарлотты Розенталь, «следует обратить... на эстетику этого периода, особенно... на так называемую «идеологию» модернизма»⁶⁹. Эта идеология выдвинула «новую систему ценностей, в том числе... подчеркнутый индивидуализм и эстетическое оправдание жизни...»⁷⁰.

В данном случае речь идет о тех умонастроениях и процессах, которые определяли психологический и интеллектуальный фон эпохи. Конец XIX — начало XX в. — это время формирования «индивидуализированного общества»⁷¹

---

⁶⁹ Розенталь Ш. Зинаида Венгерова: Модернизм и освобождение женщин // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 59.

⁷⁰ Там же. С. 59.

⁷¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

(З. Бауман), характеризующегося распадом устойчивого интерсубъективного порядка, который обеспечивал индивидов общими критериями оценок⁷². На смену жесткой иерархии ролей, вписывающих человека в онтологический порядок и предписывающих ему набор обязанностей, принадлежащих человеку не случайно, а составляющих часть его сущности, в начале XX в. приходит подвижная модель «рефлексивной идентичности» (Э. Гидденс), когда «Я» не имеет необходимого социального содержания и необходимой идентичности⁷³. Т. е. человеческое «я» объявляется основным и безусловным творческим началом, модифицирующим в себе все мироздание, а не только отношение к нему.

В новой культурной ситуации начала XX в., согласно Сартру, идентификация субъекта с его ролями является признаком «дурной веры», «самообмана», результатом одновременно и моральной фальши, и интеллектуальной слабости, взаимно обуславливающих друг друга⁷⁴. О произвольности выбора субъектом своих возможностей писал Макс Вебер: «Жизнь, основанная на самой себе и понимаемая из себя самой, знает только вечную борьбу богов, знает <...> только несовместимость наиболее принципиальных, вообще возможных жизненных позиций и примитивность борьбы между ними и, следовательно, необходимость между ними выбирать»⁷⁵.

В условиях «ценностного политеизма» ни один из культурных и этических образцов не может претендовать на безусловную авторитетность. Множественность и фрагментарность культурной среды отражается и в распаде устойчивых — национальных, классовых, гражданских, гендерных — идентичностей индивидов. Борис Пастернак в романе «Доктор Живаго» пишет: «Что-то сдвинулось в мире. Кончился Рим, власть количества, оружием вмененная обязанность жить всей поголовностью, всем населением. <...> Личность, проповедь

---

⁷² Сидоров А. М. Проблема идентичности в современной культуре // Обсерватория культуры. М., 2008. № 4. С.5.

⁷³ Там же. С.5.

⁷⁴ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319—344.

⁷⁵ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 730.

свободы пришли им на смену. Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной»⁷⁶.

Однако творческая свобода была условием, но не целью, эстетизм не переходил в эстетство, индивидуализм — в нарциссизм. Статус самоценности, который приобрели художники в начале XX в., позволял им сконцентрироваться на творении прекрасного, идеальной реальности, отличной от реальности действительной и этим завоевать благосклонность аудитории, ибо искусство дано, чтобы не умереть от истины (Ф. Ницше). Свобода искусства снимала с художника ответственность и лишала обязанностей («Я не знаю других обязательств, Кроме девственной веры в себя» — В. Брюсов), вместе с его служителями, по словам З. Гиппиус, оно «почетно было выселено за ограду, в прекрасную дальнюю виллу, и сами поэты выселению содействовали»⁷⁷.

Однако «крупным талантам», тем, кто по праву относится к российской культурной элите, было тесно в такой свободе, душно в «загородной вилле». Их целью было не создание прекрасного, а «борьба за человека». Быть человеком, по мнению З. Гиппиус, значит «уметь сделать выбор, быть на него способным, то есть способным и на жертву, так как без жертвы нет выбора. И в этом выборе, в этой жертве надо уметь за себя отвечать»⁷⁸. «Каждая историческая эпоха, — пишет З. Гиппиус, — требует своего выбора. У каждой есть свое «направо», свое «налево», как бы эти правосты и левосты не усложнялись и не видоизменялись. Но закон выбора и античной жертвенности для «человека» постоянен и неумолим: уклоняющийся (все равно почему) выпадет, как человек, из истории...»⁷⁹. В данном контексте речь идет не о гражданской позиции, а о моральном выборе, «человеческом» самоопределении. Без последнего не-

---

⁷⁶ Пастернак Б. Доктор Живаго // Новый мир. 1987. № 3. С. 171. (часть 13, гл. 17).

⁷⁷ Гиппиус З. «Судьба Аполлона Григорьева» (По поводу статьи А.А. Блока, приложенной к «Стихотворениям Аполлона Григорьева») // Октябрь. № 8. 1992. С. 177.

⁷⁸ Там же. С. 174.

⁷⁹ Там же. С. 174.

возможно существование свободного и равноправного общества, так как «не на благоговении (и презрении) — на равенстве строится человечность. На разно- и равноценности человека, лица, личности, за себя отвечающей и принимающей вместе со своими правами — свои обязанности»⁸⁰.

Произошло смещение акцентов: место «гражданственности» занял «гуманизм».

Поэтом можешь ты не быть,
Но *человеком* быть обязан.

«А если ты поэт — добавляла З. Гиппиус, — тем более обязан — вдвое...»⁸¹. Гиппиус-критик требовала от писателя собственной позиции — сознательного человеческого самоопределения, утверждающего желаемое и должное в жизни: «Человек без позиции свободен, как язык колокольный без колокола»⁸². В «беспозиционности» писателей-современников З. Гиппиус видела отражение в литературе страшной силы косности и безволия, лености души, любящей себя такой, какая она есть. Искусство, литература для Гиппиус не самоценны, но являются действенным средством расширения, высветления, преобразования жизни. Художественное творчество — одно из наиболее действенных средств формирования и развития человеческого в человеке, одухотворенности его внутреннего мира, обогащения спектра его жизненных ценностей, утверждения принципов гуманизма.

«Мы должны бороться, — писал Н.А. Бердяев в работе «О назначении человека», — за новое общество, которое признает высшей ценностью человека, а не государство, общество, нацию»⁸³. Несмотря на многообразие взглядов и убеждений представителей писательской интеллигенции рубежа XIX —

---

⁸⁰ Гиппиус З. «Судьба Аполлона Григорьева» (По поводу статьи А.А. Блока, приложенной к «Стихотворениям Аполлона Григорьева») // Октябрь. № 8. 1992. С. 178.

⁸¹ Там же. С. 178.

⁸² Цит. по: Гиппиус, З.Н. «Неугасим огонь души...»: [Из лит.-критич. наследия] / З.Н. Гиппиус; Подгот. Н.И. Осьмакова // Октябрь. 1992. № 8. С. 172.

⁸³ Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 316.

XX вв., порой противоположных и взаимоисключающих, приведенные выше слова Н.А. Бердяева, могли бы стать своеобразным лозунгом творческой элиты начала века. Писатели-модернисты сознавали ответственность, которая лежала на них как на «лучших», избранных людях — творцах искусства. В письме к П.П. Перцову Д. Мережковский писал: «...нам ужасно много дано и с нас много спросится. Ведь нам дано большее сознание, чем Л. Толстому и Достоевскому и Ницше. Мы уже видим то, что за ними, дальше них. И это неимоверно увеличивает нашу ответственность. Да, вот что меня ужасает, что не дает мне покоя — жжет, как живая рана — *Ответственность ужасающая*. Слишком многое от нас зависит, от наших слов и *действий*. И не на кого (даже в Западной Европе) сложить эту ответственность. Как нам душу свою спасти — вот о чем я все думаю, — нам нельзя спасти душу свою, не ответив на те вопросы, которые нам сейчас поставила русская и всемирная культура...» (Курсив Д.С. Мережковского — *Автор*).⁸⁴

Утверждение гуманистических начал в культуре начала XX в. писатели-модернисты видели по-разному. А. Блок писал в письме В.В. Розанову: «Ведь я, Василий Васильевич, с молоком матери впитал в себя дух русского «гуманизма». Дед мой — А.Н. Бекетов, ректор СПб. университета, и я по происхождению и по крови «гуманист», т. е., как говорят теперь — интеллигент. Это значит, что я могу сколько угодно мучиться одинокими сомнениями как отдельная личность, но как часть целого я принадлежу к известной группе, которая ни на какой компромисс с враждебной ей группой не пойдет. Чем более пробуждается во мне сознание себя как части этого родного целого, как «гражданина своей родины», тем громче говорит во мне кровь. <...> моя кровь говорит мне, что... всякое уничтожение и унижение личности — дело страшное»⁸⁵.

А. Блок содрогался от «*коллективного озлобления*», которое царило в России. «Все живем за китайскими стенами, — писал поэт матери, — полупрезирая друг друга, а единственный об-

---

⁸⁴ Письмо Д. С. Мережковского к П. П. Перцову от <1900; V> // Русская литература № 2. 1992. С.147.

⁸⁵ Письмо А. Блока В. В. Розанову от 17 февраля 1909 г. // Александр Блок. Соч. в 2 т. Т. 2. М. С. 621.

щий враг наш — российская государственность, церковность, кабаки, казна и чиновники — не показывают своего лица, а направляют нас друг на друга»⁸⁶.

Однако принять насилие и «террор», чтобы изменить социальную реальность, поэт не мог как литератор и как человек («Сам я не «террорист» уже по тому одному, что «литератор»)⁸⁷. Главным оружием А. Блока, как интеллигента, литератора было слово. В статье «Народ и интеллигенция» поэт призывает людей к любви друг к другу и к Родине: «Нужно любить Россию... Если только возлюбит русский Россию, — возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь сам бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже «начало любви»...»⁸⁸.

По мнению З. Гиппиус, главное направление человеческих устремлений должно заключаться в высвобождении жизни, которая есть «творчество, личность, движение вперед», из не-жизни, из неподвижности, из тех отживших исторических форм человеческих отношений — бытовых, семейных, половых, которые обрекают на совместное небытие, на совместную смерть в жизни. Позиция З. Гиппиус тесно связана с историософской концепцией «неохристианства», которую она разделяла с Д.С. Мережковским, с утверждением «нового религиозного сознания», которое неустанно пропагандировала в своих статьях.

Задачу «нового религиозного сознания» З. Гиппиус видела в соединении мыслительных усилий для выявления таких омертвелостей, для высвобождения доли истины из отжившей исторической формы, для того, чтобы «вскрыть религиозный смысл во всех — от великих до мельчайших — проявлениях жизни; утвердить и выявить сознание связи между высшими

---

⁸⁶ Письмо А. Блока матери от 13 апреля <1909. Петербург> // Александр Блок. Соч. в 2 т. Т. 2. М. С. 625.

⁸⁷ Письмо А. Блока В. В. Розанову от 20 февраля 1909 г. // Александр Блок. Соч. в 2 т. Т. 2. М. С. 622.

⁸⁸ Блок А.А. Народ и интеллигенция // Александр Блок. Соч. в 2 т. Т. 2. М., С. 88.

жизненными стремлениями человека и божественной силой. Такое сознание и было бы подлинной религией...»⁸⁹.

Отсюда неприятие З.Н. Гиппиус эстетства и ее статьи против декадентства (под «декадентством» в кругу Мережковских понималась неизжитая, непреодоленная «самость»). Показательными и красноречивыми в свете сказанного являются высказывания З. Гиппиус, адресованные В. Брюсову. В письмах З. Гиппиус упрекала писателя в его сосредоточенности на собственном «я» и довольстве «коротенькой эстетической свободой»: «есть одна для вас страшная черта, которую надо преступить: это — отречься от себя ради Себя, т. е. понять, до конца, что ваше теперешнее «я» — именно «я», а не «Я», каким оно вам кажется»⁹⁰.

«Человеческие» (с большой буквы) пути, по мнению писательницы, «трудны и узки». Жить в «тихой эстетике, в мирных отречениях, в бездейственном самодовольстве маленькой свободы»⁹¹, безусловно, намного легче. Основными лозунгами эстета являются следующие высказывания: «Все люблю и все приемлю», или, что хуже — как пишет З. Гиппиус, — «ничего не люблю и все приемлю», «немножко хочу и немножко делаю», а в сущности «да будет все так, как есть»⁹². Для З. Гиппиус такие принципы были неприемлемыми. Эстетов, декадентов писательница называет людьми-калеками, не способными увидеть или услышать другого, т. к. они от рождения лишены «одного из самых коренных свойств человеческой души: чувства неоспоримого, как знание, что я не одинок в мире, но окружен мне подобными»⁹³.

«Декаденту» З. Гиппиус противопоставляет «индивидуалиста», у которого сознание «личности» не уничтожает сознание

⁸⁹ Цит. по: *Гиппиус, З.Н.* «Неугасим огонь души...»: [Из лит.-критич. наследия] / З.Н. Гиппиус; Подгот. Н.И. Осьмакова // Октябрь. 1992. № 8. С. 172.

⁹⁰ Письмо З.Н. Гиппиус — В.Я. Брюсову от 11.1.1902 // Русский литературоведческий журнал. № 5/6. 1994. С. 287.

⁹¹ Там же. С. 287.

⁹² Письмо З.Н. Гиппиус — В.Я. Брюсову от 11. III. 1902 / Русский литературоведческий журнал. № 5/6. 1994. С. 293.

⁹³ *Крайний А.* (З. Гиппиус) Декадентство и общественность // Крайний А. (З. Гиппиус) Литературный дневник (1899—1907). СПб., 1908. С. 338.

«человечества». Без «общей жизни», «общественности» индивидуалист существовать не может (ему без нее «трудно дышать»⁹⁴), однако, ему нужно время для самоопределения, для того чтобы найти свое отдельное, ему одному соответствующее место в истинной общности, поэтому он временно «отрывается от «человечества»⁹⁵.

Под общественностью З. Гиппиус понимает «соединение человеческих интересов, т. е. превращение их во что-то единое, — и соединенные человеческие усилия по направлению к этому единому»⁹⁶. Однако существующая «ревнивая» и «узкая» общественность грешна тем, что стремиться превратить людей в стадо, в толпу⁹⁷. «Стадный» принцип общественности, ненавидящий (скрыто или явно) личность, приводит к «мещанской кристаллизации», по выражению Герцена. «Остановившийся индивидуализм» в свою очередь может привести, по мысли З. Гиппиус, «к искусственному, еще более страшному, чем врожденное, декадентству»⁹⁸. Выход из сложившегося тупика находится в борьбе «индивидуалиста» со старым соединением людей — во имя нового, такого, где он, при нераздельности с ними, — чувствовал бы свою неслиянность»⁹⁹.

Еще до революции З. Гиппиус обосновала идею о «тройственном устройстве мира», к которой пришла в результате неких числовых построений: 1 — наше Я, единство личности; 2 — любовь человеческая к другому Я, когда этих Я уже два, причем единственность каждого не теряется; 3 — выход во «множественность», где не теряются в долженствовании ни 1, ни 2. Следовательно, общественная идея изначально заложена в природе человека, а единоличие власти одного над многими — античеловеческое, антихристианское¹⁰⁰.

Д.С. Мережковский свою позицию по отношению к дан-

---

⁹⁴ Там же. С. 338.

⁹⁵ Там же. С. 334.

⁹⁶ Там же. С. 330.

⁹⁷ Там же. С. 331.

⁹⁸ Там же. С. 344.

⁹⁹ Там же. С. 344.

¹⁰⁰ *Гиппиус З.Н.* Живые лица. Воспоминания. Дмитрий Мережковский. Тбилиси, 1991. Т. 2. С. 247.

ным проблемам раскрывает в философских эссе, собранных в книгах «Грядущий Хам», «Не мир, но меч: К будущей критике христианства», «В тихом омуте», «Большая Россия», сборнике статей «Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции»¹⁰¹.

Ход мировой истории и явления общественной жизни предстают перед Мережковским как борьба «полярных бездн» — духа и плоти, неба и земли, язычества и христианства. В рамках этой же схемы, в «противопоставлении полярностей», рассматривает Мережковский проблему личности.

По мысли Мережковского, в человеке борются два начала: низкое — «зверь» и высокое — «человек». Только человек, который борется против «зверя в себе», воспитывает в себе человека и может стать личностью. Грань, отделяющая в человеке его низкие стороны, считавшаяся людьми «непроницаемой броней» против «зверя в себе», по мнению Мережковского, представляет собой лишь «тонкую пленку, легко спадающую, на звериной шкуре позолоту»¹⁰². Таким образом, человек является «неустойчивым существом», постоянно балансирующим на грани добра и зла: либо он «бесконечно восходит к Богу», либо — «нисходит в ад». Именно в этом противоречии, по мысли писателя, заключается трагедия человечества. Впоследствии Мережковский пришел к христианству с признанием сверхчеловеком Иисуса Христа: «...совершеннейший Человек, какой когда-либо был и будет на земле, — Сын человеческий, Сын Божий»¹⁰³. Именно в нем Мережковский видит идеал личности и признает его как «единственный твердый, непоколебимый и не временной эталон общечеловечности»¹⁰⁴.

Одна из важнейших характеристик личности, по мысли Мережковского, есть постоянное движение, саморазвитие человека. Личность есть «единственное в мире существо глу-

---

¹⁰¹ Мережковский Д.С. Грядущий Хам. СПб., 1906; Мережковский Д.С. Не мир, но меч. 1908; Мережковский Д.С. В тихом омуте. Большая Россия. СПб., 1910.

¹⁰² Мережковский Д.С. Что такое гуманизм // Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. с. 405

¹⁰³ Там же. с. 408.

¹⁰⁴ Мережковский Д.С. О новом религиозном действии (Открытое письмо Н.А. Бердяеву). // Мережковский Д.С. Большая Россия. Л., 1991. С. 101.

бокое и высокое, единственная мера всех духовных глубин и высот». Другой определяющей чертой личности является свобода. Часто эти два понятия употребляются как синонимы: «...идея свободы, идея личности — основа всей мировой культуры...»¹⁰⁵.

Под свободой Мережковский понимает, прежде всего, свободу внутреннюю, без которой невозможна свобода внешняя, «общественная», высшей формой проявления которой является любовь: «Совершенная любовь — совершенная свобода»¹⁰⁶. Совершенной любовью, а, следовательно, и совершенной свободой Мережковский называет Бога и потому истинно свободным может быть только человек, признающий существование Бога: «Бог есть, — значит, человек свободен»¹⁰⁷. Отрекаясь от Бога, человек «неминуемо отрекается от своей собственной человеческой личности»¹⁰⁸, становится рабом.

«Худшим из всех рабств» Мережковский называет мещанство, угрожающее не только отдельным личностям, но и всей «общественности» в целом. Под мещанством Мережковский понимает, прежде всего, отказ человека от духовной жизни («божественного голода и божественного первородства») ради материального комфорта¹⁰⁹. Впадая в «абсолютное мещанство», человек «мелеет», становится чем-то условным, превращается в «муравья в муравейнике, клетку в организме, атом в материи...»¹¹⁰.

Путь к спасению общества и отдельных личностей от мещанства, от «Грядущего Хама», лежит через духовное «благородство высшей культуры». Для этого необходима «общая идея»¹¹¹, которая соединила бы основные начала «духовного

---

¹⁰⁵ Там же. С. 246.

¹⁰⁶ Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Больная Россия: Избранное. Л., 1991. С. 25.

¹⁰⁷ Там же. С. 25.

¹⁰⁸ Там же. С. 26.

¹⁰⁹ Там же. С. 23.

¹¹⁰ Мережковский Д.С. Что такое гуманизм. // Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 406.

¹¹¹ Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Больная Россия: Избранное. М., 1991. С. 44.

благородства»: интеллигенцию («живой дух»), церковь («живая душа») и народ («плоть»). Такая «общая идея», по мысли Мережковского, может возникнуть только в ходе общественного и религиозного возрождения человечества, главная роль в котором отводится русской интеллигенции. Именно интеллигенция, в которой есть «сознательная общественность и бессознательная религиозность», должна первой прийти к религии, «...и когда это свершится, тогда русская интеллигенция уже перестанет быть интеллигенцией, только интеллигенцией, человеческим, только человеческим разумом, — тогда она сделается Разумом Богочеловеческим, Логосом России как вселенского тела Христова, новой истинной Церкви...»¹¹².

Согласно концепции Мережковского, русская интеллигенция в союзе с перерожденной русской Церковью должна положить начало религиозному возрождению русского народа, «внесть свет нового религиозного сознания» в его «темную религиозную»¹¹³ стихию.

Гуманистические устремления писателей проявились в их отношении к общественно-политическим событиям начала XX вв. В 1899–1904 гг. отнюдь не все представители интеллигенции относились к актам гражданского неповиновения, в том числе к студенческим забастовкам, с демократическим умилением. Студент-естественник Б. Бугаев (А. Белый) писал: «Студенческие волнения переживаются мною, как симпатичный, но обреченный на провал утопизм, более того, как нечто, вызванное провокацией; анархический протест против государства и государственной общественности диктует мне невмешательство в то, что есть иллюзия»¹¹⁴. В.В. Розанов назвал «интеллигентные» забастовки возмутительным явлением. «Это ужасная лень в

---

¹¹² Там же. С. 44.

¹¹³ *Мережковский Д.С.* Грядущий Хам // *Больная Россия: Избранное*. М., 1991. С. 59.

¹¹⁴ *Белый А.* На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 452. Сходной позиции придерживался авторитетный в университетских кругах Д.И. Менделеев. В книге «К познанию России» ученый писал, что забастовки и стачки нанесли главный удар не по университетской схоластике, а по престижу образования и знания, «что доказывается еще лучше тем малым научным содержанием, которое находится в литературных, технических и всяких иных прогрессивных произведениях...».

основе всего, — писал он в письме А.С. Суворину в 1905 г. — Русское шалопайство...»¹¹⁵. По мнению А.В. Зябликова, подобную позицию по отношению к происходящим волнениям следует рассматривать не только сквозь призму субъективных черт и мировоззренческих особенностей представителей культурной элиты, но и «консервативной сущности культуры, которая невозможна без опоры на традицию, школу, ритуал»¹¹⁶.

Оценивая восприятие интеллигенцией летних событий 1914 года, нельзя не заметить, что начало войны «всколыхнуло» все русское общество. В статье «Война и писатели. О писательской психологии» Е. Колтоновская отмечала «большой психологический подъем и национальное воодушевление»¹¹⁷ литераторов в начале войны. Об этом свидетельствует огромное количество публицистических выступлений и литературных произведений¹¹⁸, в которых поэты и писатели выражали свое отношение к войне, пытались понять ее характер и исход. За высказываниями писателей, часто поражающими своей эмоциональностью, видна глубокая рефлексия и самоотверженность.

В первые дни начала войны на фронт отправились Николай Гумилев и Бенедикт Лившиц. Попытался пойти на фронт В. Маяковский. 24 октября 1914 года он подал заявление о принятии его добровольцем в армию, 12 ноября на основании справки Охранного отделения, ему было в этом отказано¹¹⁹.

Николай Гумилев, узнав о начале войны, сразу же решил пойти на фронт добровольцем. По воспоминаниям А.Я. Левинсона, «войну он принял с простотою совершенной, с прямолинейной горячностью..., душу его война застала в наибольшей боевой

---

¹¹⁵ Там же. С. 51.

¹¹⁶ Там же. С. 52.

¹¹⁷ Колтоновская Е. Война и писатели. О писательской психологии // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 136.

¹¹⁸ Война. М., 1914; Чего ждет Россия от войны? Сб. ст. М., 1915; Клич. М., 1915; В тылу. Пг., 1915; Война в русской поэзии. Пг., 1915; Невский альманах. Поэты и писатели — жертвам войны. Вып. 1. Пг., 1915; Блок А. Стихи о России. Пг., 1915; Северянин И. Victoriaregia. Пг., 1915. Сологуб Ф. Война. Пг., 1915 и др.

¹¹⁹ Катанян В.А. Маяковский. Литературная хроника. М., 1956. С. 69. См. Маяковский В.В. Я сам //...

готовности»¹²⁰. Несмотря на то, что еще в 1907 г., Гумилев был освобожден от военной службы из-за болезни глаз, он был полон решимости и добился разрешения стрелять с левого плеча. Поэту было предоставлено право выбрать род войск, предпочтение он отдал кавалерии и, спустя время¹²¹, был зачислен в Лейб-гвардии Уланский полк 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, с которым осуществил ряд сложных военных операций и был награжден Георгиевским крестом 4-й степени, а также произведен сначала в ефрейторы, а затем в младшие унтер-офицеры¹²².

Об отправке в армию участника футуристической группы «Гилея» Бенедикта Лившица Чуковский в своем дневнике записал: «Прочитав в газетах о мобилизации, немедленно собрался — и весело зашагал»¹²³. В июле 1914 г. его зачислили в 146-й Царицынский пехотный полк, воевал он храбро, был ранен и награжден Георгиевским крестом.

Многие писатели, публицисты, поэты отправились на фронт в качестве военных корреспондентов. В их числе был и В.Я. Брюсов, ранее заявлявший: «Я чужд тревогам вселенной»¹²⁴.

Александр Блок, как вспоминала М.А. Бекетова, встретил весть о войне с волнением и какой-то надеждой, на войну он не рвался, это было ему не свойственно, но пожелал участвовать в работе, имевшей касание к войне. В самом начале войны поэт поступил в ближайшее районное попечительство, оказывавшее помощь семьям запасных. Он делал обследования, собирал пожертвования, а также участвовал в благотворительных концертах с чтением стихов¹²⁵.

---

¹²⁰ Там же. С. 167.

¹²¹ Сначала Н. Гумилева зачислили в сводный кавалерийский полк, расквартированный в Новгороде, где он прошел учебный курс военной службы и за отдельную плату, частным образом еще обучился владению шашкой. См.: *Лукницкая В. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких*. Л., 1990. С. 168.

¹²² См. *Зобнин Ю.* Стихи Гумилева, посвященные мировой войне 1914–1918 годов (военный цикл) // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 123–143.

¹²³ *Чуковский К. И.* Дневник. 1901–1929. М., 1997. С. 67.

¹²⁴ «Я чужд тревогам вселенной, / Отдавшись холодной мечте. / Отдавшись мечте — неизменно / Я молюсь неземной красоте». Как царство белого снега... (1896) // Брюсов В. Стихотворения, лирические поэмы. М., 1979.

¹²⁵ *Бекетова М.А.* Блок // Я лучшей доли не искал... Судьба Блока в письмах, воспоминаниях, дневниках. М., 1988. С. 370–371.

Жена А. Блока, Любовь Дмитриевна, прошла благотворительные курсы и в конце августа 1914 г. уехала на фронт в качестве сестры милосердия. Работая в основном в Львовском госпитале, провела девять месяцев на театре военных действий, вернулась в Петроград в мае 1915 г.¹²⁶

Писатели и поэты, оставшиеся в тылу, устраивали благотворительные концерты и вечера. Несколько таких концертов было устроено в начале 1915 г. в пользу лазарета деятелей искусств, открытого в Петрограде в ноябре 1914 г. Так, 25 января в Александровском зале Городской Думы был устроен литературный вечер «Писатели — воинам». В нем участвовали поэты: Ф. Сологуб, Н. Тэффи, А. Блок, И. Северянин, А. Ахматова, М. Кузьмин и многие другие. Сумма, вырученная от проведения данного вечера (875 рублей), была передана в распоряжение лазарета деятелей искусств¹²⁷.

В марте 1915 г. был организован вечер современного искусства «Поэты — воинам» в зале Армии и флота, также в пользу лазарета. Вечере приняли участие Ф. Сологуб, А. Блок, А. Ахматова, И. Северянин и другие поэты, а также певцы, актеры.

Еще одной формой благотворительной деятельности писателей и поэтов было их участие в различных сборниках, которые издавались в 1914—1915 г. в пользу различных обществ, созданных для нужд войны. Так, доход од от сборника «В тылу» наполовину поступал в пользу жертв войны, а вторая половина в пользу нуждающихся студентов Рижского политехнического института¹²⁸; 30% прибыли от издания московского литературно-художественного альманаха «Война» поступало в пользу семейств запасных¹²⁹.

В Москве в 1915 г. был выпущен сборник «Клич» (А. Блок, Ф. Сологуб, Л. Андреев, Т. Щепкина-Куперник, М. Пришвин и др.). Как сообщали составители, все участвовавшие в сборнике писатели, художники, композиторы дали свои произведения безвозмездно; издательские, бумажные и типографские фирмы

---

¹²⁶ Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 135—136; Блок А.А. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 6. Письма. Л., 1983. С. 249.

¹²⁷ Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. 13 февраля.

¹²⁸ В тылу. Пг., 1915.

¹²⁹ Война. М., 1914.

по подписке взяли на себя все расходы по напечатанию книг, нот, рисунков; редакция бесплатно разместила объявления, поэтому вся вырученная от продажи сборника «Клич» сумма была направлена на помощь жертвам войны¹³⁰.

Издавались с благотворительными целями и сборники стихов отдельных авторов. Прибыль от сборников А. Блока «Стихи о России» и Ф. Сологуба «Война», изданных журналом «Отечество» в 1915 г., поступала в пользу «Общества русских писателей для помощи жертвам войны»¹³¹.

Был выпущен сборник «Щит», средства от издания которого предназначались для «Общества взаимопомощи бедствующему еврейскому населению, пострадавшему от военных действий». В сборнике приняли участие З. Гиппиус, Д. Мережковский, Н. Тэффи, К. Бальмонт, В. Брюсов, С. Буглаков, И. Бунин¹³².

Осенью 1914 г. для объединения усилий по оказанию поддержки всем пострадавшим в Петрограде было создано «Общество русских писателей для помощи жертвам войны»¹³³. Одним из направлений деятельности Общества было издание сборника «Невский альманах. Жертвам войны — писатели и художники» (было выпущено 2 сборника). Первый выпуск сборника «Невский альманах» вышел в июне 1915 года, в нем были напечатаны произведения А. Блока, А. Ахматовой, З. Гиппиус, Л. Андреева, А. Куприна, Н. Гумилева, Д. Мережковского, О. Мандельштама, Ф. Сологуба, А. Ремизова, Н. Тэффи, И. Северянина. Репродукции своих произведений поместили К. Петров-Водкин, И. Репин, М. Добужинский, Н. Рерих, Б. Григорьев и другие¹³⁴.

Однако, несмотря на проявленную солидарность, отношение к войне большинства писателей-модернистов было отрицательным¹³⁵. З.Н. Гиппиус отрицала войну «метафизически и лишь прак-

---

¹³⁰ Клич. М., 1915.

¹³¹ Блок А.А. Стихи о России. Пг., 1915; Сологуб Ф.К. Стихи о войне. Пг., 1915.

¹³² Щит. Пг., 1915. С. 187. См. диссер. «Худ. интелл. Санкт-Петербурга».

¹³³ См. Фидлер Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. М., 2008.

¹³⁴ Невский альманах. Жертвам войны — писатели и художники. Вып. 1. Пг., 1915.

¹³⁵ Об отношении писателей к войне см: Купцова И.В. Художественная интеллигенция в годы Первой мировой войны. М., 2007; Купцова И.В.

тически ее признавала», потому что «всякая война, кончающаяся полной победой одного государства над другим... носит в себе зародыш новой войны, ибо рождает национально-государственное озлобление»¹³⁶. З. Гиппиус утверждала, что служителям искусства нет места на земле, «пока она говорит огнем войны». Творить, видя смерть вокруг, не может ни один «художник», он умирает от печали, от безделья, чувствует себя опустошенным, переживает смертельные муки внутреннего разлада»¹³⁷. Страшный опыт войны, по мысли Д.С. Мережковского, опровергнул все духовные ценности, снизил «общий уровень человечности». Выяснилось, писал Мережковский, «что Лицо человеческое вовсе не так прочно держится на человеке, ... что оно снимается с безболезненной легкостью, ... спадает, как маска после маскарада»¹³⁸. А. Блок писал о войне: «Каждый лишний день войны уносит культуру»¹³⁹. За жестокостью войны художественная интеллигенция чувствовала превращение людей в механические орудия убийства, «умирание души», варваризацию, отрицание ценности человеческой жизни и культуры, а потому призывала сохранять «человеческое лицо» и достоинство в отношении немецкой культуры и немецкой нации¹⁴⁰, не «снижаться» внутренне¹⁴¹.

«Когда пушки стреляют, музы молчат?» (Художественная интеллигенция в годы Первой мировой войны) // Клио. 1997. № 1.

¹³⁶ Гиппиус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918 годы. Белград, 1919. С. 18.

¹³⁷ Гиппиус З.Н. Война, литература и театр // Чего ждет Россия от войны? Пг., 1915. С. 96.

¹³⁸ Мережковский Д. С. Что такое гуманизм // Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 405–406.

¹³⁹ Блок А. Из дневников и записных книжек // Александр Блок. Соч. в 2 т. Т. 2. М. С. 476.

¹⁴⁰ Волну неприятия к немцам и немецкой культуре пытался остановить Н.А. Бердяев, призывая «...всего более должна быть свободна Россия от ненависти к Германии». Бердяев Н.А. Душа России. М., 1915. С. 27; Германии посвятила строки М. Цветаева: «Ты миру отдана на травлю, / И счета нет твоим врагам. / Ну, как же я тебя оставлю, / Ну, как же я тебя предам...». Цит. по: Смирнова А.М. Петербургская интеллигенция: патриотизм и пацифизм в начале Первой мировой войны // История Петербурга № 3(25) 2005. С. 36.

¹⁴¹ Гиппиус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник (1914–1917) // Гиппиус З.Н. Дневники. Кн. 1. М., 1999. С. 390.

Не оставались равнодушными писатели-модернисты и к политическим проблемам и процессам — напротив, причастность художественной интеллигенции политике была, как никогда, велика. По свидетельству З.Н. Гиппиус, политика в те годы стала «первым жизненным интересом» для художников, и каждый из них, не принадлежа к партиям, прекрасно в ней разбирался¹⁴². Данное свидетельство является верным и в отношении самой З.Н. Гиппиус. Согласно воспоминаниям современников, «политика неизменно влекла ее к себе»¹⁴³ и до конца жизни оставалась ее «неистребимой “страстью”»¹⁴⁴: «Гиппиус утверждала, что не имеет вкуса к политике, что она «отнюдь не профессионал», «не участник событий, имеющий влияние на них», а всего-навсего «просто обыватель, созерцатель, наблюдатель», — «записыватель». Но это было не так — ни в России, ни в эмиграции. Гиппиус постоянно куда-то входила и откуда-то выходила, политически сходилась и расходилась (и расходилась охотнее, чем сходилась!), мирилась и мирила, ссорилась и ссорила, — не переставая оставаться почти в полном политическом одиночестве и изоляции»¹⁴⁵.

Д.С. Мережковский, по воспоминаниям З. Гиппиус, политикой специально не занимался, а «смотрел на нее и видел под одним углом — религиозным, и если возмущался, что церковь находится в таком рабстве у данного русского режима, то этот режим сам по себе, как подавляющий свободу во всех других слоях народной жизни, сверху донизу, подавляющий и свободу личности — как-то ускользал от его внимания и критики. Отчасти потому, должно быть, что самодержавие все-таки было в какой-то мере «теократией»¹⁴⁶.

Политические симпатии и антипатии художественной интеллигенции не перерастали в выбор конкретной

---

¹⁴² Гиппиус З. История моего дневника: [Отр. из «Черной книжки»] / Подгот. к печати В. Лавров // Русский архив. 1992. № 2. С. 318–367.

¹⁴³ Вишняк М. В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб., 1993. С. 153.

¹⁴⁴ Там же. С. 153.

¹⁴⁵ Там же. С. 155.

¹⁴⁶ Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Дмитрий Мережковский. Тбилиси, 1991. Т. 2. С. 246.

партии: подавляющая ее часть оставалась внепартийной и чаще всего демонстрировала «всеядность», Н.А. Бердяев, давая характеристику общественно-политической позиции В.И. Иванова, отмечал: «Он была всем: консерватором и анархистом, националистом и коммунистом, ...окультуритом и защитником религиозной ортодоксии, мистиком и позитивным ученым..., но... я думаю, что он всегда оставался самим собой». Сходные характеристики можно дать и В.Я. Брюсову, и К.Д. Бальмонту, и А. Белому, и многим другим поэтам Серебряного века.

Позицию «нейтралитета» писателей-модернистов можно объяснить желанием «зарезервировать» за собой право на духовную оппозицию как верховной власти, так и активно формирующейся партийной элите, стремлением быть выразителями общенационального, общечеловеческого¹⁴⁷. Наиболее ярким примером нигилизма по отношению к политике и ко всей политической общественности служит восклицание К.Д. Бальмонта: «Да убирайтесь вы от меня к черту, все политические души, смотрящие на мир с политической точки зрения, не видящие, что мир больше и шире, чем говорит ваша политическая машина, которая своим однообразным в разнообразии скрипучим треском и шумом свидетельствует, что гармония мира вам чужда и вы бессильны овладеть творящими силами жизни. Мне с политическими партиями делать нечего, каковы бы они ни были, коммунистические, монархические, гомеопатически-социалистические, то бишь кадетские, и прочая, и прочая. Я человек и поэт, и поэтому на ваших праздниках и в сплетнях ваших немногих, но существующих возможностей и удобств — мне нет места»¹⁴⁸.

«Внепартийность» художников объяснялась их нежеланием участвовать в процессе, остроумно названном З.Н. Гиппиус «выбором мешка»: «Если я не признаю Горького — значит: я признаю цензуру, гонения на евреев, бюрократизм, взяточничество, розгу — и так вплоть до крепостного права. И меня

---

¹⁴⁷ *Зябликов А.* «Ясновидцы революции»: российская художественная интеллигенция в политических баталиях начала XX века. Кострома, 2001. С. 25.

¹⁴⁸ *Бальмонт К.Д.* Без рула. Прага, 1924. С. 256.

тотчас посадят в мешок — прямо на «Русский вестник», на Грингмута, на Мещерского»¹⁴⁹.

Наличие различных моделей взаимодействия интеллигенции с институтом политической власти, а также неравнозначное отношение к ним самих представителей интеллектуальной элиты лишний раз характеризуют интеллектуально-духовный слой как чрезвычайно противоречивое образование. Вместе с тем исторический опыт, а также современная практика участия интеллигенции во властных структурах с неизбежностью ставят вопрос о целесообразности ее профессионального политического участия, вопрос, который в научной среде воспринимается неоднозначно¹⁵⁰.

Специфика художественного творчества предполагает первичность самосознания, самовоспитания, самосовершенствования человека по отношению к внешним формам устройства жизни. Отсюда правомерно осознанное или безотчетное дистанцирование художника от политики. Художник выполняет общественную, гражданскую функцию через реализацию своего творческого дара, создание художественных произведений. В этом его гражданский и патриотический долг. В то же время позиция быть вне политики не тождественна аполитизму. Она предполагает неприятие как левого, так и правого радикализма, стремление быть выразителем общенациональных, общечеловеческих ценностей, что тесно сопряжено с понятиями социальной и экзистенциальной ответственности.

По мнению Н.А. Бердяева, «люди духа и интеллекта» имеют «профетическую миссию», которая состоит в том, чтобы «сознавать свою независимость и свободу», но в то же время быть «социальными» (сознавать свою социальную миссию), «служить делу справедливости путем своей мысли и творчества», «говорить слово правды народу, обществу», прозревать судьбы человечества¹⁵¹.

¹⁴⁹ *Крайний А.* (З. Гиппиус) Литературный дневник (1899—1907). СПб., Изд-е М.В. Пирожкова. 1908. С. 175.

¹⁵⁰ *Бодрова Е.В., Мешкова А.В.* Общественно-политическая и творческая деятельность художественной интеллигенции в период смены модели общественного развития // <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Bodrova&Meshkova/> (24.10.2010) .

¹⁵¹ *Бердяев Н.А.* Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993. С. 283—285.

Сказанное предопределяет значение повседневных гражданских практик творческой личности, ее отношения к правам человека, умение вести постоянный диалог с властью и обществом. Но основной инструмент влияния на власть и общество, мироощущение и сознание людей — творческая самореализация, направленная на утверждение принципов гуманизма.

Глава 6.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ФЕМИНИСТОК В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Изучение процесса становления гражданского общества в России возможно на примере различных групп населения, в том числе и женщин. Российские женщины рубежа XIX–XX вв. не остались в стороне от модернизационных процессов, под влиянием которых в их жизни происходили кардинальные изменения, приводившие, со временем, к восприятию новых гражданских ценностей.

Как и все составные элементы процесса модернизации, гражданская активность женщин в России, первоначально в форме женского движения, а затем феминизма, зародилась значительно позже, чем в странах Западной Европы. При этом несомненна связь российского и западноевропейского феминизма на идейном уровне, так как в России данная идеология возникла во многом в результате трансфера европейских идей, и в своей деятельности российские активистки опирались на многовековое теоретическое наследие зарубежного феминизма¹, переработанное ими всего за несколько десятилетий. При этом российский феминизм обладал своей спецификой, обусловленной особенностями исторического развития России, противоречиями процесса модернизации, борьбой традиционализма и модернизма. Российские феминистки фактически существовали между двумя крайними идеологическими полюсами — радикализмом и консерватизмом. В этих условиях происходило самоопределение российского феминизма, стремившегося предложить женщинам альтернативный путь,

---

¹ Об истории феминизма в Европе см.: Айвазова С.Г. К истории феминизма // Общественный науки и современность, М., 1992, № 6; Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия, М., 1998; Брайсон В. Политическая теория феминизма, М., 2001.

который бы, с одной стороны, не связывал их традиционными представлениями о предназначении женщины, а с другой, не уводил в террор и революцию.

Большинство исследователей считают, что женское движение, или женская гражданская активность, возникли в России на базе экономических изменений пореформенного периода. И.И. Юкина отмечает, что «разорение дворянских гнезд поставило перед женщиной-дворянкой проблему дальнейшего существования и даже выживания»². Интересно, что позднее, уже на стадии развития феминизма в России (более подробно об этом будет сказано ниже), активистки и лидеры движения, оглядываясь назад и пытаясь проследить истоки женского движения, делали акцент именно на экономических причинах. «Отмена крепостного права много содействовала эмансипации барышни. Ей пришлось стать на свои ноги. ... Помещичьим дочкам за неимением подходящих женихов пришлось искать себе работы. Барышня пошла в контору, на телеграф, в канцелярию, в народные учительницы, в акушерки, фельдшерицы, врачи»³.

Многие женщины впервые оказались перед лицом суровой реальности, им нужно было работать, а для этого получать соответствующее образование. Однако и то, и другое для российской женщины 1860-х гг. было затруднительно. Таким образом, общие экономические проблемы заставили женщин объединяться для помощи друг другу.

В этом процессе ведущую роль играла группа образованных женщин из либерально-демократических кругов. Они уже были подготовлены к выходу на общественную арену, были вовлечены в «общий подъем общественной жизни»⁴ и знали, какие пути и средства выхода из трудной жизненной ситуации предложить остальным женщинам, вынужденным искать работу. Они были готовы поддержать женщин, доби-

---

² Юкина И.И. Русский Феминизм как вызов современности, СПб., 2007. С. 60.

³ Покровская М.И. Женщина в крепостные времена и ее психология // Женский Вестник. СПб., 1911, № 10. С. 208.

⁴ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности, СПб., 2007. С. 61.

вающихся права на образование и на труд и не встречающих при этом поддержки ни семьи, ни общества, ни государства. Отсюда и широкая благотворительная деятельность, и многочисленные общества взаимопомощи, такие как Общество дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга.

Сразу же стоит отметить, что деятельность «шестидесятниц» не укладывалась в рамки традиционной благотворительности, это была не только помощь «маргинальным группам населения в целях смягчения их тяжелого положения»⁵. Скорее это была своеобразная форма взаимопомощи женщин, в ходе реализации которой они учились коллективным действиям, привыкали к публичной деятельности.

Целью движения на этом этапе было улучшение положения женщин в традиционном обществе, поиск возможностей для их развития и самореализации, не выходя при этом далеко за рамки традиционных гендерных ролей. Во главу угла ставились вопросы образования и труда женщины, при этом широкого теоретического анализа причин неравного положения женщин в обществе не проводилось. Таким образом, участницы женского движения исходили из существующих гендерных ролей и в большинстве своем не подвергали их сомнению.

Не стоит забывать и о том, что свои первые шаги на пути к эмансипации российские женщины делали под чутким руководством мужчин. В 1850-х — 1860-х гг. именно им принадлежала пальма первенства в теоретических рассуждениях по «женскому вопросу». Это также отмечено исследователями⁶. Именно в либерально-демократическом дискурсе того времени были сформулированы основные вопросы, касавшиеся женщин и волновавшие общественность. Достаточно вспомнить статьи Н.И. Пирогова и М.Л. Михайлова, предлагавших новые способы решения женского вопроса, но, по-прежнему,

---

⁵ *Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005. С. 265.

⁶ См. напр. *Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции, М., 2005; *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности, СПб., 2007.

в рамках традиционной гендерной системы. В их сочинениях женщина предстала как объект социальных действий, как ждущая образованного и интеллигентного мужчину «аморфная масса», которой необходимо было придать определенную форму и задать нужный вектор развития. Так, Пирогов в своей известной статье «Вопросы жизни», опубликованной в 1856 г., рассуждал о том, что прогрессивный мужчина должен иметь рядом с собой соответствующую ему женщину, разделяющую и понимающую его интересы и устремления. Для этого мужчины должны заняться образованием женщин, ведь они не могут не хотеть, чтобы спутница их жизни принимала их интересы. «Что если ... жена будет смотреть с бессмысленной улыбкой идиота на вашу заветную борьбу?»⁷ — вопрошал Пирогов.

Однако уже в то время появились и первые женщины, решившиеся обратиться к своим «сестрам» напрямую, без посредничества мужчин. Здесь можно привести в пример М.Н. Вернадскую, автора статьи «Женский труд», которая была опубликована в «Экономическом указателе» в 1858 г. В ней автор призывала женщин не презирать труд и стремиться к экономической самостоятельности. Ведь только экономически независимая женщина может быть по-настоящему свободна. «Mesdames, перестаньте быть детьми, попробуйте стать на свои собственные ноги, жить своим умом, работать своими руками, учитесь, думайте, трудитесь, как можете — и вы будете также независимы или, по крайней мере, в меньшей зависимости от мужчин, чем теперь, а главное — перестаньте стыдиться и презирать работу»⁸.

Менее решительное, но столь же эмоциональное обращение к женщинам высказано в статье «Жалоба женщины», опубликованной в «Современнике» в 1857 г. Несмотря на многочисленные «жалобы» автора и на просьбы помочь «кто чем и как может», в статье все же содержится своеобразный призыв к самостоятельности женщин, к борьбе со стереотип-

---

⁷ Пирогов Н. Вопросы жизни // Морской Сборник, СПб., 1856, Т. 23, № 9. С. 593.

⁸ М.В. Женский Труд // Экономический указатель, СПб., 1858, № 8. С. 167.

ным образом женщины-куклы. «Женщина должна непременно всего бояться, это существо слабое, простодушное, ей не пристало самой себя защищать — иначе это какой-то гусар, а не женщина»⁹, — иронично замечает автор.

Итак, стремясь вывести женщину на общественную арену, расширить ее жизненное пространство за счет образования и труда, лидеры и активистки движения призывали женщин стремиться к самостоятельности, сознательности, активности. В личностном отношении женщина становилась все более свободной, что отмечалось и самими участницами женского движения. В частности, М.К. Цебрикова писала, что «девушка уходила в область, куда за нею нельзя было следовать; у нее создавался свой мир, который нельзя было контролировать...»¹⁰.

Таким образом, участницы женского движения в России во второй половине XIX в. были во многом носительницами новой системы гражданских ценностей (таких как активность, инициативность, самостоятельность и т. д.), и это, как отмечают многие исследователи, позволяет говорить о том, что женское движение было неотъемлемой частью модернизационных процессов. Так, по мнению С.Г. Айвазовой, возникновение различных форм женской гражданской активности — один из признаков перехода от традиционного общества к современному¹¹. Пиетров-Эннкер отмечает, что все формы активной общественной деятельности, в которых участвовали женщины, «имели целью сделать женщин неотъемлемой частью гражданского общества России»¹².

Однако, как уже было сказано выше, на первом этапе, который, по мнению ряда авторитетных исследователей¹³, охватывает

---

⁹ А. Жалоба женщины // Современник, СПб. Т. 63, № 5–6. С. 61.

¹⁰ Воспоминания М.К. Цебриковой. Двадцатипятилетие женского вопроса // Звезда, 1935, № 6. С.193.

¹¹ Айвазова С.Г. Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем, СПб., 2004. С. 641.

¹² Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции, М., 2005. С. 263.

¹³ См. напр. Пушкарева Н.Л. Феминизм в России // Адам и Ева. Альманах гендерной истории, М., 2003, № 3; Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности, СПб., 2007.

1858 (1859) — 1905 гг., лидеры и активистки движения не проводили теоретического анализа неравного положения женщин в семье, обществе и государстве. Этим занялись уже феминистки, женщины, воспринявшие новую идеологию — феминизм.

Не случайно водоразделом для двух этапов движения стал именно 1905 г., когда рядом законов (от 17 октября, 11 декабря) было нарушено гендерное «бесправное» равенство российского общества¹⁴. Даже сами женщины — участницы движения — оценивали этот год как рубежный: «1905-й год, столь памятный в общественно-политической истории России, сыграл важную роль и в истории женского движения»¹⁵. Женщины, всегда боровшиеся вместе с мужчинами за равные права, вдруг оказались фактически исключены из пространства публичной политики. Избирательное право было даровано лишь некоторым слоям населения. Женщины же, независимо от сословной принадлежности, остались в том же положении, что и до начала Первой русской революции, т. е. по-прежнему были лишены избирательных прав, как пассивных, так и активных. «Половина населения России, — констатировали феминистки, — лишена права голоса в общем для всех граждан деле, признана неспособной и отнесена к категории несовершеннолетних и бесправных существ»¹⁶.

Образованные женщины, занимавшиеся интеллектуальным и общественно полезным трудом, с удивлением узнали, что государство ставит их на один уровень с несовершеннолетними детьми и нетрудоспособными членами общества, т. е. с теми группами населения, которые были лишены права голоса. Совершенно естественно, они были возмущены этим фактом и протестовали против «соединения женщин в одну группу с грудными младенцами»¹⁷.

¹⁴ Ситуацию до 1905 года обычно называют «равенством в бесправии» — см. *Юкина И.И.* Женское движение России, ценз пола и суфражизм // *Гендерная реконструкция политических систем.* СПб., 2004. С. 283.

¹⁵ *З. Мирович* Первый Всероссийский Женский Съезд // *Вестник Европы*, 1909, № 1. С. 412.

¹⁶ *Известия и факты, касающиеся женщин* // *Женский Вестник.* СПб., 1906, № 3. С. 93.

¹⁷ Об избирательных правах русских женщин // *Женский Вестник.* СПб., 1905, № 4. С. 121.

Но еще большее удивление вызвал тот факт, что и вчерашние союзники по борьбе — представители либерально-демократических партий — не спешили включать в свои программы пункт о равноправии мужчин и женщин. С этого момента в феминистский дискурс прочно входит тема предательства со стороны мужчин: «Женщины давно уже принимали деятельное участие в движении, стремящемся установить в России более нормальный образ правления. Многие из них за это погибли ... Что же получилось в результате? Мужчины, которые и без того обладали большими правами, нежели женщины, получили политические права, а женщины по-прежнему бесправны»¹⁸.

Итак, для российских женщин вновь, как и в 1860-х гг., наступило кризисное время, когда им необходимо было заново идентифицировать себя, искать новую идеологию, которая объяснила бы их положение, показала бы, что делать и как бороться. Как отмечают исследователи, именно в кризисных ситуациях, когда индивид утрачивает представление о своем месте, актуализируется проблема идентичности¹⁹. И действительно, сами женщины отмечали, что сложившаяся ситуация буквально выбивала у них почву из-под ног: «конец прошлого года не только разрушил надежды женщин на равноправность, но и поставил перед ними в высшей степени удивительный вопрос: Могут ли они считаться населением или нет? ... Очевидно, министры, составлявшие дополнительные правила для выборов в Государственную Думу, не признают женщин за население и нам теперь приходится спрашивать себя, что же мы такое на самом деле?»²⁰

Как и в 1860-х — 1870-х гг., активистки и лидеры движения предложили свои ответы на этот вопрос, но уже основываясь на теоретических постулатах феминизма. Они предоставляли российским женщинам новые жизненные ориентиры, новую систему ценностей, которая отвечала их насущным потребностям.

---

¹⁸ *Покровская М.И.* Задача Женской прогрессивной партии // Женский Вестник. СПб., 1906, № 3. С. 66.

¹⁹ Гражданское общество. Истоки и современность, СПб., 2006, С. 442.

²⁰ Женщины не признаются в России населением // Женский Вестник. СПб., 1906, № 1. С. 1.

В исследовательской литературе существует множество определений термина «феминизм» — от самых широких и всеохватных до узкоспециальных. В качестве примера определений первого «вида» можно привести следующие: «феминизм можно назвать философией или идеологией даже не столько женского равноправия, сколько освобождения личности из-под репрессивной власти рода, отделения, автономизации индивида от родовых начал»²¹, «теория и социальное движение в защиту прав женщин»²², «феминизм — это активное желание женщин изменить свое положение в обществе»²³. Также иногда в качестве синонима феминизма используют термин «суфражизм» в широком смысле: «суфражизм был движением за радикальную реорганизацию общества, направленную в общем и целом на перераспределение власти между полами»²⁴. Ряд исследователей указывают на то, что разумнее в данном случае говорить не о феминизме, а о многих «феминизмах»²⁵. Из узкоспециальных определений можно, в качестве наиболее распространенного, привести следующее: «феминизм — движение за предоставление гражданских прав женщинам»²⁶, «политическое движение, состоящее из женщин и управляемое главным образом ими же, основной целью которого является достижение равных прав с мужчинами»²⁷.

В данной работе в качестве базового было принято определение феминизма, данное И.И. Юкиной. Феминизм в ее понимании это главным образом идеология феминистского

---

²¹ Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия, М., 1998. С. 7.

²² Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство, М., 2004. С. 9.

²³ Водопьянова Е.В. Европейский феминизм: идеи и движение // Современная Европа, 2000, № 4. С. 60.

²⁴ Шнырова О.В. Антисуфражизм как зеркало суфражизма // Адам и Ева. Альманах гендерной истории, 2005, № 9. С. 160.

²⁵ Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М., 2004. С. 10.

²⁶ Скорнякова С.С. Феминизм и марксизм: два подхода к решению «женского вопроса» // Феминизм и российская культура, СПб., 1995. С. 60.

²⁷ Ратчлэд Р. Дж. Возвращение женской истории: пол, класс и феминизм в дореволюционной России // Гендерные истории Восточной Европы, Минск, 2002. С. 67.

движения, в основе которой лежала критика существующей гендерной системы. Характерными признаками феминизма «как теории, движенческой практики и образа жизни» являются определение в качестве основы гендерной системы патриархального общества и, соответственно, борьба с ним и с теми гендерными ролями и отношениями, которые зарождались в его рамках²⁸.

Первый и второй этапы движения были, разумеется, тесно связаны между собой. Именно женское движение второй половины XIX в. подготовило российских женщин к выходу из тесных рамок семьи на широкую общественную арену, оно дало им бесценный опыт общественной работы. Как отмечает Пиетров-Эннкер, «опыт, который был накоплен женщинами в связи с их участием в благотворительной деятельности, составил важную предпосылку феминистского движения»²⁹.

Российские феминистки начала XX в. не ограничивались только требованиями дарования женщинам политических прав, но выступали за равноправие женщин в самом широком смысле этого слова. Политическое равноправие было ближайшей целью движения, достижение которой было бы первым шагом «на пути к ... освобождению»³⁰. Феминистки были уверены, что дарование права голоса женщинам неминуемо повлекло бы за собой коренные перемены в российском обществе, ведь неравное положение значительной части общества было вредно «для интересов не только личности, но и общества и государства»³¹. Это, в частности, и позволяет определить этот этап движения как феминистский, а не просто суфражистский. Активистки и лидеры движения стремились к изменению гендерных ролей и норм, существовавших в обществе, они подвергали сомнению гендерную стратификацию общества.

---

²⁸ Юкина И.И. Идеология российского феминизма первой волны // Социальная история. Ежегодник 2003. Женская и Гендерная история. М., 2003. С. 357.

²⁹ Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005. С. 268.

³⁰ Союз Женщин, СПб., 1908, № 1 (из подзаголовка журнала).

³¹ Москва, 21 февраля 1910 года // Женское Дело. М., 1910, № 7. С. 1.

Организации, лидеры, активистки и рядовые участницы феминистского движения являлись составной частью формирующегося гражданского общества в России. Как известно, одним из признаков данного процесса является формирование гражданской идентичности, которая несет в себе новую систему ценностей, характерных для гражданского общества.

В научной литературе не существует единого определения термина «идентичность». В данной статье в качестве базового использовалось определение Б. Пиетров-Эннкер и Г.Н. Ульяновой, сформулированное ими в их коллективном сборнике: «Идентичность ... следует понимать как культурное измерение социального существования, которое формируется в коммуникативном процессе»³². Важнейшим здесь является представление о коммуникативном характере гражданской идентичности, формирующейся в особом пространстве, объединяющем носителей новых гражданских ценностей. По замечанию одного из исследователей, «расширение коммуникационных процессов происходило одновременно с формированием гражданской идентичности в царской России»³³. Поэтому для исследования как процесса формирования гражданского общества в целом, так и гражданской идентичности в частности, важным является изучение этих «коммуникационных процессов» и возникающих «коммуникационных пространств».

Одним из основополагающих элементов «коммуникативного пространства», базой «инфраструктуры общественности»³⁴ является периодическая печать. Ее развитие было одним

---

³² *Пиетров-Эннкер Б., Ульянова Г.Н.* Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века*, М., 2007. С. 22.

³³ *Линднер Р.* «...Центр культуры и гражданственности...» — коммуникация и гражданская идентичность в Екатеринославле. 1860—1914 гг. // *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века*, М., 2007. С. 188.

³⁴ Термины Линднера Р. — «...Центр культуры и гражданственности...» — коммуникация и гражданская идентичность в Екатеринославле. 1860—1914 гг. // *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века*. М., 2007.

из условий публичности различных союзов и ассоциаций, которые составляют институциональную основу гражданского общества³⁵.

Таким образом, при анализе феминистского движения в России, с точки зрения формирования гражданской идентичности, особенно важным представляется рассмотрение тех средств, которыми феминистки пользовались для культурной репрезентации своей публичной деятельности. Это были многочисленные публичные мероприятия (митинги, собрания, публичные лекции, съезды и т. д.) и, разумеется, периодическая печать, основа «коммуникационного пространства».

Это пространство, объединявшее всех сторонниц и участников движения, складывалось в результате активной социальной, политической и культурной работы российских феминисток. И в процессе формирования этого пространства особое место принадлежало именно феминистским журналам, на страницах которых формировался особый феминистский дискурс, в рамках которого формулировались новые ценности. Соответственно, для выяснения того, обладали ли российские феминистки начала XX в. сформировавшейся системой гражданских ценностей, были ли у них некие представления о гражданственности, необходим анализ дискурса феминистских журналов.

В качестве идеальной модели гражданственности как способа бытия личности в гражданском обществе в данной работе была использована схема, представленная в коллективном труде «Гражданское общество. Истоки и современность». Среди основных черт гражданственности или, другими словами, среди главных «гражданских добродетелей», авторы называют конструктивную и творческую активность, сознательность и целенаправленность, свободу и ответственность, солидарность, гуманность, духовность и «сверхнормативность»³⁶.

---

³⁵ Подобная модель гражданского общества была предложена Ю. Хабермасом в его работе *The structural transformation of the public sphere: an Inquiry into a category of bourgeois society* — об этом см. *Брэдли Дж.* Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций: опыт России в европейском контексте // *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века*, М., 2007.

³⁶ *Гражданское общество. Истоки и современность*, СПб., 2006. С. 254.

Гражданская идентификация при этом происходит путем последовательного освоения и преобразования личностью различных модальностей ее социокультурного бытия в гражданском обществе³⁷.

«Идейных» феминистских изданий в России начала XX в. было немного. Самыми известными были «Женский Вестник» (издавался в Санкт-Петербурге в 1904–1917 гг.) и «Союз Женщин» (Санкт-Петербург, 1907–1909 гг.). На страницах этих журналов не просто ставились вопросы просветительства и благотворительности или констатировалось наличие несправедливости в отношении женщин, но эти факты интерпретировались в терминах гендерной дискриминации. Также важно отметить, что это были не просто традиционные журналы «для дам», давно известные российской читательнице³⁸.

У каждого из этих журналов были свои характерные особенности. Наиболее критическую направленность по отношению к проявлению тенденций патриархальности в обществе имел журнал «Женский Вестник». «Союз Женщин» имел более умеренную позицию (показательным является то, что довольно часто авторами статей в этом журнале выступали мужчины, что в «Женском Вестнике» встречается значительно реже). Однако, несмотря на некоторые различия, в основе всех материалов, публикуемых в данных изданиях, лежали идеи феминизма, что, безусловно, объединяет оба журнала.

Эти журналы инициировались, редактировались и составлялись самими женщинами — активистками феминистских организаций. Данное обстоятельство было очень важно, так как впервые в российской истории женщины отважились на открытый, публичный и самостоятельный разговор с миром и с самими собой.

Здесь следует оговориться, что вышеупомянутые журналы не были первыми, чьими редакторами и издательницами были женщины. Еще в первой половине XIX в. появились периодические издания, руководящие роли в которых принад-

---

³⁷ Гражданское общество. Истоки и современность, СПб., 2006. С. 279.

³⁸ Первый журнал для женщин появился в 1779 г. и назывался «Модное ежемесячное издание или Библиотека для дамского туалета».

лежали «представительницам прекрасного пола»³⁹. Однако эти журналы были посвящены традиционным сферам деятельности женщин — домашнему хозяйству, рукоделиям, модам. В их отношении можно сказать, что это был домашний разговор женщин между собой на темы, предложенные и одобренные мужчинами. Первым журналом из издаваемых женщиной для женщин, который принципиально отличался от традиционных изданий, можно назвать «Друга Женщин» (М., 1882—1884, редактор-издательница М.М. Богуславская)⁴⁰.

В данной работе проводился анализ материалов одного журнала — «Женского Вестника». Была проведена подборка полных годовых комплектов за 1905—1912 гг. Верхняя дата — это первый полноценный год существования журнала. Выбор 1912 г. в качестве нижней даты объясняется тем, что к этому времени уже полностью сложился круг тем, составлявших дискурс журнала.

Выбор данного издания объясняется, во-первых, его положением в общей системе феминистской периодической печати. По мнению ряда исследователей, «Женский Вестник» имел значительное влияние на другие издания, его статьи цитировались в других женских периодических изданиях, он был источником информации для многих журналов⁴¹. Также на выбор издания оказал свое влияние и тот факт, что «Женский Вестник» — своеобразный долгожитель среди других изданий. При сравнении с другими журналами становится очевидно, что 13 лет — это большой срок. Журнал «Союз Женщин», к примеру, издавался всего 2,5 года.

Историю издания «Женского Вестника» можно назвать типичной для феминистской периодической печати в России начала XX в. Редакция журнала испытывала все возможные трудности, с которыми сталкивались все представительницы феминистского движения, решившиеся издавать журнал.

³⁹ К примеру, в 1831 г. в Санкт-Петербурге Е.Ф. Сафоновой начал издаваться «Журнал шитья, вышиванья, мод и домашнего хозяйства» «Ваза».

⁴⁰ Об этом см. подробнее: *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.

⁴¹ См. напр. *Харрис Дж.Г.* Русские дореволюционные женские журналы начала XX века // Гендер: язык, культуры, коммуникация. М., 2001.

Прежде всего, это финансовые проблемы, которые являлись основной причиной недолговечности подобных изданий и были связаны с непопулярностью журналов у читающей публики и их своеобразным маргинальным положением в системе российской печати.

Так, редакция вышеупомянутого «Союза Женщин» в одном из многочисленных обращений к читателям и читательницам отмечала, что журнал «существует за счет дарового труда редактора, сотрудников и денежным взносам некоторых пайщиков»⁴². Подобные же трудности испытывала и редакция «Женского Вестника». Средства на него собирались по подписке. Однако анализ статей М.И. Покровской, редактора и издательницы журнала, посвященных истории ее издания, позволяет сделать вывод о том, что данный способ распространения не приносил больших доходов, и издавать журнал ей приходилось практически за свой счет.

В одном из номеров журнала за 1909 год, издательница изложила краткую и, стоит отметить, довольно типичную для феминистского журнала в России, историю своего печатного органа. В самом начале, пишет Покровская, редакция пыталась найти «лицо, готовое затратить на женский журнал достаточную сумму денег, или создать товарищество для его издания»⁴³. Однако оба этих намерения не увенчались успехом, и решено было собирать средства на издание журнала по подписке, «в надежде, что женщины поддержат ... начинание и журнал можно будет расширить и улучшить»⁴⁴. Но и эти надежды не оправдались. Журнал, по признанию издательницы, никогда не имел достаточного количества подписчиков и подписчиц, что неминуемо приводило к финансовым трудностям: «Получается ежегодный дефицит. Это очень тяжело отражается на издательнице»⁴⁵.

Чтобы как-то поправить финансовое положение своего предприятия, Покровская неоднократно обращалась к читате-

---

⁴² Обращение редакции // Союз Женщин. СПб., 1908, № 3. С. 16.

⁴³ Покровская М.И. Провинция откликнулась // Женский Вестник. СПб., 1909, № 9. С. 164.

⁴⁴ Там же. С. 165.

⁴⁵ Там же.

лям и читательницам, ко всем, возмущающимся «бесправием и унижением женщин», ко всем, «стремящимся к свободе и равенству» и «мечтающим о прогрессе и совершенствовании человечества» с единственной просьбой: поспособствовать более широкому распространению «Женского Вестника»⁴⁶. Для повышения качества издаваемых материалов журналу была необходима широкая поддержка общества. «Только при широкой поддержке общества можно поставить журнал на ту высоту, на которой должен стоять орган, ведущий борьбу за равноправие и улучшение положения женщин»⁴⁷, — отмечала Покровская.

Однако, несмотря на все попытки добиться большей популярности журнала, издаваемый тираж из года в год не расходился полностью. Об этом свидетельствуют объявления, печатавшиеся практически в каждом номере журнала. В этих объявлениях содержится информация о том, что в распоряжении редакции имелись нераскупленные номера за предыдущие года издания, которые можно было приобрести по сниженной цене.

Тот факт, что при подобных тяжелых материальных условиях, журнал все равно продолжал выходить ежемесячно на протяжении 13 лет, говорит о высоком уровне сознания людей, которые работали над каждым номером «Женского Вестника», об их желании и стремлении трудиться за «женскую идею» несмотря ни на что. По собственному признанию, Покровская не раз была близка к тому, чтобы прекратить издание журнала: «Не один раз я готова была прекратить издание «Женского Вестника», но меня удерживала мысль, что тогда у нас не будет ни одного органа в защиту женских прав»⁴⁸. Это восприятие себя как фактически единственного борца за освобождение женщин, а своего печатного издания как главного рупора этих идей говорит об осознании и принятии на себя ответственности за судьбу российских

---

⁴⁶ См. напр. Женский Вестник. СПб., 1911, № № 10, 11.

⁴⁷ К сочувствующим равноправию женщин // Женский Вестник. СПб., 1911, № 10. С. 210.

⁴⁸ Покровская М.И. Провинция откликнулась // Женский Вестник. СПб., 1909, № 9. С. 165.

женщин. Все это позволяет утверждать, что лидеров и активных участниц феминистского движения в России в начале XX в. отличали сознательность и ответственность. Другими словами они обладали теми чертами, которые характерны для гражданственности как способа бытования личности в гражданском обществе⁴⁹.

Помимо финансовых трудностей, испытываемых любым феминистским периодическим изданием, другой общей чертой для всех подобных печатных органов является наличие яркого лидера, чья позиция определяла общую тональность журнала. Это было характерно и для «Женского Вестника». Его бессменной издательницей и редактором была врач, основательница и председательница Женской Прогрессивной партии М.И. Покровская. Именно она была идейной вдохновительницей журнала и его постоянным автором. Практически все передовые статьи в «Женском Вестнике» выходили с ее подписью. Соответственно, критическая позиция журнала по отношению к происходящим в стране и мире событиям была, прежде всего, позицией самой Покровской. По выражению одной из исследовательниц, «Мария Ивановна мыслила исключительно критически»⁵⁰ и призывала к тому же и своих читательниц и авторов журнала.

М.И. Покровскую называют «одной из ярчайших фигур российского феминизма», его «интеллектуальным лидером»⁵¹. Историю ее «жизни и борьбы» можно назвать классической для российской феминистки начала XX в. Она была одной из первых женщин, окончивших Женские врачебные курсы в Санкт-Петербурге. И во многом именно профессия сыграла решающую роль в жизни Покровской. Она и сама часто акцентировала внимание на этом. Так, во многих ее произведениях фамилии автора предшествует дефиниция «*женщина-врач* (курсив мой — С.К.)». Тем самым Покровская как бы подчеркивала свою профессиональную принадлежность и утверждала

---

⁴⁹ См. Гражданское общество. Истоки и современность, СПб., 2006. С. 254.

⁵⁰ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности, СПб., 2007. С. 250.

⁵¹ Там же. С. 304.

свое право говорить о самом широком круге проблем. Это право давала ей ее профессия. Своеобразная связь медицины и радикализма в среде деятельниц российского женского движения и феминизма уже неоднократно отмечалась исследователями. К примеру, Р. Стайтс отмечает, как много было представительниц медицинской профессии среди российских феминисток. «Медицинское образование и практика зачастую способствовали более глубокому проникновению в социальные, нежели клинические болезни»⁵², — пишет Стайтс. Жизнь и деятельность Покровской являются ярким тому доказательством.

Уже в первые годы своей профессиональной деятельности она на собственном примере почувствовала гендерные предрассудки по отношению к женщине вообще и к интеллигентной работающей женщине, в частности. Впоследствии именно с этими предрассудками Покровская боролась уже как лидер феминистской организации. Однако, несмотря на все трудности, свою врачебную деятельность Покровская не оставила. Уже тогда, до вхождения в актив женского движения, Покровская не хотела и не могла «помириться с мыслью, что женщины в умственном отношении стоят ниже мужчины и не способны изучать науки так, как последние»⁵³ и уже в то время она дорожила своим самоуважением: «Я была не беспомощный инвалид и у меня было образование. ... Если я дурно исполнила свое дело, укажи мне на это, требуй от меня лучшего или прямо скажи, что не нужна. Но не третируй меня, как лакея, не унижай во мне человеческого достоинства. Я, как человек, равна своему начальству, и унижений от него терпеть не согласна, не могу»⁵⁴.

Уже тогда такие понятия, как ценность личности, необходимость индивидуальной свободы, независимо от половой принадлежности, были важны и естественны для Покровской.

---

⁵² Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930, М., 2004, С. 129.

⁵³ Покровская М.И. Как я была городским врачом для бедных, СПб., 1903. С. 6.

⁵⁴ Там же. С. 66—67.

Чуть позже именно эти ценности она стала проповедовать со страниц своего журнала.

Важно также и то, что, будучи практикующим врачом, Покровская идентифицировала себя как представительницу всех женщин-врачей и чувствовала ответственность, возложенную на нее ее положением и профессией: «я не только была врачом, но и пионером женщин на новой дороге. Я не только должна была приносить пользу населению, но и доказывать обществу, что женщины могут быть на практике не худшими врачами, нежели мужчины»⁵⁵. Подобное же отношение к своей деятельности Покровская высказывала и будучи редактором «Женского Вестника», о чем уже было сказано выше.

Таким образом, Покровская уже с первых лет своей работы врачом на практике почувствовала всю шаткость положения работающей интеллигентной женщины, что было результатом разрушения в российском обществе «традиционных форм женской социализации»⁵⁶. Женщины получали высшее образование, профессию, даже имели некоторые права на труд, на профессиональную самореализацию, однако при этом они были отчуждены и от профессиональных корпораций, и от общества в целом. Они были лишены жизненных ориентиров и, при всем желании, им было трудно идентифицировать себя с каким-либо социальным образованием, какой-либо организацией. Этим и объясняется неопределенность положения работающей интеллигентной женщины, ведь именно «идентификация с каким-либо социальным образованием дарит индивиду чувство защищенности, избавляет от психологической напряженности. Когда человек в кругу своих, он избавляется от страха быть непонятым»⁵⁷.

И совершенно естественно Покровская пришла к выводу, что женщинам необходимо дать ориентиры, которые могли бы направить и отрегулировать их жизнь, «инициировать

---

⁵⁵ Покровская М.И. Как я была городским врачом для бедных, СПб., 1903. С. 6.

⁵⁶ Юкина И.И. Русский Феминизм как вызов современности, СПб., 2007. С. 300.

⁵⁷ Гражданское общество. Истоки и современность, СПб., 2006. С. 439.

активность» и «направить действия»⁵⁸. Одной из задач «Женского Вестника» стало оказание помощи женщинам в выборе ориентиров в стремительно меняющемся мире. Им предлагались способы, образцы, модели поведения и действия, новые формы социального участия, характерные для гражданского общества.

Все вышесказанное еще раз подтверждает, что Покровская обладала рядом черт, характерных для гражданственности как способа бытия личности в гражданском обществе. Ее конструктивная и творческая активность, сознательность, целенаправленность, ответственность, солидарность и гуманность, выражавшиеся в повседневных действиях и поступках, говорят о восприятии ею ценностей гражданского общества и о стремлении содействовать усвоению этих ценностей возможно большим количеством российских женщин.

К изданию журнала Покровская приступила уже убежденной феминисткой, со сформировавшейся системой гражданских ценностей. И если первые, «пробные», номера «Женского Вестника» еще выходили под довольно неопределенным заголовком: «Ежемесячный общественно-научно-литературный журнал, посвященный женскому вопросу»⁵⁹, то уже примерно через год заголовок меняется. Все последующие годы «Женский Вестник» выходил как «Ежемесячный общественно-научно-литературный журнал, *посвященный равноправию и улучшению положения женщин* (курсив мой — С.К.)»⁶⁰.

В соответствии с позицией редакции и авторского коллектива, с самого начала «Женский Вестник» позиционировал себя как специфический женский журнал, посвященный исключительно женским вопросам. Разумеется, понимание авторами журнала определения «женский» отличалось от традиционно принятого в то время. На страницах «Женского Вестника» не было места модам, рецептам и традиционным советам молодым хозяйкам по ведению дома, другими словами, всему тому, что традиционно считалось единственной сферой интересов женщин и, соответственно, составляло

---

⁵⁸ Гражданское общество. Истоки и современность, СПб., 2006. С. 439.

⁵⁹ См. Женский Вестник. СПб., 1905.

⁶⁰ См. Женский Вестник. СПб., 1906, 1907, 1908, 1909 и т. д.

основное содержание всех «дамских» журналов. Покровская задала своему изданию принципиально иное направление. Ее главной целью было пробуждение самосознания женщин путем осознания ими факта их полного равенства с мужчинами.

Таким образом, «Женский Вестник» ставил перед собой довольно обширную задачу борьбы с вековыми гендерными предрассудками и традициями, укоренившимися в русском обществе. Именно в рамках этой задачи и для ее достижения ставились в журнале такие цели, как борьба за право на высшее образование для женщин, на профессиональную самореализацию и т. д.

Сами феминистки — авторы статей в журнале «Женский Вестник» — часто олицетворяли собой различные стороны того идеального образа свободной женщины, который пропагандировался ими со страниц журнала. По выражению Н.Л. Пушкиревой, они «олицетворяли различные стороны становления женского самосознания»⁶¹ и могли служить, наряду со своими иностранными коллегами, примером для подражания для своих читателей. Большинство авторов, подобно самой Покровской, принадлежали в основном к средним городским слоям. Это были образованные женщины, обладательницы «интеллигентных» профессий: врачи, учительницы, переводчицы, писательницы и т. д. Уже одной своей деятельностью в журнале на благо россиянок они подавали всем женщинам пример активной и самостоятельной жизни. К примеру, такие постоянные авторы «Женского Вестника», как М. Рогович, М. Вахтина постоянно выезжали в Западную Европу, участвовали в женских съездах и конгрессах в Германии, Англии и других странах, переводили речи, доклады и выступления лидеров зарубежного женского движения. Именно их усилиями устанавливались связи российского феминизма с международными женскими организациями, что было чрезвычайно важно. Авторами журнала выступали и наиболее известные активистки и лидеры феминистского движения, такие как А.А. Кальманович и А.Н. Шабанова, признанные «пионерки»

---

⁶¹ Пушкирева Н.Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России. 1801–1905: формы социальной активности // Отечественная история, М., 2002, № 6. С. 53.

женского протеста, такие как А.П. Философова. Также в «Женском Вестнике» публиковались и рядовые участницы движения, часто не подписывавшие своих статей и выступавшие под псевдонимами (С.Я., «Женщина», N.N. и т. д.). Журнал предоставлял им своеобразную площадку для самовыражения и возможность публично высказаться по волнующим их вопросам.

Внутренняя структура журнала была четко продумана и строго организована, исходя из тех задач и целей, которые ставила перед собой редакция. Сразу же стоит отметить, что все статьи, печатавшиеся на страницах «Женского Вестника» так или иначе имели отношение к положению женщин в России и за рубежом, и их авторы предлагали ответы на вопросы, связанные с этой проблемой.

В каждом номере обязательно печаталась общая программа журнала, которая включала в себя: «правительственные распоряжения, статьи и обзоры по вопросам общественной и экономической жизни, юридический отдел (законодательство о женщинах), беллетристика, научное обозрение, иностранное обозрение, критические статьи и библиография, из жизни (беседы по вопросам практической жизни и хозяйственного быта), вопросы и ответы редакции»⁶².

Как видно из данной программы, редакция ставила перед собой задачу осветить все сферы жизни женщины, как равноправного члена общества. При этом на страницах журнала уделялось внимание и темам, которые всегда определялись как традиционно женские, к примеру, домашнему хозяйству или семье. Разумеется, и подобные статьи также писались с феминистской точки зрения. Так, статьи, посвященные домашнему хозяйству, писались несколько в иной тональности, чем это было принято. Это уже не были традиционные «советы хозяйкам», но рассуждения о том, как образованная, свободная, ориентированная на публичную деятельность женщина-гражданка должна вести домашнее хозяйство, что есть в принципе домашний труд и какое место занимает в нем женщина, а какое — мужчина⁶³.

---

⁶² См. Женский Вестник. СПб., те же года издания.

⁶³ См., напр.: *Иванова. Домашнее хозяйство на новых началах* // Женский Вестник. СПб., 1907, № 12; *Иванова. Женщины и семья* // Женский Вестник. СПб., 1908, № 2.

Во внутренней структуре журнала важное место занимал блок статей, посвященных политико-правовым аспектам жизни женщин. Здесь печатались многочисленные законопроекты, так или иначе касающиеся женщин, отрывки стенограмм заседаний Государственной Думы, где эти законопроекты обсуждались и т. д.

Вписывать отечественное женское движение в международный контекст помогала иностранная хроника, посвященная достижениям зарубежных феминисток и истории их борьбы за свои права⁶⁴; переводные статьи, речи, выступления известных зарубежных феминисток⁶⁵; истории жизни знаменитых иностранок, добившихся высот на избранном ими поприще и могущих послужить вдохновляющим примером для российских женщин⁶⁶.

Помимо простой информационной функции, данные статьи демонстрировали российским читательницам образцы нового женского поведения. На примере историй жизни общественных деятельниц, писательниц, женщин-ученых, депутаток, добившихся широкого общественного признания, можно было узнать, где и при каких обстоятельствах они получали заслуженные награды, ученые степени и дипломы, т. е. на практике реализовывали то, к чему «Женский Вестник» еще только призывал российских женщин. Статьи, посвященные различным зарубежным женским организациям, показывали, что российские женщины не одиноки в своей борьбе, что практически во всех странах мира их «сестры» ведут такую же деятельность, более или менее успешную.

---

⁶⁴ Особенной популярностью пользовались, разумеется, материалы об английском женском движении (см. напр. Борьба за политические права в Англии // Женский Вестник. СПб., 1907, № 3; Борьба английских женщин за право голоса // Женский Вестник. СПб., 1908, № 5). Однако авторы журнала старались уделять внимание и представительницам других государств (см., напр.: Женский конгресс в Риме // Женский Вестник. СПб., 1908, № 5; Женское движение в Аргентине // Женский Вестник. СПб., 1908, № 1).

⁶⁵ К примеру, в ряде номеров журнала за 1908 г. была опубликована работа Лили Браун «Профессия и материнство», переведенная с немецкого одной из постоянных авторов журнала М. Рогович.

⁶⁶ См., напр.: Фукс Е.В. Матильда Серао // Женский Вестник. СПб., 1907, № 4; Элиза Ожешко // Женский Вестник. СПб., 1910, № 5–6.

Установлению прочной связи между читательницами и редакцией, обмену мнениями способствовали такие рубрики, как «Отдел для читательниц», «Вопросы и ответы редакции». Они должны были способствовать саморефлексии женщин, их самоопределению и самоидентификации.

В этих разделах читательницам задавали вопросы на актуальные темы или же печатали ответы на ранее заданные вопросы. Редакция всегда настоятельно просила присылать ответы, и впоследствии их обязательно публиковали, а затем подводили своеобразные итоги проведенным опросам. Так, в одном из номеров за 1904 г. читательницам был задан вопрос: «Где скорее всего женщины могут добиться равноправности с мужчинами: в семье или обществе?». В номерах 1905 г. печатались ответы, присланные читательницами журнала, а в №2 за 1906 г. этому опросу был подведен итог: большинство женщин поддержало позицию журнала и считало, что прежде всего женщины должны добиться равноправия в обществе. В этом же номере читательницам был задан еще один вопрос: «Желательна ли женщинам экономическая независимость от мужа? Если желательна, то как ее осуществить?»⁶⁷

Подобные опросы были весьма действенны, они выстраивали непосредственное общение редакции с ее читательской аудиторией. С их помощью в «Женском Вестнике» узнавали, с одной стороны, мнение своих читательниц, а с другой, проверяли, насколько укоренялась среди интеллигентных женщин позиция, проповедуемая самим журналом. Ведь по всем этим вопросам — и о равноправии женщины в обществе, и об экономической независимости — в журнале постоянно печаталось множество статей. Судя по итогам опросов, агитация была успешной.

Стоит упомянуть также о разделе «Библиография», в котором печатался обзор новейшей литературы по женскому вопросу. При этом авторы этих библиографических обзоров не ограничивали себя и часто после комментариев по поводу пользы той или иной книги с точки зрения женского движения следовала развернутая теоретическая статья о положении женщин⁶⁸.

---

⁶⁷ Отдел для читательниц // Женский Вестник. СПб., 1906, № 2. С. 61.

⁶⁸ См. напр. Дубовская П. Библиография // Женский Вестник. СПб., 1906. № 1.

Не редкостью были также и специальные тематические списки. Ознакомившись с работами, включенными в них, женщины могли теоретически подготовиться к каким-либо публичным акциям феминисток, либо изучить отдельную проблему более подробно. К примеру, в одном из номеров за 1908 г. был опубликован подобный список с «брошюрами о проституции»⁶⁹.

Интересно, что в некоторых случаях подобные библиографические списки составлялись по запросу самих читательниц, которые хотели «систематически познакомиться с женским вопросом и движением в России и за границей» и для этого просили «сообщить им известные сочинения по данному вопросу»⁷⁰. Данный факт чрезвычайно важен, так как свидетельствует об определенной востребованности феминистского дискурса, хотя бы и среди небольшой части женского населения. Феминистские журналы в целом и «Женский Вестник» в частности были именно тем источником, к которому обращались в поисках ответов на свои вопросы «прогрессивные» женщины того времени.

Здесь следует сказать несколько слов о той целевой аудитории, на которую ориентировались авторы и редакция «Женского Вестника», о тех женщинах, в среде которых было востребовано данное издание. У авторского коллектива определенно были представления о том, кто читает или кто мог бы читать их журнал. Прежде всего, они работали для образованных женщин, обладательниц «интеллигентных» профессий: учительниц, врачей, фармацевтов, женщин-ученых, женщин, служащих в государственных учреждениях и т. д. Неоднократно со страниц журнала говорилось о том, что именно такие женщины в первую очередь могут понять и принять взгляды, пропагандируемые «Женским Вестником». Именно на их поддержку рассчитывала редакция в нелегком деле «пробуждения» самосознания российских женщин. Так, в одной из статей Покровская назвала «интеллигентных работниц» «душой» женского движения. Только они обладали необходимым для борьбы за равноправие орудием — образованием, которое освобождало женщину от опутывавших ее предрассудков и

---

⁶⁹ Библиография // Женский Вестник. СПб., 1908, № 1.

⁷⁰ Ответы редакции // Женский Вестник. СПб., 1905, № 8. С. 256.

предубеждений и помогало вести широкую агитацию «устным и печатным словом» среди женских масс⁷¹.

Представительницы целевой аудитории «Женского Вестника» — образованные, трудящиеся женщины — часто становились героинями разнообразных художественных произведений, которые составляют особый раздел журнала. Чаще всего это были небольшие рассказы, эссе, очерки, реже — стихотворения. Формы подобных произведений были самыми разнообразными — от полумифологических легенд до реалистических зарисовок из жизни крестьян. Но объединяло их одно: подтекст и смысл у всех этих произведений был одинаковым. Во всех рассказывалось о тяжелой судьбе и жизни женщины (чаще — российской) и о том, как она решается на борьбу за свое достоинство и счастье.

Стоит отметить, что их авторами выступали не только и даже не столько профессиональные писательницы и поэтессы, но активистки и лидеры движения, занимавшиеся литературным творчеством не только для творческой самореализации, но, прежде всего, для пропаганды своих взглядов. Одна из отечественных исследовательниц отметила, что авторы этих произведений относились к своим работам как к своеобразным посредникам «между «новыми женщинами», «женщинами с претензиями» и обществом»⁷². И действительно, благодаря непритязательному языку и темам, близким и знакомым каждой женщине, эти произведения действительно могли восприниматься широкой читательской аудиторией лучше, чем откровенно пропагандистские статьи. И если о художественных достоинствах подобных произведений можно спорить, то содержащийся в них пропагандистский заряд очевиден. Сами феминистки отмечали, что хотя отдельные стихотворения, рассказы или эссе и не могут «претендовать на поэтичность», однако в них, безусловно, «звучат гражданские мотивы (курсив автора — С.К.)»⁷³.

---

⁷¹ Покровская М.И. Единение женщин и классовая борьба // Женский Вестник. СПб., 1908, № 3. С. 68.

⁷² Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности, СПб., 2007, С. 266.

⁷³ Хлебникова А.К вопросу о «Повальном безумии» — женских модах // Женский Вестник. СПб., 1914, № 4. С. 112.

Ярким примером здесь является сама Покровская, чьи художественные произведения довольно часто появлялись на страницах «Женского Вестника». Все ее прозаические сочинения обладали «говорящими» названиями, что еще больше должно было упростить их восприятие простыми читательницами. В ее арсенале были и своеобразные «социальные драмы», рассказы о тяжелой жизни простых рабочих и крестьян. Примером такого произведения может служить рассказ «Грабительница», опубликованный в №1 журнала за 1909 г. В нем повествуется о тяготах жизни рабочей семьи. Отец семейства и старшая дочь остались без работы из-за стачек, жена вынуждена шить по ночам, чтобы заработать жалкие гроши и прокормить семью. Заканчивается рассказ довольно мрачно: дочь, чтобы заплатить за квартиру, совершает кражу и попадает в тюрьму⁷⁴. Более радужной и жизнеутверждающей тональностью обладает другой рассказ Покровской — «День итога». Это история среднестатистической женщины из городских слоев. Главная героиня — счастливая жена и мать — внезапно начинает понимать, что ее жизнь с самого начала пошла по неправильному пути («Само собой как-то вышло, что красота столкнула ее с того пути, который она себе наметила, и вместо курсов она вышла замуж»⁷⁵) и только она будет виновата в том, какими вырастут ее дети, а вырасти достойными людьми они не смогут, если она ничего не изменит. Этот рассказ заканчивается вполне оптимистично. В лице своей героини автор призывала женщин не бояться трудностей, менять свою жизнь и начинать борьбу за лучшее будущее. «Не беда, что она бессильна пересоздать людей. Она может изменить свою собственную жизнь и воспитать детей в духе высоких идеалов»⁷⁶.

Разумеется, вопрос о внутренних переживаниях женщин, о психологических причинах их действий в художественной

---

⁷⁴ Покровская М.И. Грабительница (рассказ из жизни пролетариата) // Женский Вестник. СПб., 1909, № 1.

⁷⁵ Покровская М.И. День итога (очерк) // Женский Вестник. СПб., 1906, № 7–8. С. 197.

⁷⁶ Там же. С. 201.

литературе был поднят не впервые. Однако впервые свой взгляд на предмет представили феминистки, осмыслив и проанализировав проблемы жизни женщин, основываясь на теоретических постулатах феминизма.

Для анализа дискурса журнала «Женский Вестник» путем поэземплирного и полистного просмотра отобранных годовых подшивок были выбраны 694 текста (от больших аналитических статей до библиографических заметок и новостных сообщений). Все статьи были сгруппированы по 3 тематическим блокам, которые определились в ходе работы над источником.

Первый блок условно назван «Женщины и государство». Сюда относятся все статьи, посвященные взаимоотношениям женщин с российским государством, женской политической активности во всех ее проявлениях (борьба за политические права, за признание себя полноправными гражданками, отношения с политическими партиями и Государственной Думой). Также к этому блоку примыкают статьи о теории, практике и истории женского движения, суфражизма и феминизма.

Второй блок статей, «Женщины и общество», затрагивает социокультурный аспект жизни российских женщин, их положение в обществе, вопросы образования и профессиональной самореализации, а также проблему проституции.

И, наконец, третий блок посвящен женской повседневности, вопросам семьи, материнства и детства, проблемам разводов и домашнего хозяйства.

Первые два блока связаны с публичной сферой активности женщин, последний относится к приватной сфере. При этом стоит отметить, что эти сферы в жизни женщины были тесно переплетены между собой, и редкие статьи могут быть безоговорочно отнесены только к одному блоку. Чаще всего в них затрагиваются вопросы, имеющие отношение как к приватной, так и к публичной сфере жизни женщины.

Тем не менее, в процентном соотношении большая часть статей была посвящена публичной сфере жизни женщины. Два первых блока в процентном соотношении занимают 78% всей площади журнала (блок «Женщины и государство» — 38%, блок «Женщины и общество» — 40%)⁷⁷.

---

⁷⁷ См. Схему 1 на с. 284.

Это говорит о том, что на первом месте для феминисток стоял идеальный образ женщины, принимающей активное участие в жизни государства и общества и не ограничивающей свою жизнь лишь заботами о доме и семье. Именно в этих тематических блоках и были сформулированы важнейшие для феминисток ценности.

Однако и третий блок, затрагивающий вопросы женской повседневности, также имел довольно большое значение, о чем свидетельствуют 22%, занимаемые в журнале статьями на данную тематику. Вопросы о практике повседневной жизни женщины-общественницы, о том, какое положение она должна занимать в семье, также были весьма важными.

Итак, как уже было отмечено выше, процентное соотношение статей в «Женском Вестнике» говорит о преобладании в дискурсе журнала статей, посвященных публичной сфере жизни женщины, ее взаимоотношениям с государством и обществом. В 1905 г., после издания законов об избирательных правах, о которых уже упоминалось ранее, феминистки начали свою деятельность именно с требования политических прав для женщин, и позднее, о чем бы они ни рассуждали, тема политического равноправия всегда стояла у них на первом месте, направляла все их размышления. Даже в статьях, посвященных, казалось бы, отвлеченным вопросам, не имеющим прямого отношения к данной теме, обязательно встречается комментарий о необходимости дарования женщинам избирательных прав. К примеру, в одной из статей, посвященных анализу критического творчества Н.А. Добролюбова, автор закончила свои рассуждения следующим замечанием: «Много страниц посвятил Добролюбов женщинам темного царства. Как на выход из их жалкого положения, он указал на труд и образование. А мы с своей стороны добавляем к этому — и права»⁷⁸.

В своей общественно-политической деятельности феминистки исходили из постулата о том, что «равноправие — единственный выход из невыносимого положения русской женщины»⁷⁹. Разумеется, равноправие они понимали в

---

⁷⁸ Покровская М.И. Добролюбов и героини темного царства // Женский Вестник. СПб., 1911, № 12. С. 254.

⁷⁹ Н.Н. Равноправие // Женский Вестник. СПб., 1906, С. 195.

широком смысле, а не только в политическом. «Женский вопрос перестал быть вопросом лишь о политических и узко-социальных правах, он делается более широким и охватывает всю жизнь»⁸⁰, — писала один из постоянных авторов «Женского Вестника». Однако именно завоевание пассивных и активных избирательных прав должно было предшествовать изменению в положении женщины в обществе и семье.

Прежде всего, женщины должны были бороться за свои права сами, не надеясь ни на чью помощь, в особенности, на помощь мужчин. К такому выводу феминистки пришли, прежде всего, благодаря горькому опыту, полученному в 1905 г. и во время работы первой Государственной Думы. Выше уже говорилось о теме предательства, которая прочно и надолго вошла в феминистский дискурс, когда представительницы движения увидели, что мужчины, получив избирательные права для себя, не собираются продолжать борьбу ради своих «сестер». В том числе и благодаря этому вопрос о самостоятельной ответственной деятельности женщин встал на повестку дня. «Каким же образом женщина добьется признания за собою полноправной личности?» — задавали вопрос феминистки и сами же давали на него ответ: «Случится это только тогда, когда женщина сама восстанет на защиту своего «я», собственными силами будет добиваться прав»⁸¹.

Стоит также упомянуть и о том, что ряд авторов «Женского Вестника» и, в частности, сама Покровская, считали, что мужчины, за редким исключением, настроены против дарования женщинам избирательных прав и поэтому женщинам в этой борьбе стоит рассчитывать только на себя. «Только женщина ... должна самостоятельно объявить борьбу за свои права и человеческое достоинство. Нечего надеяться на великодушные противника»⁸².

Главным способом завоевания политического равноправия феминистки считали объединение всех женщин, независимо

---

⁸⁰ Холмогорова В. Во имя идеи справедливости (по поводу феминисток) // Женский Вестник. СПб., 1911, № 11. С. 226.

⁸¹ В.З. О союзе матерей // Женский Вестник. СПб., 1906, № 2. С. 38.

⁸² Горизонтова А. Противницам женского сепаратизма // Женский Вестник. СПб., 1905, № 7. С. 197

от их социального происхождения, образования, профессии и идейных взглядов. «Объединение женщин имеет громадное значение для их освобождения из подчиненности мужчинам. Разрозненные — они бессильны»⁸³, — писала Покровская. При этом феминистками принимались любые способы и формы женского объединения: различные общества, клубы, союзы. Для пропаганды подобных форм на страницах феминистских журналов регулярно публиковались статьи, посвященные «потребительным обществам», «женским социал-демократическим организациям», «социально-политическим союзам» и т. д.⁸⁴

Объединяться женщины должны были на основе феминизма и тех ценностей, которые, как считали российские феминистки, эта идеология в себе содержала. В ряде статей, специально посвященных вопросу феминизма, читательницам и читателям подробно объясняли, что это такое и как новое идейное направление может помочь российской женщине.

Автор одной из подобных статей — Покровская — отмечала, что представление о феминизме в российском обществе довольно «смутно», отсюда и недоверие или негативная реакция даже на само это слово. Она обращала внимание читательской аудитории на то, что даже среди интеллигентных женщин (не говоря уже о мужчинах) господствует неверное понимание термина «феминизм», как *«стремление женщин обособиться от мужчин»*⁸⁵ (курсив автора — С.К.). На самом же деле феминистки стремятся к уничтожению какой бы то ни было обособленности женщин, к достижению полного равноправия с мужчинами. «Русским интеллигентным женщинам следует не отрешиваться от феминизма, но признать его необходимым для облегчения тяжелой доли русской женщины»,⁸⁶ — делает вывод Покровская.

⁸³ Покровская М.И. Задача Женской Прогрессивной партии // Женский Вестник. СПб., 1906, № 3. С. 65.

⁸⁴ См. напр. Н.Д. Потребительные общества и женщины // Женский Вестник. СПб., 1906, № 2; В.З. О союзе матерей // Женский Вестник. СПб., 1906, № 2; Рогович М. Союз для охраны матерей // Женский Вестник. СПб., 1909, № 11.

⁸⁵ Покровская М.И. Феминизм // Женский Вестник. СПб., 1905, № 5. С. 129.

⁸⁶ Там же. С. 131.

К безусловно важным чертам феминизма, по мнению авторов «Женского Вестника», относился и своеобразный всеобъемлющий, в отношении женщин, характер идеологии. Феминизм не делил женщин на работниц, крестьянок, «буржуазок» и т. д. Напротив, в понимании российских феминисток он уравнивал их всех, акцентируя внимание на единственном важном для женщин — на их угнетенном положении. «Феминисткой следует называть всякую женщину, стремящуюся к равноправию, будет ли она помещица или крестьянка, фабрикантша или работница, привилегированная или непривилегированная. Для феминизма нет классов, состояний и образования. Это — идея, равняющая всех»⁸⁷.

Данный вопрос — могут ли все женщины объединиться и бороться вместе за свои права — стал одним из самых спорных в истории российского феминизма. Попытка прийти к компромиссу была предпринята, в частности, на Первом Всероссийском Женском съезде, проходившем в декабре 1908 г. в Санкт-Петербурге. Как отмечала Покровская, наиболее горячие прения во время съезда вызвал именно вопрос о том, «могут ли женщины всех классов идти рука об руку в борьбе за свои права»⁸⁸. Съезд четко разделился на два лагеря — социал-демократки, естественно, выступали против надклассового объединения женщин, а феминистки, наоборот, «доказывали, что общее бесправие может объединить женщин всех классов и побудить их к совместной борьбе за права»⁸⁹. На том же съезде с предложением создать Всероссийский Национальный женский совет, объединяющий все существующие женские организации, выступила и А.П. Философова⁹⁰ — одна из родоначальниц женского движения в России. Однако ее предложение так и не было поддержано большинством. Что

---

⁸⁷ Покровская М.И. Провинция откликнулась // Женский Вестник. СПб., 1909, № 9. С. 164.

⁸⁸ Покровская М.И. Первый Всероссийский Женский съезд // Женский Вестник. СПб., 1909, № 1. С. 2.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ См. Философова А.П. О национальных советах женщин // Женский Вестник. СПб., 1908, № 11.

же касается мнения социал-демократок, которые считали, что «буржуазки-феминистки, добиваясь равноправия, идут ложным путем и пренебрегают интересами женщин-работниц», то сама Покровская определяла подобный подход как «неверный взгляд на женское движение»⁹¹.

Таким образом, в своей деятельности российские феминистки ориентировались на единую гендерную группу — женщин. Они позиционировали себя как выразительниц интересов всех женщин и свои выступления обращали ко всем: крестьянкам, работницам, городским жительницам и т. д. Базой же для формирования этой женской группы должны были служить не социальное происхождение, образование или профессиональная деятельность женщин, но факт, общий для всех без исключения представительниц этой общности — их угнетенное положение в семье, обществе и государстве. «Ищи опоры у подобных себе по положению»⁹²: раз все женщины были равно угнетены, следовательно, и опоры они должны искать друг у друга. Угнетенная крестьянка может понять не менее угнетенную буржуазную женщину, и наоборот.

Именно к такому объединению и призывали феминистки. Добиться равноправия женщины могли только все вместе. Доказательству этого тезиса служили многочисленные статьи в «Женском Вестнике», в которых формулировалась своеобразная модель сестринства, с помощью которой феминистки надеялись объединить всех женщин. Об этом свидетельствует распространенное обращение «сестры».

Используя это слово, авторы статей надеялись стимулировать женщин к активности на благо их сестер. Раз все женщины родные друг другу, то более сознательная, самостоятельная и ответственная не может не помочь своей «младшей сестре», это долг каждой женщины. К примеру, называя проститутку «падшими сестрами» всех женщин, феминистки стремились привлечь внимание женской общественности к этому вопросу, доказать, что это касается каждой, так как «это унижает и

---

⁹¹ Покровская М.И. По поводу женского митинга // Женский Вестник. СПб., 1912, № 12. С. 275–277.

⁹² Иванова. Женщина-работница // Женский Вестник. СПб., 1911, № 2. С. 49.

оскорбляет женщину, не только ту несчастную, что продается, но и мать мужчины, его жену, сестру, женщину, которую он уважает, женщину вообще»⁹³. Подобный речевой оборот создавал у простых женщин, еще не присоединившихся к той или иной организации, чувство сопричастности к деятельности активисток движения.

Еще одним стилевым приемом воспользовалась Покровская, чтобы доказать, что интеллигентные женщины равны простым крестьянкам и работницам. Она назвала учительниц, женщин-врачей и т. д. «интеллигентными работницами» и доказывала, что «интеллигентный и неинтеллигентный женский пролетариат» должны объединиться, «общность интересов должна побудить их подать друг другу руку в борьбе за равноправность»⁹⁴.

В качестве примера успешной борьбы объединившихся женщин часто приводилась история зарубежного женского движения. Выше уже говорилось о том, что во внутренней структуре журнала довольно большое значение принадлежало рубрикам, посвященным борьбе западноевропейских и североамериканских женщин за свои права. В каждом номере «Женского Вестника» несколько статей обязательно были посвящены женскому движению за рубежом, в частности, в Англии, которая, по мнению российских феминисток, должна была «гордиться своими свободолюбивыми дочерьми»⁹⁵. Постоянным автором статей о публичных акциях англичанок была М. Вахтина, которая подробно освещала все манифестации, процессии, выступления суфражисток и однажды закончила свою статью словами: «Вот как работают в Англии суфражистки! Не по-нашему, господа!»⁹⁶

В подобных статьях феминистки не только видели источник вдохновения для читательниц, но и призывали отно-

---

⁹³ Женщина. Чего хотят женщины // Женский Вестник. СПб., 1912, № 4. С. 98.

⁹⁴ Покровская М. И. Единение женщин и классовая борьба // Женский Вестник. СПб., 1908, № 3. С. 65–66.

⁹⁵ Победа англичанок // Женский Вестник. СПб., 1911, № 8. С. 142.

⁹⁶ Вахтина М. Победа английских суфражисток // Женский Вестник. СПб., 1910, № 7–8. С. 146.

ситься к ним практически, т. е. анализировать и использовать тактику борьбы английских суфражисток. Так, Покровская в своеобразной статье-руководстве замечала, что российским женщинам необходимо учитывать опыт своих зарубежных сестер и пользоваться, в частности, теми же методами агитации. «Мы должны воспользоваться опытом других стран и употреблять такие же приемы, какие употребляются там, т. е. вести усиленную агитацию при помощи устного и печатного слова, при помощи журналов, брошюр, листовок, ходатайств, воззваний, митингов и т. д. Русским женщинам надо поставить подобного рода агитацию, как можно шире»⁹⁷.

С точки зрения теории гражданского общества и гражданской идентичности, попытки российских феминисток сформировать своеобразную женскую общность или сестринство отражают процесс поиска и установления новых горизонтальных связей в обход вертикальных социальных иерархий традиционного общества. Несмотря на то, что на практике им так и не удалось объединить даже женские организации, существовавшие в России на тот момент, сами попытки добиться создания подобной общности и убеждение в том, что она в принципе возможна благодаря наличию объединяющего всех женщин фактора, свидетельствуют об активном стремлении найти и реализовать новые формы социальной солидарности, основанные на специфическом — гендерно окрашенном — варианте гражданской идентичности.

Итак, призывая женщин к активной борьбе за избирательные права, феминистки настаивали на том, что завоевать их женщины смогут только сами и только вместе. При этом допуск женщин в политику они считали только первым шагом на пути к ее освобождению, о чем уже говорилось выше. Получив доступ к политике, женщина искоренит все перекосы мужского «одностороннего» общества, принесет с собой созидательные начала, которые только и могут спасти современное общество и государство от гибели. Только получив избирательные права, женщина сможет изменить то подчиненное положение, в котором она находится в семье и обществе. Часто на страницах

---

⁹⁷ Покровская М.И. Что делать женщинам для достижения равноправия с мужчинами // Женский Вестник. СПб., 1907, № 4. С. 98.

журнала можно встретить решительное мнение, что «пока все законы будут вырабатываться одними мужчинами, женщина не может рассчитывать на улучшение своего положения»⁹⁸.

Феминистки единогласно оценивали общественное положение женщины как несправедливое и, в целом, невыносимое. «Русские женщины переросли те формы жизни, в которых общество настойчиво стремится их удержать»⁹⁹, — отмечали они. Главной причиной было именно бесправие, проявлявшееся по-разному и в вопросах образования, и в вопросах профессиональной самореализации. Эти две темы — образование и труд — также можно назвать магистральными для феминистского дискурса, так как именно от полученного образования и от возможностей его практической реализации зависело положение женщины в государстве, обществе и семье. Соответственно, требование права женщины на получение равного мужскому образования и на свободу выбора профессии было главным для феминисток при их рассуждении об общественном положении женщины.

Если обратиться к Схеме 1 (с. 284), на которой показано процентное соотношение выделенных тематических блоков в журнале, то обращает на себя внимание, что второй блок, посвященный положению женщины в обществе, преобладает над первым, хотя и всего на 2%. Однако и этот небольшой процент имеет свое значение. Связано это, вероятно, с тем, что феминистки большое значение придавали именно общественной деятельности женщин. Политическая же активность была лишь одним из направлений этой деятельности.

Во главу угла здесь ставились стоявшие перед женщинами задачи «оздоровления» общества, о чем уже упоминалось выше. Именно женщины были носительницами конструктивного, созидательного начала. В противоположность мужчинам, большинство которых руководствовалось в своей деятельности лишь грубой силой. И, по мнению феминисток, тот кризис, в котором русское общество оказалось в начале XX в., был результатом господства мужчин и принципа грубой силы.

---

⁹⁸ Покровская М.И. Широкие круги населения об избирательных правах женщин // Женский Вестник. СПб., 1912, № 9. С. 180.

⁹⁹ О самоубийствах женщин // Женский Вестник. СПб., 1906, № 4. С. 113.

В одном из рассказов, опубликованных в «Женском Вестнике», эта мысль преподносилась в аллегорической форме: «Жесток был потомок Адама: меч царствовал, кровь лилась, справедливость потерялась. Застонала земля от ужаса, под управлением мужчины»¹⁰⁰.

Покровская также писала, что признаками истинной цивилизации являются гуманность и свобода. В России же государство, общество и семья основывались на насилии и терроре, на превосходстве одной личности над другой, что неминуемо должно было привести к кризису. Свобода невозможна при таких условиях. Создать ее можно только путем «перевоспитания» населения и изменения насильственных основ русского общества. «Истинно свободный человек высоко гуманен. ... требуя уважения своих прав, он умеет уважать права других. Подобные люди могут быть созданы только веками, тысячелетиями. Истинная свобода может быть создана только медленно и постепенно, при помощи перевоспитания современных взглядов, обычаев, привычек»¹⁰¹.

И роль носителей принципов свободы и гуманности принадлежала, по мнению феминисток, женщинам. Именно для перевоспитания общества и должны они были выйти из узких рамок семьи на широкую арену общественной жизни. «Над перевоспитанием населения в желательном направлении русским женщинам необходимо настойчиво поработать»¹⁰², — отмечала Покровская. Они должны были нести в народные массы идеи «равенства, правды, гуманности, справедливости»¹⁰³.

Но для того, чтобы в полной мере выполнить стоящую перед ней задачу, женщина сама должна была осознать свою функцию. Прежде всего, она сама должна была состояться как личность, свободная, образованная и экономически не-

---

¹⁰⁰ Гинзбург Х.Б. Сказка // Женский Вестник. СПб., 1912, № 7–8. С. 148.

¹⁰¹ Покровская М.И. Свобода и гуманность // Женский Вестник. СПб., 1906. № 2. С. 36.

¹⁰² Покровская М.И. Задача Женской Прогрессивной партии // Женский Вестник. СПб., 1906. № 3. С. 68.

¹⁰³ Покровская М.И. Свобода и гуманность // Женский Вестник. СПб., 1906, № 2. С. 37.

зависимая. А возможно это было лишь при полном доступе к образованию и возможности свободно трудиться, чего в России начала XX в. не было.

Итак, пока женщина была угнетена, бесправна и беззащитна. Даже те редкие женщины, которым все же удалось получить высшее образование и найти работу, находились в крайне шатком положении. Их не принимало ни общество, ни государство, ни, за редким исключением, профессиональные сообщества коллег. В качестве примера можно вновь сослаться на Покровскую и ее деятельность в качестве врача. Нет недостатка в примерах и на страницах «Женского Вестника». «Никакие двери для женского труда никогда и нигде не были «широко раскрыты», напротив, всегда и всюду «господа мужчины» старались всеми правдами затормозить всякий труд и всякую службу для женщин»¹⁰⁴, — писала один из авторов. В номерах журнала за 1912 г. неоднократно отмечалось несправедливое отношение к женщинам-врачам, желавшим поехать на «балканский театр войны» во время так называемой Первой Балканской войны¹⁰⁵. Так, в №11 сообщается, что Славянское благотворительное общество решило не принимать женщин в специальные санитарные отряды, посылаемые на войну. Из этого неутешительного факта автор делала вывод, что «женщины-врачи на практике еще далеко не достигли полного равноправия с мужчинами»¹⁰⁶.

Довольно часто в номерах журнала встречаются статьи, повествующие о несправедливом отношении к женщинам-служащим со стороны их начальства. Так, в №4 за 1908 г. автор рассказывает о двух женщинах, которых по неизвестной причине не приняли на службу в почтовое ведомство, хотя, казалось бы, они удовлетворяли всем формальным требованиям. Позднее обнаружилось, что кандидатки не были приняты в ведомство, потому что были «сухощавыми, старыми, некрасивыми». Именно такие приписки обнаружили героини статьи

---

¹⁰⁴ Женщина. Женщины на службе // Женский Вестник. СПб., 1907, № 2. С. 46.

¹⁰⁵ Иванова Равноправны ли женщины-врачи? // Женский Вестник. СПб., 1912, № 11; Хроника // Женский Вестник. СПб., 1912, № 11.

¹⁰⁶ Там же. С. 241.

на возвращенных им прошениях о принятии на службу. Обeim было в тот момент около 30 лет. «Разве нельзя быть полезной и дельной служащей, будучи даже невзрачной, некрасивой и, главное, тридцатилетней? При чем же все это тут? И почему все это требуется только от женщин?»¹⁰⁷ — задает вполне резонные вопросы автор.

Кульминацией плачевного общественного положения женщины, квинтэссенцией ее тотальной незащищенности перед лицом общества и государства был феномен проституции и врачебно-полицейского надзора. «Единственным поприщем, на котором женщине сыздавна было предоставлено право свободно проявлять свою личность — это право заниматься проституцией»¹⁰⁸, — констатировали феминистки. Это была единственная профессия, против которой мужчины не возражали.

В основе такого явления, как проституция, по мнению феминисток, лежало отношение к женщине как к вещи, которая создана для удовлетворения потребностей и желаний мужчин. Соответственно, в зависимости от различного рода потребностей мужчина и создает для себя женщину — «честную» или «падшую». И если в отношении «честных» женщин мужчины порой сдерживают себя, то в обществе проституток этого не требуется.

Рассуждая о проституции, феминистки прежде всего отрицали деление женщин на «честных» и «нечестных», «падших» и «устоявших». Это ни что иное, как мужское лукавство, ведь в основе отношения мужчин ко всем женщинам лежит представление о женщине как о вещи. И если сегодня к одной вещи они подходят со всей возможной галантностью, то завтра могут наделить ее эпитетом «падшая». Ничто не мешает мужчине относиться к «честной» женщине так же, как к проститутке. При существующей системе мужского господства ни одна женщина не была застрахована от угроз сексуального характера. В информационных рубриках журнала с пугающей периодичностью

---

¹⁰⁷ Петрова. Женская служба и наружность // Женский Вестник. СПб., 1908, № 4. С.118

¹⁰⁸ Холмогорова В. Во имя идеи справедливости (по поводу феминисток) // Женский Вестник. СПб., 1911, № 11. С. 225.

появлялись сообщения о сексуальном насилии, совершенном в отношении девочек, девушек и женщин, и об игнорировании обществом этих фактов. К примеру, в №3 за 1906 г. сообщается о заведующем некоей прогимназией для девочек в Варшаве, который заманил одну из учениц к себе, «надругался над ней и держит ее теперь в рабстве». Несчастливая девушка обратилась за помощью к содержательнице гимназии, однако та отказалась ей помочь и даже не уволила заведующего¹⁰⁹.

Прямую угрозу для всех женщин представлял и врачебно-полицейский надзор, благодаря которому любая могла быть насильственно записана в проститутки. Исследователи отмечают, что, благодаря подобной системе, «ярлык проститутки можно было навесить на любую женщину, не отвечавшую историческому представлению о норме»¹¹⁰. Другими словами — если женщина жила в городе самостоятельно, была одинока и не находилась под опекой мужчины.

Довольно часто угнетенное положение женщины в семье, обществе и государстве феминистки сравнивали с положением крепостных крестьян до реформы 1861 г. Они писали о «крепостническом духе», который был характерен для взаимоотношений личности и государства в России. Главным признаком этого «духа» они считали полное бесправие человеческой личности и бесконтрольное распоряжение ею, как вещью, со стороны государства. Прямые параллели этому феминистки видели во взаимоотношениях помещиков и крепостных: «за мужчинами крепостники признавали еще некоторые человеческие права, а женщины для них являлись прямо вещью»¹¹¹. Также неслучайно, что в статьях, посвященных изменениям в законодательстве в области семейного права Российской Империи, постоянно встречаются выражения «раскрепощение жен» и «мужья-рабовладельцы»¹¹².

---

¹⁰⁹ Хроника // Женский Вестник. СПб., 1906, № 3. С. 95.

¹¹⁰ *Абрамс Л.* Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918. М., 2011. С. 176.

¹¹¹ *Покровская М.И.* Женщина в крепостные времена и ее психология // Женский Вестник. СПб., 1911, № 2. С. 45.

¹¹² См. напр. Раскрепощение жен // Женский Вестник. СПб., 1912, № 5–6.

Однако, несмотря на тяжелые условия жизни, и крепостные крестьянки, и современные феминисткам женщины смогли сохранить, по выражению Покровской, «душу живу». Их роднила «смелость, энергия, независимость»¹¹³, т. е. те качества, которые помогали российским женщинам в их нелегкой борьбе за равноправие.

Эти же качества должны были помогать женщинам выстраивать по-новому, в соответствии с общественными обязанностями, и их повседневную жизнь. В статьях, посвященных женской повседневности, феминистки акцентировали внимание на трех темах: взаимоотношения мужей и жен в рамках семьи, вопросах материнства и ведения домашнего хозяйства.

Свое видение семьи они формулировали в соответствии с идеальным представлением о женщине-гражданке, обладающей избирательным правом и активно участвующей в политической, общественной и культурной жизни страны. Прежде всего, идеальная семья — это *гражданский* (курсив мой — С.К.) союз двух свободных, равноправных личностей, относящихся друг к другу со всем возможным уважением. Под гражданским союзом феминистки понимали брак, зарегистрированный в государственном учреждении и, желательно, сопровождаемый заключением брачного договора, в котором должны были быть подробно прописаны обязанности мужа и жены, и их дальнейшая судьба на случай развода. Брак должен был быть товариществом, заключенным по обоюдному желанию сторон.

К существующему церковному браку, в котором жена целиком зависела от мужа, а также к затруднительной практике разводов феминистки относились крайне отрицательно. Положение жены в современной им семье они часто сравнивали с положением древних пленниц и рабынь¹¹⁴. А практику выдачи женам отдельных паспортов только с разрешения мужей прямо называли «закрепощением жен»¹¹⁵. В многочисленных статьях

---

¹¹³ Покровская М.И. Женщина в крепостные времена и ее психология // Женский Вестник. СПб., 1911, № 10. С. 208.

¹¹⁴ См. напр. Покровская М.И. Что делать женщинам для достижения равноправия с мужчинами // Женский Вестник. СПб., 1907, № 3. С. 79–80.

¹¹⁵ Покровская М.И. Закрепощение жен // Женский Вестник. СПб., 1909, № 7–8. С. 139

и художественных произведениях они демонстрировали читательницам и читателям плачевные последствия подобной системы семейно-брачных отношений¹¹⁶. В частности, в № 11 за 1912 г. сообщается о суде над мещанкой Аксеновой, убившей своего мужа и затем разрубившей его труп на куски. Далее следуют обстоятельства данного дела: убитый «зверски издевался над подсудимой», заставляя ее «продаваться извозчикам за 15 копеек». А однажды «затащил ее на постоялый двор и там продавал чуть ли не целой роте новобранцев по 20 коп.»¹¹⁷.

«Церковный брак, — писали феминистки, — часто прикрывает такие язвы общества, которых могло бы и не быть, если бы противопоставить ему гражданский брак»¹¹⁸. Среди этих «язв» называлась и полная экономическая зависимость жены от мужа, и двойная мораль, которая требовала от женщины сохранения девственности до брака и верности в браке, а к мужчине не предъявляла никаких требований, и, в целом, полное забвение личности женщины в браке.

Феминистки были уверены, что, при существующей форме брака женщина, выходя замуж, «теряет свою личность» и лишается прав. «Она сама себе не принадлежит более и каждый ее шаг должен быть сделан с ведома мужа, законного владельца всего ее существа»¹¹⁹. Интересно, что одним из признаков «потери» личности женщины в традиционном браке феминистки считали перемену фамилии: «женщина становится неотъемлемой собственностью мужчины, *теряя даже свое имя* (курсив мой — С.К.)»¹²⁰.

Также к несправедливым и социально опасным тенденциям феминистки относили и определение домашних обязанностей исключительно как женских: «нельзя признать нормальным то разделение труда между мужчинами и женщинами, которое существует в настоящее время. Мужчины взяли

---

¹¹⁶ См. напр.: Юлия Ленская Без исхода // Женский Вестник. СПб., 1906, № 3; Женский Вестник. СПб., 1906, № 10.

¹¹⁷ Хроника // Женский Вестник. СПб., 1912, № 11. С. 246–247.

¹¹⁸ А. О гражданском браке // Женский Вестник. СПб., 1906, № 1. С. 2.

¹¹⁹ Там же. С. 3.

¹²⁰ М.В. Назначение женщины // Женский Вестник. СПб., 1906, № 10. С. 284.

на себя общественную деятельность, а женщинам предоставили семью»¹²¹. В идеальной семье все домашние обязанности, традиционно считавшиеся женским делом, должны быть разделены между мужем и женой. Это равное распределение обязанностей должно было освободить женщину от пут традиционной, патриархальной, семьи и облегчить ей выход на общественную арену.

Такие вопросы, как ведение домашнего хозяйства, воспитание детей и вовсе выводились из приватной сферы жизни в публичную. Домашнее хозяйство, в частности, нуждалось в срочном реформировании с учетом интересов «новых женщин», получающих образование и трудящихся на пользу общества. Разумеется, полностью женщина не устранялась из системы домашнего хозяйства, корректировалась лишь ее роль, с учетом новых интересов женщины. Выше уже говорилось об общественном долге женщины, который состоял в своеобразном оздоровлении общества и государства. Чтобы выполнить эту обязанность, женщина естественно должна была выйти из семьи и вступить в публичное пространство. Именно для этого и необходима была реформа ее повседневной семейной жизни.

Феминистки считали, что работа по дому и воспитание детей — это специфическая трудовая деятельность, которая нуждается в специальной подготовке, профессиональных знаниях в самых разных областях (медицина, педагогика, кулинария, санитария и т. д.). Соответственно женщина, ведущая хозяйство и воспитывающая детей, заслуживает уважения, как полноправный трудящийся член общества и, что не менее важно, оплаты своего труда. Феминистки неоднократно обращали внимание именно на ценность труда женщины в семье, на ее вклад в семейный бюджет: «женщину семья превращает в нуль; она как бы перестает существовать. Это несправедливо. С социальной точки зрения, на женщину смотрят как на дармоедку, а между тем на деле она трудится»¹²².

---

¹²¹ Покровская М.И. Что делать женщинам для достижения равноправия с мужчинами // Женский Вестник. СПб., 1907, № 3. С. 81.

¹²² Мораль феминизма // Женский Вестник. СПб., 1907, № 11. С. 268.

В рассуждениях феминисток домашнее хозяйство и воспитание детей выводилось из приватной сферы приложения женских природных способностей и становилось элементом системы общественного производства, куда вкладывали труд миллионы женщин. Женщина становилась ценной экономической единицей. Брак должен быть «трудовым хозяйственным товариществом с мужчиной»¹²³, писали феминистки. И вновь в их рассуждениях появляются параллели с крепостным правом: «Уничтожение крепостного права тоже привело к изменению склада жизни. Освобождение замужних женщин от обязанности трудиться даром будет вторым и последним шагом по пути уничтожения права пользоваться чужим трудом, не оплачивая его ничем, кроме содержания»¹²⁴.

Тот же принцип самостоятельности женщины и определенной свободы от традиционных гендерных предрассудков лежал и в основе рассуждений феминисток о материнстве. Впервые ими был поставлен вопрос о сознательном материнстве. Феминистки соглашались с тем, что материнство — это одна из важнейших функций женщины, но, в то же время, они значительно сместили акценты в рассмотрении этой проблемы. Женщина, мать, несет ответственность за судьбу всего человечества, так как только она может спасти его от вырождения. Сделать это она может только серьезно, сознательно и ответственно относясь к своему материнству. А это значит, что женщина — не просто самка, бездумно плодящая детей, как считало, по мнению феминисток, большинство мужчин, предоставляя женщине «как бессмысленной самке, плодить и кормить детей»¹²⁵. Между тем мать — это не только та, что родила, но и та, что воспитала. А чтобы хорошо воспитать ребенка, неважно — мальчика или девочку, чтобы сделать из него или из нее гражданина или гражданку своего отечества, женщина сама должна быть гражданкой, для чего ей должен быть открыт доступ в публичную сферу.

---

¹²³ Холмогорова В. Во имя идеи справедливости (по поводу феминисток) // Женский Вестник. СПб., 1911, № 11. С. 224.

¹²⁴ Рогович М. О вознаграждении труда замужних женщин у домашнего очага // Женский Вестник. СПб., 1911, № 1.

¹²⁵ N.N. Равноправие // Женский Вестник. СПб., 1906, № 7–8. С. 195.

Также важным сюжетом в феминистском дискурсе был вопрос о праве женщины на материнство. Другими словами — о возможности женщины стать матерью, независимо от санкции общества или конкретного мужчины. Здесь речь вновь шла о свободе личности и о ее праве на свободный выбор. Разумеется, российские феминистки были еще довольно далеки от признания права женщины на контроль за собственной репродуктивностью, и в большинстве статей они высказываются против теории неомальтузианства¹²⁶, широко обсуждавшейся общественностью в то время. Однако они считали ненормальной ситуацию, когда общество, а не сама женщина, осуществляет этот контроль, выдавая своеобразную санкцию на материнство. «Женщина, отказавшаяся от брака, т. е. от формального рабства, не имеет права сделаться матерью, когда того требует все ее существо, не будучи за это предана общему презрению. ... Сколько молодых и здоровых девушек из-за этого глупого предрассудка лишены материнства»¹²⁷.

Итак, по результатам анализа статей в журнале «Женский Вестник» представляется возможным выявить основные характеристики «новой женщины», образ которой рисовали перед читателями и читательницами авторы данного издания. В условиях авторитарного режима, с подозрением относившегося к любым проявлениям инициативы снизу и, одновременно, революционного террора, в котором женщины традиционно принимали активное участие, российские феминистки попытались сформулировать свою, компромиссную позицию и представить женщинам альтернативные пути их вовлечения в общественную жизнь и публичную политику.

В их представлении, идеальная женщина должна была быть свободной, сознательной, активной гражданкой, обладающей всей полнотой политических и гражданских прав и со всей ответственностью относящейся к своим общественным обязанностям. Она должна была быть свободна и от общественных предрассудков, и от подчинения семье и конкрет-

---

¹²⁶ См., напр.: *Яковлева С.* Деторождение и женское движение // Женский Вестник. СПб., № 10–11.

¹²⁷ *М.В.* Назначение женщины // Женский Вестник. СПб., 1906, № 10. С. 284.

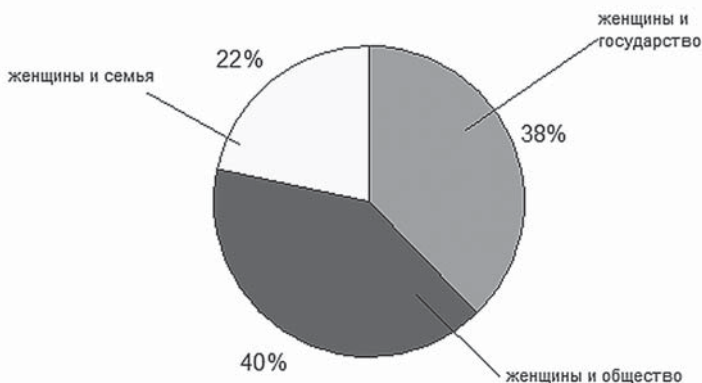

Схема 1. Диаграмма, демонстрирующая общее распределение тематических блоков журнала «Женский Вестник» за 1905–1912 гг.

ному мужчине — мужу. Основными путями достижения этой свободы феминистки считали образование, труд и завоевание политических прав. Женщина должна была выйти из тесных рамок частной сферы жизни на широкую арену жизни общественной, а затем изменить и нормы, регулирующие ее повседневность.

Это был тот идеальный образ, на который российские женщины должны были ориентироваться в своей повседневной жизни и общественной деятельности. Сформулированные российскими феминистками начала XX в. идеологические и культурные ориентиры содержали в себе ряд ценностей, представлявших собой альтернативу традиционной патриархальной культуре. Характер этих ценностей говорит о том, что у данной группы были определенные представления о гражданственности, о гражданских ценностях, составлявших основу их гражданской идентичности. А их попытки объединить всех женщин, независимо от их социального происхождения, говорят о стремлении сформировать специфический — гендерно окрашенный — вариант гражданской идентичности.

Вместо заключения

**ПАРАДОКСЫ
РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА В РОССИИ**

В процессе ускоренной модернизации второй половины XIX — начала XX в. в России формировались элементы гражданского общества. Этому способствовали развитие рыночной экономики, секуляризация и индивидуализация сознания образованной части общества, рационализация и легализация социальных и политических отношений, постепенная централизация и интеграция политической, экономической и культурной сфер жизни общества.

В условиях «имперской догоняющей модернизации» становление институтов и практик гражданского общества являлось чрезвычайно сложным и противоречивым. Процесс формирования гражданского общества в Российской империи начался гораздо позже, чем на Западе (единой точки зрения по вопросу нет; его начало относят и ко второй половине XVIII в., и к середине XIX в.), и протекал до начала XX в. в условиях неограниченной самодержавной власти, при отсутствии у населения не только политических, но и важнейших гражданских прав (равенство всех перед законом, неприкосновенность, личности, свобода слова, собраний, союзов).

Важным признаком становления гражданского общества является формирование гражданского самосознания и утверждение приоритета *общегражданских ценностей*. Их главный принцип заключается в преобладании единой гражданской идентичности населения (граждане одной страны) по сравнению с этнической, конфессиональной, региональной идентичностью. Создание гражданского общества сдерживалось «наследством» крепостного права, сословным строем, огосударствлением (еще в начале XVIII в.) православной церкви,

что резко ограничивало возможность появления новых систем ценностей, соответствующих потребностям модернизации. На Западе духовно-религиозное обновление (Реформация и Контрреформация) способствовало формированию «нового временного типа личности», который постепенно становился доминирующим. В связи с этим важно подчеркнуть, что последовательную модернизацию осуществляют общества, в которых существует традиция сакрализации таких атрибутов, как верховенство законов, собственность, гражданские права. И наоборот, те общества, где такая традиция не сложилась, обречены на «затяжную» модернизацию и перманентную социальную напряженность.

Общественность, особенно интеллектуальная элита, играет весьма важную роль в модернизационном обновлении, создании гражданского общества, обеспечивая его культурно-ценностную «перенастройку» (секуляризация культуры, культурный плюрализм, сциентизм и др.). В дореволюционной России интеллектуальная элита, с одной стороны, испытывала сильное влияние традиционно-религиозных ценностей всего общества, из разных сословных страт которого она формировалась, с другой стороны, интеллектуальное меньшинство активно осваивало и усваивало западноевропейские ценности (гражданские права и свободы, выборное представительство, конституция, развитое правосознание, рационально мотивированная общественная дисциплина, социальная ответственность и инициатива), стремясь соединить их с базовыми компонентами российской культуры.

Становление гражданского общества затруднял и имперский характер российской государственности. Рост национального самосознания в центре и на окраинах империи (особенно интенсивно он шел в Польше, Финляндии и на Украине), первые всплески национальных движений (Польша) препятствовали осознанию русской интеллектуальной элитой общегражданских интересов и ценностей.

Великие реформы оказали большое влияние на развитие общественной мысли и общественного движения. Общество в условиях политического режима самодержавия из объекта политических перемен превращалось в субъект политической деятельности. В первой половине 1860-х гг. российская обще-

ственность впервые приняла широкое участие в разработке и проведении реформ. Через различные комитеты, комиссии, собрания последовательно и постепенно представительные начала стали входить в практику законотворчества и управления. Общественность не только «приглашалась во власть», но и сама создавала островки общественной инициативы — земства, суды, адвокатуру, университеты, органы периодической печати.

Создание органов местного самоуправления и суда стало первым трудным историческим опытом «социального партнерства» русского общества и государства. Власть, с одной стороны, хотела привлечь население к решению вопросов местного управления, с другой — постоянно опасалась, что эта деятельность может принять нежелательный для государства характер. Земства становились прибежищем оппозиционной, либерально настроенной части общества, которая стремилась превратить их в организационные центры либерального движения.

Среди способов выражения общественного мнения на первое место выдвинулась пресса. Именно в это время понятие «общественное мнение» вошло в обиход и стало популярным, а понятие «печать» употреблялось в качестве его синонима. Под давлением общественности была допущена регулируемая гласность в прессе, но при этом сохранился старый принцип неотвечественности верховной власти перед обществом. Однако, провозглашая независимость от общественного мнения, Александр II и его правительство уже не могли с ним не считаться.

Одной из форм становления гражданского общества стали многочисленные общественные организации, которые являлись школой самоорганизации общества, оспаривали у власти монопольное право на выражение интересов населения. Первые негосударственные общественные организации возникли в России еще в первой половине XIX в. В 1801–1860 гг. было создано около ста легальных организаций, в большинстве своем оказавшихся недолговечными. Во второй половине XIX в. число легальных объединений выросло в сотни раз, и в совокупности они составляли весьма заметную часть институциональной структуры общества.

Общественные организации активно действовали во всех областях жизни, кроме политической: в науке и технике, литературе и искусстве, просвещении и здравоохранении, промышленности и торговле, сельском хозяйстве и на транспорте. Они занимались благотворительностью и взаимопомощью. Широкое распространение общественные организации получили не только в столице, но и в провинции (в городах и уездах). Многим людям легальные общества давали реальную возможность открытой «внеслужебной» деятельности.

Как показало проведенное авторами данного сборника исследование культурных и социальных практик российской интеллигенции, важным фактом формирования гражданского общества стал процесс ее профессионализации, в ходе которого происходило становление личности нового типа, органично сочетавшей профессиональные и гражданские ценности.

Однако несмотря на активизацию общественности во второй половине XIX — начале XX в. и те изменения в системе политической власти, которые произошли в условиях социального кризиса 1905–1907 гг., в России так и не сложилось гражданского общества. Имперское сознание наиболее активной части этнического большинства, политический индифферентизм российской буржуазии (на Западе гражданские ценности складывались среди горожан и буржуазии), антибуржуазный менталитет большей части населения, слабая секуляризация массового сознания, нарастание этнонационализма на окраинах империи, — все это тормозило вызревание гражданских ценностей, а следовательно, и формирование гражданского общества.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Проскурякова Наталья Ардалионовна – доктор исторических наук, профессор кафедры социальной истории Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ-ВШЭ).

Благодетелева Елизавета Дмитриевна – кандидат исторических наук, стажер-исследователь Центра лонгитюдных обследований Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ-ВШЭ).

Зубков Игорь Владимирович – кандидат исторических наук, редактор научного издательства «Большая Российская энциклопедия» (БРЭ).

Крадецкая Сусанна Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры «История и политология» Института экономики и управления МГТУ МАМИ.

Никс Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социологии Российской академии наук (ИС РАН).

Рафалюк Оксана Евгеньевна – кандидат исторических наук, преподаватель Московского института лингвистики (МИЛ).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об учителе	5
Введение (Н.А. Проскурякова)	7
<i>Глава 1. Гражданская идентичность: методологические и историографические подходы (Н.А. Проскурякова, Е.Д. Благодетелева) .....</i>	<i>22</i>
<i>Глава 2. К вопросу о формировании гражданской идентичности московской профессуры второй половины XIX — начала XX в. (Н.Н. Никс) .....</i>	<i>59</i>
<i>Глава 3. Формирование гражданской идентичности народных учителей (И.В. Зубков) .....</i>	<i>101</i>
<i>Глава 4. Гражданская и профессиональная идентичность российской адвокатуры второй половины XIX — начала XX вв (Е.Д. Благодетелева) .....</i>	<i>163</i>
<i>Глава 5. Гражданские практики русских писателей-модернистов рубежа XIX—XX вв. (О.Е. Рафалюк) .....</i>	<i>202</i>
<i>Глава 6. Гражданская идентичность феминисток в России в начале XX в. (С.В. Крадецкая) .....</i>	<i>242</i>
<i>Вместо заключения. Парадоксы российской модернизации и формирование гражданского общества в России (Н.А. Проскурякова) .....</i>	<i>287</i>
Сведения об авторах.....	291

Научное издание

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Сборник статей

Издатель *Леонид Янович*

Редактор *Галина Атмашкина*

Корректор *Татьяна Гатова*

Верстка и макет *Вера Брызгалова*

Техническая поддержка *Евгений Янович*

Художник *Антонина Байдина*

Налоговая льгота —

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2;

953000 — книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»

Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,

по вопросам реализации 8-905-739-0264

E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novhron.info>

ISBN 978-5-94881- 229-8

Подписано к печати 01.03.2013

Формат 60х90/16, Бумага офсетная № 1

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 18.5

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в

ООО «Чебоксарская типография № 1»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

**И з д а т е л ь с т в о
Н О В Ы Й Х Р О Н О Г Р А Ф**

В 2011 – 2012 гг. вышли:

А.С. Секиринский
**АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
И МЕНЯЮЩИЙСЯ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
(март 1985— июль 1991)**

Н.А. Морозова
**МОЕ ПРИСТРАСТИЕ К ДИККЕНСУ.
Семейная хроника двадцатого века**

Л.А. Фадеева
КТО МЫ? Интеллигенция в борьбе за идентичность

Л.Ф. Писарькова
**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ РОССИИ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА.
Проекты. Замыслы. Воплощение**

Н.И. Воициникова
СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ НА ФОНЕ ДВУХ ЭПОХ

А.Н. Бикташева
**АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ.
Казанские губернаторы первой половины XIX века**

Герман Андреев
**РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ЭМИГРАЦИИ.
Авторы и журналы третьей волны эмиграции**

ПИСЬМА – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВОСПОМИНАНИЯ...
**Переписка семьи Семеновых-Тян-Шанских
и сестер А.П. и В.П.Шнейдер**

Ф.А. Попов
ГЕОГРАФИЯ СЕЦЕССИОНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

**И з д а т е л ь с т в о
Н О В Ы Й Х Р О Н О Г Р А Ф**

В 2013 году вышли в свет:

Л.М. Дробижева

**ЭТНИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНО ПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.**

Опыт двадцати лет

М.А. Розов

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ В НОВОМ ВИДЕНИИ

**ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
АРХИТЕКТОРА-РЕСТАВРАТОРА Б.Л. АЛЬТШУЛЛЕРА**

М.Б. Горнунг

ЗАРНИЦЫ ПАМЯТИ

**Серия: От первого лица: история России
в воспоминаниях, дневниках, письмах**

Саймон Пирани

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОТСТУПЛЕНИИ. Пер. с англ.

Михаил Хейфец

КНИГА СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

**Серия: От первого лица: история России в воспоминаниях,
дневниках, письмах**

П.М. Козырева, А.Э. Низамова, А.И. Смирнов

**РЕСУРСЫ И ПРАКТИКИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ**

Л.М. Баткин

ЭПИЗОДЫ МОЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

**Серия: От первого лица: история России в воспоминаниях,
дневниках, письмах**

Издания «Нового Хронографа»
можно приобрести в магазинах:

в Москве:

- «Библио—Глобус» — ул. Мясницкая, 6, тел. (495) 924—46—80
Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, тел. (495) 959—20—94
«Гилея» — Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея
современного искусства), тел. (495) 925—81—66
«Москва» — ул. Тверская, 8, тел. (495) 629—6483, (495) 797—87—17
«Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, 8, тел. (495) 789—35—91
«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, тел. (495) 238—50—01
«У Кентавра» — РГГУ, ул. Чаянова, д.15, тел. (495) 250—65—46
Книжный киоск изд-ва «РОССПЭН» (Институт российской
истории) — ул. Ульянова, д.19, тел. (499) 126—94—18
«Книжная лавка обществоведа» (ИНИОН) — Нахимовский пр.
51/21, тел. (499) 120—30—81
Книжный киоск «Русская деревня» — Глинищевский пер., д. 6, тел.
(495) 650—60—31
Книжный магазин «Циолковский» — Новая площадь, д. $\frac{3}{4}$, пд. 7Д,
тел. (495) 628—64—42
«Книжная лавка историка» (РГАСПИ) — ул. Большая Дмитровка,
д. 15, тел. (495) 694—50—07
«Фаланстер» — М.Гнездниковский пер., д. 12/27, тел. (495)629—88—21

в Санкт—Петербурге:

- «Академкнига» — Литейный пр., д. 57, тел. (812) 230—13—28
«Вита Нова» — Менделеевская линия, 5, тел. (812) 328—96—91
Киоск в Библиотеке Академии наук — ВО, Биржевая линия, 1
«Книжная лавка писателей» — Невский пр. 66, тел. (812) 314—47—59
Книжные салоны при Российской национальной библиотеке — Садо-
вая ул., 20; Московский пр. 165, т. (812) 310—44—87
«Книжный окоп» — Тучков пер., д. 11/5 (вход в арке),
т. (812) 323—85—84
«Книжный салон» — Университетская наб., 11 (в фойе филологиче-
ского факультета СПбГУ), тел. (812) 328—95—11